

[Polaris]

ДЖОН
ТЭЙН

САМОЕ
ГЛАВНОЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЕ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CDXV

Salamandra P.V.V.

**Джон
ТЭЙН**

**САМОЕ
ГЛАВНОЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЕ**

Забытая палеонтологическая
фантастика

Том XVII

Salamandra P.V.V.

Тэйн Д. (Э. Т. Белл)

Самое главное приключение. Пер. с англ. В. Барсукова. Илл. Л. Стивенса (Забывтая палеонтологическая фантастика. Том XVII). — Б. м.: Salamandra P.V.V., 2023. — 164 с., илл. — (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. CDXV).

Палеонтологическая фантастика — это затерянные миры, населенные динозаврами и далекими предками современного человека. Это — захватывающие путешествия сквозь бездны времени и встречи с допотопными чудовищами, чудом дожившими до наших времен. Это — повествования о первобытных людях и жизни созданий, миллионы лет назад превратившихся в ископаемые...

Роман «Самое главное приключение» рассказывает об экспедиции в неисследованную, сотрясаемую землетрясениями область Антарктиды. Здесь блестящий и богатый ученый Эрик Лейн, его дочь Эдит, чудаковатый археолог Дрейк и их колоритные спутники открывают пугающий мир, наводненный монстрами одичавшей эволюции.

«Джон Тэйн» — литературное имя известного американского математика Э. Т. Белла (1883-1960), автора ряда научно-фантастических романов и книг по истории математики.

**САМОЕ
ГЛАВНОЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЕ**

Глава I

ПТИЦА ИЛИ РЕПТИЛИЯ?

Доктору Эрику Лейну можно было только позавидовать. Достаточно простого везения, и впереди его ждут лет тридцать пять наивысшего наслаждения, доступного ученому, наделенному острым интеллектом и отменным здоровьем. Тридцать пять лет познания законов природы и использования их во благо человечества!

В тот день Лейну исполнилось сорок, но ощущал он себя восемнадцатилетним — и ни на день старше. Он улыбнулся, вспомнив о дочери, Эдит. Как раз ее возраст.

— Мы точно двое ребяташек, — рассмеялся Лейн и с нежностью бросил взгляд на ее приношение к юбилею, белую с золотом фигурку спящего кота на рабочем столе. Любовь к кошачьим была лишь одной из множества черточек сходства; между доктором и его дочерью царило совершенное взаимопонимание. Их духовной близостью, вне сомнения, объяснялось то, что ученый до сих пор оставался вдовцом. Жена Лейна умерла десять лет назад, но доктор ни разу не задумывался о новом браке. Покойная жена напоминала Эдит: понимала с полуслова, когда он оставлял свои мысли недосказанными, и тактично позволяла Лейну по целым дням размышлять в молчании, когда на него находило рабочее настроение. Год или два Лейн оплакивал раннюю смерть жены, однако в жизни у него оставалась Эдит, оставалась работа. Мало-помалу он взял себя в руки и стал глядеть не в прошлое, а в будущее.

«Интересно, что подельывает Эдит», — подумал доктор, с улыбкой рассматривая спящего кота. Словно в ответ на его молчаливый зов, дверь кабинета бесшумно приоткрылась дюйма на два. Любопытный карий глаз быстро оценил ситуацию.

— Входи, — воскликнул Лейн. — Я не занят.

Эдит присоединилась к нему у рабочего стола, заставленного микроскопами и странного вида образцами в тщательно закупоренных банках со спиртом.

— Знаешь ли, иногда это меня немного пугает, — произнес Лейн.

— Что пугает, дорогой папа? — непонимающе спросила она. Ему редко удавалось застать дочь врасплох.

— Ну... ведь у меня есть все, что я могу пожелать.

— И почему бы нет? Ты это заслужил.

— Как и тысячи других. Но у них нет ничего, а у меня — все.

— Ах, — засмеялась она. — Слишком громко звучит. Ты ведь не мил-

лиардер, и тебе не нужен целый свет, как некоторым. А после они начинают рыдать, потому что не в силах его заполнить.

— И все-таки, — настаивал доктор, — тысячи людей, ничем не хуже меня, рабски трудятся всю жизнь и едва зарабатывают себе на хлеб.

Он подошел к высокому створчатому окну и застыл, задумчиво глядя на ясную весеннюю красоту залива Сан-Франциско. Из всех мест на земном шаре он выбрал своим пристанищем именно это: особняк высоко на Телеграфном холме, с видом на город и величественную дугу гавани. Бывало, Лейн часами простаивал у окна, углубившись в раздумья и лишь краем глаза замечая торопливые белые силуэты паромов, огибавших Гоат-Айленд с точностью часовых стрелок или заводных игрушек. Шум теплого весеннего ветра в листьях молодых эвкалиптов у раскрытого окна вернул его к действительности.

— Да-да, — продолжал он. — Возьми, к примеру, Дрейка. Ему двадцать девять, и он беден, как церковная мышь. В его возрасте я уже почти шесть лет как был миллионером. И в то же время его дарования значительно превосходят мои. Ему просто не выпал такой же шанс, вот и все.

— А если бы выпал? — возразила Эдит. — Думаешь, он был им воспользовался?

— Нет, — задумчиво ответил Лейн. — В нем нет ни капли деловой хватки. И все же я считаю, что голова у него лучше моей.

— Так отчего бы ему не поработать головой?

В реплике Эдит прозвучала насмешливая нотка. Доктор удивленно посмотрел на нее.

— Мне казалось, вы с Дрейком большие друзья, — заметил он.

— Это правда, — с готовностью подтвердила она. — Но полнейшая тщета его древних иероглифов действует мне на нервы. Лучше бы он занял свой ум чем-нибудь более осмысленным.

— Откуда тебе знать, бесполезна ли его работа? — парировал доктор.

— Ах, сейчас последует очередная научная канонада, — рассмеялась она. — Уползаю в свой скромный уголок. Я побеждена... Разве ты не понимаешь, — с внезапной пылкостью заговорила она, — что вся эта расшифровка диковинных надписей, так или иначе, ни на йоту не изменит жизнь современных людей? Что нам дела до того, каким образом полудикая раса, вымершая многие столетия назад, предсказывала затмения луны? Станет ли жизнь хоть одного человека лучше, если он узнает, как этот мертвый и забытый народ избавлялся от трупов ближних?

— Возможно, — рискнул пошутить доктор, — ты бы предпочла, чтобы Дрейк обратил свои таланты на нерешенную проблему младенческих колик?

— По крайней мере, это было бы полезнее! — вспыхнула Эдит.

— Ничуть нет, мой ангел, — сказал Лейн. — Тебе нужно смотреть на вещи шире. Победа над болезнями и открытие источника жизни не составляют и

половину задачи. Недаром древние говорили, что бытие целостно и едино; нельзя изменить ничтожную часть, не изменив всей его ткани. Боливийские иероглифы Дрейка — такая же жизненно важная часть науки, как безвестные паразиты рыб, с которыми я вожусь в надежде узнать что-то новое о раке. И я не удивлюсь, — заключил он, чуть посмеиваясь, — если когда-нибудь труды Дрейка дадут нам ключ к решению главной загадки.

— И объяснят, что есть жизнь? — засмеялась Эдит. — Если так, я съем вот это.

Она указала на чрезвычайно отталкивающую рептилию в одной из стеклянных банок. То была любимица доктора: опухоль, расправившаяся с животным, похоже, была уникальной в истории раковых заболеваний.

Еще раз улыбнувшись, Эдит исчезла так же бесшумно, как и появилась. У нее была своя работа, у доктора — своя. Утро Эдит начиналось краткой беседой с китайской прислугой: краткой потому, что обе стороны были деятельны и не тратили лишних слов. Затем она час или два ухаживала за цветами в английском саду, предмете своей гордости; после наступал черед серьезных ежедневных обязанностей. Они состояли в регулярной учебе под руководством отца. По просьбе дочери он разработал курс теоретических занятий и лабораторных опытов, подводивший Эдит к пониманию основ его научного труда. Каждый вечер молодой врач, недавно закончивший университет, на протяжении двух часов пополнял доходы от своей скудной практики, разъясняя Эдит сложные моменты дневных уроков. Девушка стремительно и заметно совершенствовала свои познания. Она никогда не обращалась к отцу с вопросами, ответы на которые мог дать любой компетентный преподаватель.

В солнечное время дня она читала под перечными деревьями у ворот. Сюда приходили за вознаграждением итальянские и японские рыбаки, приносившие ученому курьезы из своих сетей. Среди рыбаков и мореходов всего тихоокеанского побережья и даже Гавайев и далекой Японии доктор Лейн из Сан-Франциско давно слыл знаменитостью. Всякий знал, что этот чужак готов заплатить доллар за больную и совершенно непригодную для продажи рыбу. А за какое-нибудь глубоководное чудище он платил целых десять долларов. Что делал он с этими уродцами, рыбаков не интересовало — плата была столь же велика, как их невежество.

Время от времени какой-нибудь честолюбивый моряк предлагал Эдит свой гениальный шедевр, созданный за месяцы кропотливой работы на баке. Обычно это была фантастическая русалка, сработанная из ламинарий и кокосовых орехов, или морской змей, искусно сделанный из водорослей и рыбьих пузырей. Но моряк быстро убеждался в том, что напрасно тратит время. Эдит с первого взгляда распознавала тонкое различие между дарами природы и высоким искусством. Если подделка была достаточно ужасающа на вид и в остальном приятна, Эдит покупала ее для собственной коллек-

ции, намереваясь, как она сказала отцу, когда он возмутился ее растущим собранием уродцев, когда-нибудь написать монографию о болезненном воображении моряков.

Оставшись в одиночестве, ученый вернулся к открытому окну. Его охватила весенняя лихорадка. Работа, приборы, заспиртованные образцы казались оскорблением природы. Он с удовольствием подставил лицо под теплое дыхание ветерка, созерцая искрящуюся голубизну и серебро бухты. Воспоминания о прожитых годах насыщенной жизни свободно скользили в его сознании, мысли уносились в будущее, обещавшее немало великих свершений...

Со школьных лет он был одержим мечтой обнаружить сокрытый источник жизни и раскрыть его тайну. Создать жизнь или хотя бы контролировать и направлять жизнь уже созданную — вот в чем состояла величайшая задача. Позднее, систематически изучая биологию, он осознал полную безнадежность прямого наступления. Не тратя время зря, он направил свои усилия на предметы поскромнее, надеясь — если повезет — атаковать с фланга. Лейн рассудил, что полноценное создание живого организма искусственным путем, вероятно, на века опережает возможности науки, а его способности были слишком велики, и их жаль было тратить на неразрешимые загадки. Если в ходе прилежного изучения проблем меньшего масштаба откроется путь к цели, тем лучше; но исследования не должны быть бесплодными, они обязаны приносить человечеству пользу, искоренять боль и несчастья. Нет, он не растратит свой дар на поиски невозможного.

Путь его был на первых порах труден и извилист. В школе и колледже бедность заставляла Лейна тяжело трудиться; он рано сделался умен не по летам. С абсолютной ясностью он понял, что свобода от денежных затруднений является первым условием истинно творческого научного труда. Призрак бедности постоянно преследовал его, не позволяя сосредоточиться на какой-либо по-настоящему важной теме. Поэтому на второй год учебы в колледже он решил на время отказаться от своих мечтаний и начать делать деньги. К немалому огорчению своих наставников, он внезапно оставил медицину и ринулся в геологию.

Новый предмет увлек его. Многое в геологии касалось если не сегодняшней жизни, то истории жизни в прошлом. Он вложил все свои таланты и энергию в учебу, досконально изучил строение угольных и нефтеносных формаций и с легкостью получил на выпускных экзаменах высшие баллы на курсе.

Ему исполнилось двадцать лет. На следующий день после окончания колледжа он нанялся помощником кочегара на пароход, отплывавший в Китай. Прибыв туда и не зная ни слова по-китайски, Лейн смело направился во внутренние области страны.

Дальнейшая карьера Лейна считалась в горной инженерии одной из классических. Восемнадцать месяцев спустя он обнаружил богатейший в исто-

рии угледобычи антрацитовый пласт. Более того, ему удалось заключить с правительством Китая определенные концессионные соглашения, благодаря которым он вполне мог стать одним из сотни самых состоятельных белых людей на планете. Ему требовалось лишь оставаться в Китае и развивать дело. Деньги текли бы к нему буквально рекой.

И тогда-то Лейн показал, из какого был слеплен теста. Не желая превращаться в машину для добывания денег, он передал все свои права британской компании. Не прошло и шести недель, как он уступил свою долю за десять миллионов долларов наличными. Обыкновенная деловая смекалка могла бы принести ему в будущем до сотни миллионов. Но он не мог позволить себе тратить время на зарабатывание денег. Лучшие годы жизни протекали сквозь пальцы, а он все еще был недостаточно образован для намеченной работы.

Болтаясь в Шанхае в ожидании подписания сделки, он познакомился с англичанкой, ставшей его женой и на протяжении восьми лет составлявшей его безупречное семейное счастье.

Лейн вложил свои средства в государственные ценные бумаги, забыл и думать о них и уехал с женой в Вену, где завершил медицинское образование. После он оставил жену и малютку-дочь у своей матери и взял годичный отпуск, который провел с полудюжиной друзей на охоте за окаменелостями в южных областях Патагонии.

Окаменелости вновь пробудили в нем интерес к чистой биологии. Вернувшись к цивилизации, он опять отправился с женой в Европу. Здесь он два года проходил практику в лучших центрах биологических исследований. В двадцать семь лет, по возвращении в Америку, он почувствовал, что наконец готов к полезному труду.

Решительно отставив в сторону фантастические надежды на открытие источника жизни, он сконцентрировал усилия на сложных вопросах развития клеток. Постепенно и естественно Лейн перешел к исследованию раковых заболеваний, чем и занимался последние лет десять. Он мало что публиковал, но многое познал, пусть и в отрицательном смысле. Где-то в подсознании, в глубине души он никогда не забывал о главной загадке. В теоретических и экспериментальных исследованиях он не упускал ни единого шанса последовать за малейшей подсказкой. Эти экскурсии в неизведанные области иногда стоили ему многих недель драгоценного времени. Но он никогда не жалел о них: и наименее плодотворные боковые тропы обычно приводили к двум-трем достоверным и ценным фактам.

С исключительной беспристрастностью Лейн отгораживался от любых спекулятивных теорий. Он не следовал ни за Дришем, ни за Лёбом*. Одна

* Х. Дриш (1867-1941) — немецкий биолог, эмбриолог, создатель нео-виталистской философской доктрины энтелехии; Ж. Лёб (1859-1924) — немецко-американский биолог, физиолог, лидер механистического направления в зоопсихологии (*Здесь и далее прим. перев.*).

партия философствовала, не экспериментируя, другая слепо погрузилась в бессмысленные эксперименты и удовлетворялась смутными отсылками к электричеству как возможному источнику жизни. Глубокомысленные и интригующие технические термины, подобные «полярности» или «гелиотропизму», оставляли его равнодушным: с поверхностной точки зрения, они как будто объясняли многие явления, но на самом деле не объясняли ничего, указывая лишь на пристрастие их авторов к тем или иным пышным названиям. Может, это и был первый шаг, но не более. Учитывая быструю смену веяний моды в науке и приток гениальных умов в биологию, вполне возможно, что лет через десять «полярность» заменит какой-нибудь новый и такой же неопределенный фетиш. Покамест же он, Лейн, будет сохранять нейтралитет.

Дверь тихо приоткрылась и в кабинете снова появилась Эдит.

— О, ты не занят, — сказала она. — Тогда я его приведу.

— Кого?

Но Эдит уже исчезла. Вскоре она вернулась и ввела в кабинет седобородого незнакомца, смахивавшего на моряка. Тот нес под мышкой просмоленный ящичек длиной около четырех футов, шириной и высотой в десять дюймов.

— Это капитан Андерсон, — сказала Эдит. — Он настойчиво просил позволить ему самому показать тебе находку.

— Рад знакомству, капитан, — сказал доктор, шагнув вперед и пожав руку гостя. — Не желаете ли присесть?

— Сперва посмотрите улов.

Капитан Андерсон извлек громадный складной нож и принялся методично поддевать им крышку ящичка. На стол и на пол посыпались кристаллы каменной соли. Но беспорядок, казалось, ничуть не смутил капитана. Как видно, он свято верил в успокоительное действие своего засоленного чудовища, чем бы оно ни было.

Наконец крышка была снята; ровный слой соли так и манил к себе сложенную горстью ладонь. Капитан использовал обе руки. Затем, наклонившись, он поднял мертвого монстра за то, что служило существу шеей, энергично потряс его, стряхивая прилипшие кристаллы соли, и самодовольно осведомился:

— Ну разве не красавчик?

Эдит, привыкшая к виду самых разнообразных уродцев природы, невольно ахнула и не сумела подавить дрожь отвращения. Лейн глядел, как зачарованный.

— Господи Боже! — воскликнул он. — Что это? Птица или рептилия?

Доктор и Эдит замерли перед засушенным чудовищем капитана Андерсона. Удивительное безобразие организма, не похожего ни на одно известное науке животное, приковало их к месту и наполнило каким-то извращен-

ным восхищением. Не птица, не рептилия и не рыба. Невероятный гибрид всех их вместе. Змеевидное, покрытое плотными чешуйками тело никак не соответствовало крыльям с короткими щетинистыми перьями, напоминавшим крылья летучей мыши; громадный клюв с ороговевшими губами, обнажавшими в яростной гримасе острые желтые зубы, отрицал всякую принадлежность монстра к птицам. К сморщенным бокам прижимались две ящероподобные лапы с уродливыми когтями; с одной из них все еще свисала высохшая кожа последней рыбы, съеденной неведомым существом.

Скептик с первого взгляда решил бы, что имеет дело с грандиозной мистификацией, сотворенной излишне пылким воображением какого-нибудь матроса в часы превратно понятого отдыха. Однако доктор Лейн с первого же взгляда нашел иной ответ.

— Это всего лишь детеныш, — сказал он. — Его родители мертвы уже миллионы лет. Безупречный и лучший из сохранившихся экземпляров.

Доктор проговорил это с полной убежденностью в своей правоте.

— Так есть и другие? — несколько обескураженно спросил капитан.

— О, только окаменевшие кости и несколько отпечатков перьев на камнях, которые были глиной в те времена, когда эти существа летали. Наиболее совершенный отпечаток был обнаружен в болгарской шахте несколько лет назад. Но той вдавлине на камне далеко до вашего красавца... Где, ради всего святого, вы его нашли?

— В южных полярных морях.

— Вмерз в лед? — предположил Лейн. Ему тотчас вспомнились сообщения о находках давно вымерших мастодонтов на Аляске, в северной части Сибири и других областях; мясо этих угодивших в ледяной плен гигантов оставалось таким же свежим, каким было тысячелетия назад.

— Нет, — отвечал капитан. — Мы подобрали его еще теплым. Он был мертв не более пятнадцати минут.

— Но каким обра...

— Прежде позвольте задать вам парочку вопросов. Что это такое?

— Не знаю, — поколебавшись, признался доктор. — Сперва я решил, что это недостающее звено цепи, соединяющей рептилий и птиц — промежуточное существо наподобие птеродактиля, но еще не археоптерикс. Последний является прародителем всех птиц. Затем я подумал... вот, поглядите сами.

Лейн подошел к книжным полкам и достал большую зеленую папку.

— Положите вашего зверя на стол и сравните с этим, — сказал он, указывая на фотографический снимок знаменитой болгарской окаменелости. — Похож, не правда ли?

— В общем и целом. Но у этой змеи с крыльями там, в глине, нет чешуи на животе, — возразил капитан.

— Тем лучше для вас. Либо это предок известных нам рептилий, поро-

дивших птиц, либо совсем новый вид.

— Перейдем ко второму вопросу, — продолжал капитан. — Сколько стоит эта штука?

— Зависит от того, кому вы ее предложите... Торговец рыбой даст вам десять центов ради необычного чучела. Американский музей естественной истории заплатит любую сумму, какую сможет себе позволить — ведь это бесценный экземпляр.

— Отлично. Сам я всего-навсего бывший горный инженер и старый китобой. Я не разбираюсь в таких вещах и верю вам на слово. Теперь последний вопрос. Сколько заплатите мне вы?

Доктор Лейн помедлил с ответом не более секунды.

— Ни цента, — отрезал он.

— Тогда и говорить не о чем, — отозвался капитан, возвращая свое обратительное чудовище в деревянный гробик.

— Погодите минутку, капитан. Сама по себе, ваша чудесная находка не имеет для меня никакой ценности. Меня интересуют только больные организмы, а этот выглядит достаточно здоровым. Его место в музее, к тому же люди науки должны детально изучить его анатомию. Я не собирался торговаться, сказав, что не заплачу вам ни цента. Но я готов выплатить вам солидную сумму, если вы отвезете меня туда, где, по вашим словам, обнаружили существо еще теплым.

Капитан отвлекся от попыток собрать соль, просыпанную им в приступе волнения.

— Что вы имеете в виду, говоря о солидной сумме?

— Назовите цену — и посмотрим.

— Десять тысяч долларов?

— Это не так уж и много. Я готов предложить больше... при выполнении некоторых условий.

— Например?

— Если вы, например, покажете мне, где найти живое существо, похожее на этот недавно умерший экземпляр. Вы можете это сделать?

— Хочу быть откровенным с вами с самого начала, доктор Лейн. Нет, не могу.

— Почему же?

— Мы подобрали его в открытом море в ста двадцати милях от ближайшей земли.

— Животное было истощено, упало в воду и утонуло?

— Думаю, нет. Я твердо знаю, что ему не пришлось покрыть все сто двадцать миль от берега. Оно выскочило из воды прямо за кормой нашего судна.

— Выпрыгнуло, как рыба? Это было бы странно для существа с таким строением тела.

— Нет, оно появилось в кипящей воде и было мертвым, как колода.
Доктор поглядел на седого китобоя-пирата с немалой долей подозрения.

— Если бы я не видел это существо своими глазами, ни за что не поверил бы вашему рассказу.

— Вы еще ничего не слышали, — сухо возразил капитан Андерсон. — Но прежде, чем я что-либо вам расскажу, мне нужно знать: вы согласны заплатить мне десять тысяч долларов или держать язык за зубами после того, как я покину этот дом?

— Да, так будет честно. По рукам.

— А что скажет эта юная леди? — спросил капитан, вопросительно глянув на Эдит.

— Моя дочь Эдит, капитан Андерсон. Простите меня за то, что я не представил вас раньше.

— О, мы успели здорово поругаться в саду, — засмеялась Эдит. — Я тоже согласна, капитан Андерсон, если вы позволите мне остаться и послушать. Только, пожалуйста, прикройте эту отвратительную тварь, прежде чем начнете. Мне и так целый месяц будут сниться кошмары.

Капитан со смехом закрыл крышку ящика. Но доктор, после минутного колебания, снова открыл его, сказав Эдит, что она может отвернуться, если красота существа начнет ее смущать.

— Я хочу хорошенько рассмотреть это создание, — сказал он. — Это не совсем то, что я ожидал увидеть... Ну, капитан, как случилось, что вы пришли ко мне со своей находкой?

— Мне посоветовал помощник. Кажется, один из моих людей однажды получил от вашей дочери пять долларов за фальшивую русалку. Я подумал, — добавил он с ехидным блеском в серо-стальных глазах, — что она, возможно, согласится дать мне десять за настоящую.

— Вы можете быть уверены, капитан Андерсон, — возмущенно возразила Эдит, — что я прекрасно знала, что покупала. И если я заплатила вашему матросу пять долларов за жалкую подделку, стоящую пятьдесят центов, то это потому, что он выглядел оборванным и голодным. Вам стоило бы лучше относиться к команде, капитан Андерсон.

— Вряд ли это был один из моих. Моя команда страдает разве что от недостатка рома.

— Это к лучшему, — вмешался доктор. — Иначе они приняли бы рептилию с перьями за продукт своего пропитанного ромом воображения.

— Верно, — согласился капитан. — По правде сказать, все мои люди знают о вас и вашем хобби. Я просто хотел подразнить вашу дочь в отместку за то, что она устроила мне в саду. Теперь мы в расчете.

— Вы уверены? — с подозрительным спокойствием спросила Эдит.

— Не так уверен, как секунду назад, — честно признался капитан. — Неудивительно, что отец поручает вам заниматься покупками. Итак, доктор

Лейн, — продолжал он, посерьезнев, — как я уже сказал в самом начале, я буду с вами откровенен и выложу все карты на стол. Одна из главных причин, по которым я вообще вас потревожил, заключается в том, что вы — человек богатый и готовы тратить уйму денег на свои увлечения. Слухи о вас доходили до меня много лет. В Китае до сих пор толкуют о вашем громадном угольном пласте. А человек, который знает про уголь все, сумеет понять ценность нефти.

— До известной степени, — улыбнулся доктор. — Мне хватило ума держаться подальше от диких кошек*.

— Видать, мне нет. Поэтому, так сказать, я к вам и пришел. Если у меня не получится убедить вас хоть разок вложиться в нефть, придется отнести эту странную рыбу кому-нибудь другому.

— Полагаю, я могу бросить десять тысяч в ваш нефтяной колодец во имя живущей в нем рыбы... Продолжайте, я хотел бы услышать вашу историю.

— Тогда слушайте, только не называйте меня лжецом, пока я не закончу. Я расскажу вам ровно столько, чтобы вы могли решить: вы в деле или благополучно забудете обо мне и моем улове.

По профессии я горный инженер, но эту работу я забросил и ушел в море. Последние двадцать лет я являюсь капитаном и совладельцем китобойного судна.

Восемнадцать месяцев назад мы закончили промысел и повернули на север. Находились мы в антарктических морях, к востоку от мыса Горн и значительно южнее. Этого пока хватит, чтобы дать вам понятие о нашем местоположении. Ближайший берег антарктического континента лежал примерно в ста двадцати милях к югу от нас. Сезон выдался исключительно умеренным и теплым. За восемь дней мы не увидели ни единой дрейфующей льдины.

Однажды вечером, около одиннадцати, меня разбудило необычайное дрожание всего судна. Оно продолжалось секунд сорок. Первый помощник и рулевой тоже это почувствовали. Как и я, они ничего не заметили в темноте. Мы не знали, что и думать. Понимаете ли, вода приобрела странный зеленовато-молочный оттенок, как если бы в ней растворили истолченный мел. Очевидно, в тот вечер на дне океана произошло подводное землетрясение, вызвавшее извержение вулкана. Наступило утро. Вода все белела и сделалась еще более мутной. К полудню море стало напоминать грязную реку. Течение струилось лениво и медленно, как патока.

Внезапно, часа в два пополудни, вся поверхность воды закипела и пошла огромными пузырями, будто котелок с кипящей кашей. Корабль тряс-

* На жаргоне нефтедобытчиков «дикая кошка» обычно означает разведывательную скважину, закладываемую вне границ известных площадок добычи.

ся и трещал, точно его кто-то с силой раскачивал. Команда, понятно, вела себя как стадо перепуганных идиотов. Дисциплина полетела к чертям. Этот болван-помощник прямо-таки свел матросов с ума рассказом о том, что происходит на дне, в миле или двух под нами. Наконец, я призвал на помощь кулак и вколотил немного разума в их дурные головы.

За исключением внутреннего кипения воды, вокруг господствовал полный штиль. Около трех первый гигантский пузырь мазута лопнул на поверхности с булькающим звуком, окатив половину палубы. Через десять минут море покрылось дрожащим слоем нефти толщиной в три фута. Жаль, при нас не было флота танкеров с насосами — мы бы озолотились, собрав все это богатство в радиусе полумили. До самого горизонта на поверхности моря плясали лоснящиеся черные пузыри размером с кита.

В пять часов вечера нефтяная пленка стала кипеть еще яростней. Наша палуба, от носа до кормы, превратилась в черный каток. Затем, без всякого предупреждения, громадный фонтан вязкой коричневой смолы взлетел прямо перед носом корабля и с ревом взметнулся вверх опадающей струей на сто пятьдесят футов над мачтами.

Когда начался весь этот беспорядок, мы погасили топку: иначе мы давно испарились бы в море огня. Но теперь потоки зловонной коричневой смолы начали стекать по трубам прямо к котлам. Мы были в ловушке. Оставалось одно, и мы сделали это, оскальзываясь и застревая в вязкой коричневой жиже. С большим трудом мы сумели накрыть трубы брезентом. Мы тряслись и качались в кипящем болоте до темноты, не в силах развести пары и бежать из этого ада, а сверху нас продолжал поливать водопад коричневой мерзости.

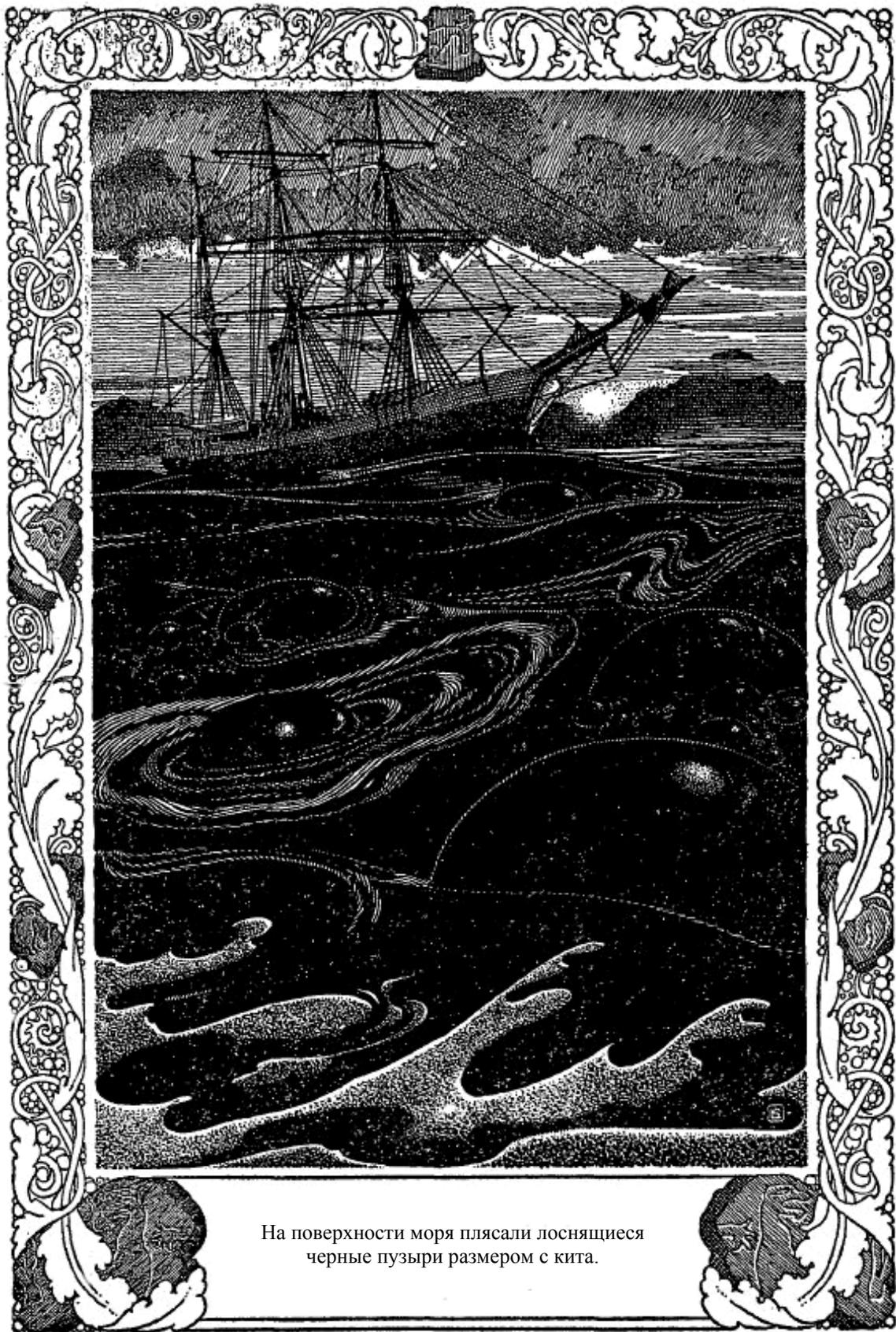
Ночь не торопилась. Не считая извержения нефти и смолы и странной мертвенной тишины воздуха, последние часы того проклятого дня во всем походили на обычные сумерки в южных полярных морях. Когда очертания предметов начали расплываться, жуткий фонтан смолы зачавкал, заворчал и с глухим рокотом канул в нефтяную воронку.

Все кончилось.

Да, так мы и подумали — все кончилось. И в каком-то смысле мы были правы. Я велел помощнику спуститься в кубрик и выгнать команду на очистку палубы. Я был на палубе один, когда море извергло новый кошмар, самый ужасный из всех.

Капитан Андерсон помолчал, подбирая правильные слова, которые должны были убедить любопытствующих слушателей в достоверности его повествования.

— Не успел помощник уйти, — вновь заговорил он, — как судно содрогнулось, будто в него врезалась сотня обезумевших бизонов. Я понял, что все силы ада вот-вот вырвутся наружу. Так и случилось. Колоссальный обломок черной скалы — величиной с баптистскую церковь ниже по улице — вылетел

На поверхности моря плясали лоснящиеся
черные пузыри размером с кита.

из кипящей нефти примерно в сотне ярдов к востоку от корабля, описал над ним крутую дугу и рухнул, подняв волну черной грязи, едва не потопившую нас. Пролети этот обломок чуть ближе, и я не беседовал бы сейчас с вами.

Но он был лишь первым из многих. С промежутками от полумили до мили вся шипящая масса нефти начала извергать обломки, ранее устилавшие морское дно. Повсюду реяли скалы, громадные, как городские отели. Правда, все они взлетали из глубин и падали обратно не ближе чем в полумиле от корабля. Как оказалось, самый первый обломок представлял для нас наибольшую опасность.

Болван-помощник вывел команду на палубу в самый разгар представления. Люди заорали от страха и тут же разбежались по своим логовам в кубрике. Глупцы пропустили зрелище, какое никогда в жизни больше не увидят, поскольку минут через пять этот акт пьесы завершился. То ли на морском дне больше не осталось обломков, то ли в нем образовались большие трещины, выпустившие новых актеров. Клокочущий, булькающий гул возвестил их появление.

Однако прежде, чем это случилось, черная нефть неожиданно перестала вздыматься. Пузыри исчезли. Судя по всему, прерывистый выброс нефти из глубин сменился ее медленным, размеренным поступлением из фонтанирующих скважин. Поверхность нефтяного слоя сделалась почти ровной; течения рисовали на ней искривленные, корчащиеся линии, словно на водах реки, где в полумиле от водопада крутится гигантское мельничное колесо.

Мы с помощником были единственными свидетелями того, как нефть начала их выбрасывать... Я хотел сказать, свидетелями-людьми — ибо, умей наш засоленный приятель говорить, он поведал бы недурную историю. Он всплыл в этом медленном, крутящемся движении нефтяного слоя, один из тысяч подобных ему — крошечный кусочек мяса в похлебке из колоссальных животных, уродливых и рогатых, рядом с которыми его старшие сестры показались бы девушками в весеннем цветку.

Все трехсотфутовые кошмары наших детских дней, наполненных драконами из сказок, медленно кипятились в inferнальной черной массе. Ящеры величиной с небольшой поезд скалили пасти, полные шестифутовых зубов, и перекачивались в плещущем масле, мертвые, как древние греки; огромные бронированные звери размером с локомотив всплывали в сумерках и переворачивались животами вверх. Некоторые тела лопнули, и черные от нефти внутренности кипели и дымились, как на бойне. Тысячи мелких животных вместе с толстой пленкой искалеченных до неузнаваемости насекомых устилали нефтяной слой между лениво колыхавшимися тушами гигантских чудовищ.

Мой помощник, надо сказать, человек суетливый, с множеством хобби, а самым неприятным из них является фотография. Увидав все это, он бро-

сился вниз за аппаратом. Любой дурак объяснил бы этому кретину, что при таком свете снимать бессмысленно. Но он уперся, точно мул, и впустую истратил пленки на пять долларов. Он убедился в своей непроходимой глупости три недели спустя, когда наконец нашел время проявить отснятый в тот вечер фотографический мусор.

Его идиотские действия навели меня на одну мысль. Никто, подумал я, не поверит мне без доказательств. Так что я забросил крючок и выудил этого уродца, — капитан указал на покоившуюся в ящике птицу-рептилию. — Я с удовольствием вытащил бы одного из больших зверей, но у нас не хватило бы места на палубе. К тому же и свет почти померк.

— Вы сказали, капитан, — начал доктор Лейн, — что ваше животное скончалось незадолго до того, как вы его выловили. Как вы это установили?

— Я всадил ему в горло нож — нужно было убедиться, что оно сдохло. Брызнула густая теплая кровь. Сейчас, я покажу вам.

Андерсон снова поднял чешуйчатого, топорщившего перья монстра. Капитан не солгал. На левой стороне шеи существа зиял глубокий порез.

— Да уж, странный улов и странная история, — заметила Эдит, неодобрительно поглядывая на бедное засоленное чудище.

Доктор Лейн согласился с дочерью.

— Тем не менее, несмотря на всю ее странность, я намерен рискнуть. Капитан Андерсон, я готов вложить десять тысяч долларов в ваши нефтяные акции, но выдвигаю условие: вы должны отвезти меня точно на то же место, где вы обнаружили это замечательное существо. И даже не думайте, что я уверовал во все детали вашего рассказа. Вполне возможно, что в смятении вам что-то померещилось. Вы и сами сказали, что света почти не было.

— А помощник? — запротестовал капитан Андерсон. — Он что, тоже спятил?

— Не исключено. Любой психолог скажет вам, что такое случается довольно часто. В науке подобные явления называются коллективной галлюцинацией. И вы и он, я полагаю, видели изображения или реконструкции вымерших животных, похожих на тех, каких вы заметили в кипящей нефти — динозавров, огромных ящеров длиной в триста футов, цератопса и так далее. Вы, капитан, наверняка видели их изображения, когда изучали горное дело.

— Не стану спорить, — признался капитан. — Помощник весь ушел в свои увлечения, на берегу вечно пропадает в библиотеках и читальных залах — и ему тоже могли привидеться динозавры, что верно, то верно. Но вам не убедить меня, что все это нам почудилось. Я видел их своими глазами.

— Команда тоже видела? — спросила Эдит. — Утром, я имею в виду.

— К тому времени главная часть представления уже закончилась. Все большие звери утонули. На поверхности плавали лишь останки искалеченных насекомых.

— Странно все это, — честно сказала Эдит.

— И в самом деле, капитан, — согласился Лейн. — Вот что я думаю по этому поводу. Это птицу или рептилию вы действительно нашли, так как она лежит перед нами. Мне не кажется, — с улыбкой прибавил он, — что даже я могу найти удовлетворительное объяснение ее появления. В то же время, за густую теплую кровь, вытекавшую из пореза на шее, вы приняли обыкновенную смолу.

— Допустим, — прищурился капитан. — И что это доказывает?

— Абсолютно все. И дает нам вполне логичное объяснение. Я готов согласиться с подводным извержением нефти. Ваша команда это видела?

Капитан кивнул.

— Очень хорошо. Тогда все ясно. Прежде всего, разрешите рассказать вам о схожем событии, которое произошло в южной Калифорнии, менее чем в двухстах милях отсюда. Там, на ранчо Ла-Брея, существует знаменитый асфальтовый провал. Несколько лет назад геологи из Калифорнийского университета обнаружили и начали выкапывать из вязкой толщи всевозможные кости и другие останки вымерших животных — черепа саблезубых тигров, которые исчезли в этой части света сто тысяч лет назад, и другие не менее интересные находки.

Объясняются они достаточно просто. Тысячелетия тому назад на вязкой поверхности битума возникали лужицы пригодной для питья дождевой воды. Доисторические животные, не сознавая опасности, приходили на водопой. Пытаясь затем выбраться на твердую почву, они быстро увязали в битумном озере, как мухи на полоске клейкой бумаги. Можем ли мы предположить, что на целом континенте асфальтовых озер Ла-Брея стала для животных единственной ловушкой?

— И вы считаете, что моя рептилия... или как ее там... была выброшена извержением из какого-то доисторического асфальтового озера, похороненного на дне Атлантического океана?

— Без сомнения, капитан.

Андерсон улыбнулся в седую бороду.

— Весьма и весьма научная теория, доктор. Она делает вам честь. Если так, моя рептилия должна быть наполнена смолой, а не высохшей кровью и тому подобным. Предлагаю вам разрезать ее и заглянуть внутрь.

— Испытание практикой? — Лейн поднялся и направился за инструментами. — Если у существа окажется внутри что-либо, кроме смолы, как у небрежно изготовленной мумии, я удвою плату.

— В таком случае, можете выписать мне чек на двадцать тысяч прямо сейчас. Принимаю вашу ставку. Если внутри вы найдете египетскую начинку, подарю вам свою историю бесплатно.

Доктор ответил не сразу. Он осторожно проделал разрез, стараясь не испортить внешний вид экземпляра — и отшатнулся с удивленным вздохом.

— Как! — воскликнул он. — Да ваш зверь свеж, как только что выловленный лосось!

— Разумеется. Помощник очистил его с помощью рома и скипидара, и я тут же засыпал уродца солью.

— Черт возьми! какая находка! Эдит, принеси мне самый вместительный сосуд и наполни его на треть спиртом. Ничего не понимаю. Миновали тысячелетия, но существо чудесно сохранилось. Мое предложение остается в силе, капитан. Отвезите меня на место, где вы нашли его. В день начала экспедиции двадцать тысяч станут вашими.

— Двадцать тысяч превратятся во все пятьдесят, стоит мне рассказать вам остальное, — уверенно предрек капитан.

— У вас есть и другие образцы?

— Нет, но имеется набор первоклассных фотографий.

— Вы же сказали, что помощнику ничего не удалось заснять?

— Ему больше повезло в другой раз, когда я за ним присматривал.

— Доисторические животные?

— Кое-что получше, если я не ошибаюсь.

— Продолжайте, — взмолилась Эдит, — и расскажите, что еще вы нашли.

— Погодите. Может быть, мне стоит позвонить помощнику и попросить его привезти фотографии?

— Да, да! — хором вскричали слушатели. Эдит пододвинула к Андерсону настольный телефон.

Капитан дождался соединения и спросил, на месте ли Оле Хансен. Видимо, ответ был положительным, так как он попросил Хансена к телефону.

— Все в порядке, Оле! — завопил капитан, словно его верный помощник все еще находился где-то возле Южного полюса. — Доктор заглотал все — наживку, крючок и леску. Хватай прочее барахло и дуй сюда. Кристенсен объяснит тебе, как добратся. Прыгай в трамвай, да поживее!

Глава II

ТАЙНА СКАЛ

— Пока мы ждем Хансена, — продолжал капитан, — я могу рассказать вам, как он получил свои фотографии. Поскольку этот неуклюжий идиот, вероятно, сумеет заблудиться между воротами и задней дверью, времени у меня достаточно.

— Неужели ваш помощник Хансен так глуп, каким вы его описываете? — с неподдельным интересом спросила Эдит. — Если так, то его, должно быть, стоит изучить.

— Еще глупее, мисс Лейн. Второго такого любителя дурацких теорий на всем свете не найти. Что ж, предоставим ему искать дорогу сюда и займемся нашими делами. Я скажу вам, чего я хочу от вас, доктор, когда дойду до конца своей истории.

— Хотя вы, возможно, и не осознаете этого факта, — пронизательно заметил доктор Лейн, — вы мне уже все сказали. Вы хотите, чтобы я оплатил счет за экспедицию по разведке этих новых нефтяных месторождений. Я не против. Мне достанутся окаменелости и все остальное в этом роде, а вы можете взять себе нефть. Убедите меня, что я должен сделать серьезное вложение, и вам не придется беспокоиться о финансах.

— Фотографии Хансена внесут последние штрихи в картину. Разрешите мне начать. Итак, утро после встряски было таким же, как и любое другое идеальное утро в южных полярных морях, однако море все еще покрывал густой слой мазута толщиной в несколько футов. Долгая, размеренная зыбь покачивала его на волнах длиной в милю.

Ночью я распорядился погасить топку: с пропитанными нефтью палубами и такелажом, мы не осмеливались рисковать. С первыми лучами солнца мы с помощником вывели людей навести порядок. Мы подгоняли их, как негров, чтобы они не думали о нефти. Не хотелось, чтобы они разболтали это дело первой попавшейся в порту акуле. Позже мы решили привлечь к нашей схеме всю команду. Мы пообещали им треть всей прибыли, если они будут держать рот на замке. Похоже, это был единственный безопасный способ. С тех пор они немые, как мидии.

Весь тот день мы трудились, пытаясь смыть или скрыть следы нефти: не хватало еще, чтобы их заметили, когда мы вернемся к цивилизации. К ночи мы проделали довольно основательную работу. Я придумал, как объяснить пропитанный нефтью корпус — в случае чего я собирался сказать, что Хансену вздумалось использовать сырую нефть вместо краски для защиты от непогоды. Звучит точь-в-точь как одна из его теорий.

Далее вставал вопрос о том, как выбраться из нефтяного супа. С работающим котлом, конечно, это было бы легко. Но мы с помощником согласились — в кои-то веки — что было бы глупо устроить пожар. В воздухе пахло природным газом и нефтяными парами. Одна искра, и все море превратилось бы в ад. Оставалось только довериться парусам. К наступлению темноты мы подняли все паруса и стали ждать ветра.

Ветер налетел, как громовой удар, сразу с семи сторон. Это был худший шторм, который я пережил за двадцать лет жутких шквалов от экватора до мыса Горн. У помощника, конечно, появилась теория, объясняющая внезапность урагана. И, как всегда, она возникла на пять минут позже, чем нужно. Позже я вас с ней ознакомлю.

В тот момент мне было наплевать на теории — меня больше интересовало спасение наших мачт. Паруса исчезли, за исключением нескольких обрывков, болтавшихся, как тряпки на бельевой веревке. Грязный мазут разливался по палубе ведрами и бочками, захлестывая нас всякий раз, когда мы пытались закрепить конец. Все наши палубные снасти полетели за борт, сбитые ударами ветра и волн.

После первого безумного рывка ураган перешел в устойчивый штормовой ветер, с хрипением накатывавший с севера. Судно шло прямо на ледяной барьер в ста двадцати милях к югу от нас. Ничего нельзя было поделать. Нам оставалось только ждать столкновения. Если ветер не утихнет, рассчитал я, мы должны будем на полном ходу протаранить ледяные утесы где-то между полуночью и рассветом. Ветер не утихал.

Устав ждать, Хансен предложил всем взяться за руки в молитве. Он всегда молится: перед едой, во время еды и после еды. Я велел ему идти к черту и забрал штурвал из его лилейно-белых рук. В вое ветра он неправильно понял приказ. Очевидно, он подумал, будто я хочу устроить молебен на баке. Во всяком случае, именно там я нашел его на рассвете вместе с половиной команды — они орали норвежские гимны, чтобы одолеть дьявола.

Ближе к полуночи я впервые заметил вишневое свечение, появляющееся и исчезающее в небе перед кораблем. Если я вообще думал в безумной гонке к последнему удару о лед, то списал это мерцание на полярное сияние и попытался проложить курс, который смягчил бы столкновение.

По моим подсчетам, мы должны были разбиться около трех часов ночи. Но прошло четыре часа, а корабль все еще, раскачиваясь, шел сквозь нефть в ужасающем шторме. Я начал думать, что, вероятно, переоценил нашу скорость. В пять часов, с первыми лучами солнца, ветер начал стихать. Через полчаса над морем, покрытым лишь маслянистой пленкой, разгорался ясный день, а впереди не было видно ни малейшего признака ледового барьера. Я оставил штурвал, чтобы вбить немного здравого смысла в этих идиотов, распевających хансеновские гимны.

Когда они наконец показались на палубе, шторм уже окончательно утих и

судно стало управляемым. Хансен заявил, что нас спасли его вопли на баке. Примерно час спустя он увидел вулкан и воздал ему честь и хвалу за все, включая ветер.

Дело в том, что на протяжении по меньшей мере двадцати миль огромный ледяной барьер был стерт с лица земли: то ли он затонул, то ли его целиком подняло извержение и отбросило обратно на континент. Хансен утверждает, что скалы и лед просто раскололись во время землетрясения. Так или иначе, двадцать миль сплошного льда и скал исчезли. На их месте простиралась длинная широкая бухта, прямая, как улица, и уходящая далеко вглубь континента.

Ветер резко перешел в легкий бриз, и остатки нефтяной пленки растворились у нас за спиной. Вода вокруг нас была белой, как молоко, густой и похожей на суп.

Полностью придя в себя, мы ощутили необычное тепло. Воздух был благоуханным, как весенний день в Калифорнии. Мне пришлось в голову измерить температуру воды. Один из матросов принес полное ведро молочного супа. Вода была тепловатой.

Крик этого истеричного идиота Хансена заставил меня бросить ведро.

Он указывал вперед, на огромный черный столб, вздымающийся вверх, как дым из горячей нефтяной скважины. Я прикинул, что этот дымный столб возник милях в пятидесяти от нас, но тогда я мог сделать лишь грубое предположение.

Пока мы стояли и смотрели, разинув рты, что-то внезапно высосало с неба всю чернильную массу. Только грязно-коричневый туман отмечал место, где только что колыхался дым.

— Это извержение, — любезно объяснил Хансен. Он хотел как лучше, но кто когда-нибудь видел, чтобы извержение было направлено вниз, а не вверх? У меня не было времени спорить с ним по этому поводу, потому что, пока мы дивились, представление началось всерьез.

Сперва огромное кольцо черного дыма, покачиваясь, бешено ринулось вверх, превратилось в гриб и повисло над землей, как зонтик. Вслед за дымом поднялся сплошной столб красного пламени. Мой мозг работал сам по себе, так как я вдруг понял, что отсчитываю секунды. Когда я добрался до пятидесяти восьмой, взрывная волна, будто кулак, со всей силой обрушилась на нас. Я был к этому готов и прижался к трубе, зажав уши руками. Хансен, как обычно, излагал какую-то теорию и готов не был. Как и матросы. Очнувшись, они еще целый час бродили, уставившись друг на друга, точно совы.

Если мои подсчеты были верны, вулкан должен был находиться на расстоянии от двухсот пятидесяти до трехсот миль от берега. На таком расстоянии я не испытывал опасений за судно, однако следовало, конечно, удрать до того, как что-то произойдет у нас под килем.

Но прежде я не смог устоять перед искушением спустить шлюпку и по-

смотреть, что произошло на берегу — если можно будет что-нибудь увидеть, не задерживаясь слишком долго. Я решил взять Хансена и посадить двух матросов на весла. Когда Хансен понял мой план — он все еще был глух, как и остальные теоретики, — он побежал вниз за своей вечной камерой и кучей пленок.

Пробираться сквозь это мерзкое теплое молоко к берегу было одновременно приятно и отвратительно. Как могут светские женщины купаться в горячем молоке — я читал в воскресных газетах, что они это делают, — уму непостижимо! Но это так, замечание в сторону: я вижу, что мисс Лейн краснеет. Все прошло легко, как пикник на реке. Мы высадились и сразу же отправились дальше по ровным снежным полям.

Хансен увидел это первым. Примерно в миле впереди нас он разглядел на снегу черную точку. Мы добрались до нее так быстро, как позволял чуть смерзшийся снег, и обнаружили обломок черной скалы величиной с корову. По крайней мере, это было все, что виднелось выше уровня льда и снега. Остальное было погребено в звездообразной яме, которую скала проделала при падении во льду и скальном фундаменте.

Одна сторона скалы была гладкой. Другая сторона представляла собой просто массу зазубренных граней. Хансен сфотографировал гладкую сторону.

Я не виню его за то, что он захотел найти еще один из черных обломков. Я также не критикую его за то, что он остановился и сфотографировал его. Будь та камера моей, я вел бы себя так же глупо. Хансен таскал нас по этой Богом забытой пустыне из снега и льда целых десять проклятых часов, охотясь за черными скалами. Мы вернулись на корабль лишь после того, как он отснял последнюю пленку. В общей сложности он получил двенадцать дюжин первоклассных негативов.

Как только Хансен очутился на борту, наши нормальные отношения возобновились. Он пришел в себя и начал подчиняться приказам — и мы благополучно, без всяких дополнительных снимков, ушли из этого фотографического рая.

— Вы уверены, капитан Андерсон, — улыбнулась Эдит, — что ваш помощник занимается фотографией не по вашему приказанию?

— О, вполне. Тем не менее, я признаю, что Хансен держит в узде мой артистический темперамент. Иначе я расхаживал бы по Рио-де-Жанейро в бледно-лавандовых лайковых перчатках, а не топил жир на Кергелене, как добрый христианин.

— Как Хансен объяснил шторм? — спросил доктор Лейн.

— На удивление здраво. Дескать, внезапное повышение температуры над сушей привело к тому, что холодный воздух с моря устремился к вулкану и понес нас с собой.

— Узнаю в Хансене собрата, — рассмеялся доктор.

— Вы не признаете в нем собрата, когда увидите его, — мрачно предсказал капитан. — Он похож на толстую, крепко сколоченную бочку. О, вот и один из ваших мандаринов.

Дипломатичный Вонг объявил на безукоризненном английском о прибытии джентльмена по имени Оле Хансен, желавшего видеть доктора Лейна.

— Впусти его, Вонг.

Вошел Хансен — красный, как вареный рак, и напоминавший телосложением бочонок с бренди.

— Я привез фотографии, — сообщил он, будучи представлен.

— Вываливай их на стол. Пусть доктор поглядит на них сам. Они не нуждаются в объяснениях.

— Но у меня есть теория, — принялся увещевать Хансен, раскладывая на столе сотню с лишним фотографических шедевров. — Если позволите...

— Не позволю — даже не проси.

Наградив капитана возмущенным взглядом, Хансен покорно умолк. Бог знает, какие теории роились в перегретом котле его мозга! Человек менее дюжий и выдержанный давно засыпал бы окружающих тысячами гипотез. Но бочкообразный Хансен просто сидел, раздуваясь и мирно храня молчание.

Тем временем доктор Лейн с лихорадочным интересом рассматривал фотографии черных скал. Время от времени он передавал тот или другой снимок Эдит, коротко произнося: «Вгляни-ка на это». Все фотографии изображали гладкую черную поверхность, нередко испещренную глубокими трещинами — следами яростного взрыва, оторвавшего ее от материнской породы — и густо покрытую высеченными в камне пиктограммами.

— Вызови Дрейка, — распорядился доктор, просмотрев половину фотографий. — Скажи ему, что мы столкнулись с загадкой, по сравнению с которой его боливийские надписи покажутся детским лепетом.

Переговорив с Дрейком, Эдит положила телефонную трубку и завершила, что тот спешит со всех ног.

— Капитан Андерсон, — произнес доктор, вставая, — я с вами и готов вложить в дело все свободные средства. Нефть можете оставить себе — я возьму остальное. Это куда ценнее нефти.

Худощавый и долговязый Дрейк ворвался в кабинет без шляпы, задыхаясь, с растрепанными волосами.

Эдит встретила его аплодисментами и смехом.

— Где ты позабыл галстук и носки, Джон?

Дрейк прорычал что-то невнятное. Телефонный звонок оторвал его от размышлений о древностях Южной Америки, и впопыхах он забыл привести себя в порядок. Эффектные неглиже на публике были его специальностью. Еще десять лет холостяцкой свободы, и он мог превратиться в идеального рассеянного профессора, какие часто мелькают на киноэкранах и в юмористических журналах, но очень редко встречаются в деловой атмосфере на-

стоящих университетов. Дрейк был одним из таких чрезвычайно редких исключений. Подобно многим другим смертным, страдающим тем же недостатком, Дрейк всегда с негодованием отвергал намеки на то, что он чем-то отличается от других людей. Только повторяющиеся наглядные доказательства, о которых он быстро забывал, убеждали его, что он был ходячим анекдотом. Эдит относилась к этому восторженному эмбриону немного обывательски. Ей следовало бы поощрять его ради искусства. Право, было бы жаль лишить его всех уникальных качеств и заставить играть идиотскую роль практичного человека. И какова была бы чистая выгода от ее материнских усилий? К тридцати пяти Дрейк стал бы внешне похож на любого обычного ученого — за исключением, конечно, профессиональных шарлатанов — и сделался бы совершенно неотличим от любого администратора универсального магазина или банковского кассира.

— Ничего страшного, Дрейк, — утешил его доктор. — Когда придет время обеда, я одолжу вам все необходимое. А пока что — вот вещь более важная.

Он протянул взъерошенному молодому археологу карманную лупу и одну из фотографий Хансена. Кивнув капитану Андерсону и помощнику, представленным доктором, Дрейк уселся у открытого окна и углубился в изучение фотографии.

Пятнадцать минут молчания перетекли в двадцать; в кабинете начала ощущаться тревожная напряженность. Полчаса полнейшей тишины... Наконец Дрейк поднялся и отдал фотографию доктору Лейну.

— Ну, что скажете? — требовательно спросил Лейн.

— Хотите знать правду?

— Конечно.

— Хорошо. Мне не хотелось бы обидеть кого-либо из ваших гостей, — беспокойно и неуверенно начал Дрейк. — Тем более что меня только что представили, — добавил он, опасливо глянув на плотного, крепкого Хансена. — Но вы хотели услышать правду... Лучше мне высказать ее сейчас, прежде чем я узнаю, какую роль в этом деле играют мистер Хансен и капитан Андерсон. Фотография, которую вы показали, по моему мнению, является искусной подделкой.

— Что?! — взорвался капитан, высвобождаясь из кресла. — Вы с ума сошли! Скажи ему, Оле.

Но оскорбленный до глубины души Хансен от возмущения не мог произнести ни единого внятного слова. Один из его снимков, а следовательно, и всю сотню с лишним шедевров, объявили фальшивкой! И кто — этот хлипкий хлыщ без гроша в кармане и приличного воротничка!

— Я загоню эти слова вам в глотку! — яростно выдавил он, надувшись, как индюк.

Дрейк, в чьей голове уже замелькали светлые мечты о безвременной мученической гибели во имя Истины, храбро уставился на приближавшийся

к нему бочонок с порохом.

— Джентльмены! — резко произнес доктор. — Здесь вам не кубрик. Сядьте, мистер Хансен. Дрейк, не забывайте, где вы находитесь. Нечего превращать мой кабинет в боксерский ринг. Садитесь и объяснитесь.

Ошеломленный Дрейк, по характеру пацифист до мозга костей, опустил-ся на стул. Хансен, отпустив несколько изысканных комплиментов на норвежском, последовал его примеру. Капитан Андерсон тотчас бросился в атаку.

— Вы сильно ошибаетесь, мистер Дрейк. Как разумный человек, неужели вы предполагаете, что у какого-нибудь фокусника хватило денег, чтобы изготовить сто двадцать четыре подделки весом от пятидесяти до пятисот тонн каждая? Вряд ли, правда? Вот и я так не думаю. Вы видели только одну фотографию. Покажите ему остальные, доктор Лейн.

Дрейк снова удалился к окну с увеличительным стеклом в руках и поспешно просмотрел всю серию фотографий. После нескольких первых снимков откровенно скептическое выражение на его лице быстро сменилось удивлением, а затем острейшим интересом. Он снова, на этот раз медленнее, просмотрел всю стопку и отложил четырнадцать фотографий для дальнейшего просмотра.

— Ну, — спросил капитан, — что вы теперь думаете?

Дрейк походил на большинство экспертов: все на свете напоминало ему о любимом предмете.

— Пиктограммы, — отрывисто сказал он.

— Настоящие или поддельные? — спросил Хансен с зловещей гримасой.

— Настоящие, я бы сказал.

— В чем состоит их значение и есть ли в них смысл? — спросил доктор.

— Этого я не знаю. Собственно говоря, на решение подобной загадки может потребоваться лет пятьдесят, даже целое столетие.

— У меня есть теория... — начал было Хансен, но грубый капитан жестоко растоптал его поползновения в самом зачатке.

— Держи свою теорию при себе! — рявкнул он. — Послушаем, что скажет нам мистер Дрейк.

— Возможно, — помедлив, сказал Дрейк, — если бы вы сообщили мне, где были сделаны эти фотографии, я сумел бы высказать более веское суждение.

— Нет, — возразил Лейн, — нам нужно беспристрастное мнение эксперта. Мистер Дрейк, — пояснил он морякам, — вероятно, лучший в мире специалист и прекрасно для этого подходит. Его оценка несомненно будет объективной и достойной внимания. Мы вас слушаем, мистер Дрейк. Не торопитесь.

Дрейк взял четырнадцать отобранных фотографий.

— Эти, по всей видимости, составляют некоторую последовательность. Они, как мне думается, представляют собой часть более пространной над-

писи, — сказал он. — Надписи на прочих фотографиях, похоже, разрозненны — но необходимо изучить их внимательней, прежде чем делать выводы. Я отметил, однако, весьма любопытный факт. Вся серия снимков демонстрирует две противоположности, два резко отличающихся друг от друга художественных стиля. Это крайне загадочно, и вот по какой причине. Любой археолог скажет вам, что две различных манеры никогда не достигают в искусстве одинакового расцвета. Но на этих пиктограммах, с точки зрения художественного мастерства, они равноценны и свидетельствуют об очень высоком уровне развития. Эти четырнадцать, — продолжал он, указывая на фотографии, — далеки от полноты. Здесь лишь отдельные фрагменты. И тем не менее, они дают нам единственное указание на какую-то цельность всего остального. С них, если уж на то пошло, должны начаться наши попытки окончательной дешифровки.

— Говорил я тебе, что нужно остаться еще на недельку и поискать другие надписи. Почему ты потащил меня обратно на судно? — проревел капитан Андерсон, обращаясь к возмущенному Хансену.

— Вы сами начали ныть, как старуха, и потащили меня обратно, — возразил Хансен и грозно раздулся. — Я-то знал, что у нас маловато...

— Ну ладно. Продолжайте, мистер Дрейк.

— Как я уже сказал, эти четырнадцать снимков составляют некую последовательность, но далеки от полноты, — снова заговорил Дрейк. — Однако их достаточно для доказательства того, что здесь присутствует единая схема. Сумею ли я распутать этот клубок — другой вопрос... В настоящее время я даже не уверен в том, имеем ли мы дело с текстами либо же простыми изображениями. И если так, каково назначение всех этих превосходных изображений тысяч и тысяч невероятных монстров?

— Они не столь невероятны, как вам кажется, — возразил Лейн. — Не будь ваше образование таким односторонним, вы узнали бы во многих из них первоклассные и на редкость удачные реконструкции вымерших животных, которые изображены с поразительной жизненностью.

— Не могу с вами согласиться, — ответил Дрейк. — Я вполне способен оценить тот очевидный факт, что чудовища на этих ярких изображениях выглядят, словно живые, хотя никогда не видел подобных им животных. Но в более существенном смысле, поражает их искусственность и даже — позволю себе высказать предварительную гипотезу — намеренная искусственность. Люди, которые высекли на скалах эти бесконечные ряды изображений, вне всякого сомнения были представителями высокоразвитой цивилизации. Само совершенство их мастерства изначально вызвало у меня подозрение. Наши резчики по камню, оснащенные всеми современными приспособлениями, не сумели бы их превзойти. И я задаюсь вопросом: не странно ли, что художники, способные проделать такую выдающуюся работу, преднамеренно постарались придать некоторым аспектам своего искусст-

ва атмосферу нежизненности? Я не хочу сейчас вдаваться в доказательства того, что искусство их было нарочито фантастическим. Все свидетельства перед вами; вы можете убедиться в этом и без моей помощи. Еще одно обстоятельство также заронило семена подозрений. Мы нигде не видим ни единой попытки изобразить человеческую фигуру. Чем это объяснить? Скажу честно — я не знаю. Однако изображения людей встречаются в искусстве всех народов, и отсутствие их беспрецедентно.

— Но вы ведь не ожидаете найти портреты, скажем, в книге о крабах?

— Вот именно, — быстро и неожиданно отозвался Хансен, пристально глядя на капитана.

— Погоди, вот вернемся на судно, — пообещал капитан. — Твой стиль улучшается, Оле, но ты не должен прерывать оратора. Здесь тебе не заседание профсоюза.

— Резонный довод, доктор, — признал Дрейк. — Но какая раса человеческих существ затратит столько усилий, чтобы высечь на камне научное исследование о доисторических животных, учитывая дешевизну бумаги и типографской краски?

— А если предположить, что в те времена, когда были высечены эти изображения, книгопечатание еще не было изобретено?

— Какая фантастическая гипотеза! Однако...

— У меня есть теория... — с отчаянной настойчивостью прервал его Хансен.

— Оле! — зашикал капитан.

— Раз уж Дрейк совсем заплутал, — улыбнулся доктор, — отчего бы нам не выслушать мистера Хансена?

— Ну хорошо, Оле. Высказывайся побыстрее и не тяни до следующего воскресенья.

— Значит, так, — произнес Оле и поднялся на ноги, дабы подкрепить свою речь внушительным видом округлой фигуры. — Я согласен с доктором Лейном и, следовательно, не согласен с мистером Дрейком. Эти изображения словно живые. Да они сама жизнь! И я объясню вам, почему.

Два года назад, в читальне для моряков в Рио-де-Жанейро, мне попала на глаза книга с рисунками вымерших животных из каких-то французских и испанских пещер. И кто нарисовал эти картинки? Тот вонючий дурак, что их нашел?

— Оле!

— Простите, капитан. Я позабыл о даме. Нет, воню... я имел в виду, тот дурень, что их нашел, конечно, ничего не нарисовал. У него не хватило бы ни мозгов, ни так называемого художественного гения, чтобы рисовать настолько хорошо. Сегодня никто не обладает таким гением. Эти рисунки были сделаны людьми, которые никогда не видели так называемого современного искусства. Они слишком уж хороши и так похожи на природу, то-

лько лучше — ну, вы меня понимаете. Разве великий Майкл Анджело когда-нибудь изображал стада диких буйволов? Нет, он только рисовал из головы толпы ангелочков. Затем пришел Рубенстайн. И разве он...

— Время не ждет, Оле. Убери подальше диких ослов и справки из энциклопедии и поведай нам свою теорию.

— Я к этому подхожу, капитан. Следственно, вот что я думаю: эти давно вымершие буйволы были нарисованы людьми, которые видели буйволов и жили с ними, как говорят французы, *en famille* *. И отсюда из сказанного вытекает, таким образом, — преподнес он геометрический цветок риторики, почерпнутый из изысканного круга чтения, — что люди, которые вырезали на скалах изображения чудовищных животных, сами жили рядом с ними. Они срисовывали их с натуры. Вот почему эти животные выглядят такими похожими, почти живыми! И разве нашим забытым гениям требовалось отложить свои шедевры в долгий ящик в ожидании Гутенберга? Нет, им не нужны были типографии. Что и следовало доказать, не так ли?

— Полнейший абсурд! — заметил Дрейк, когда Оле с самоуверенным поклоном вновь опустил на затрепавший стул.

— Разве? — насмешливо спросил Лейн. — И почему же теория мистера Хансена кажется вам абсурдной?

— Да потому, что она ставит искусство, созданное за миллионы лет до каменного века, выше искусства двадцатого столетия!

— Суть в том, Дрейк, — продолжал доктор, — что вам столь же мало известно об искусстве первобытных времен, как и мне. Подумайте, еще лет тридцать назад вы, археологи, твердили нам, что истинное искусство зародилось в Греции. Затем обнаружили наскальную живопись каменного века, о которой упоминал мистер Хансен. И с тех пор мы не так много слышим о «Греции, этом чуде веков». Вы непредвзято относитесь к собственным находкам; справедливость требует отнести точно так же и к фотографиям мистера Хансена.

— Никогда! По крайней мере, до дешифровки.

— Так займитесь ею. Именно этого мы от вас и хотим.

— Но как мне почерпнуть что-либо из сухого каталога вымерших зверей? Господи, даже их треклятые имена мне не известны!

— Дрейк, вы по какой-то причине нарочно прикидываетесь глупцом. Я уверен, что вы многое подметили, только с нами не поделились.

— Всегда предпочтительней в начале работы ничего не знать, — пустился в рассуждения Дрейк. — Это гарантирует, что в конце ее мы, в любом случае, будем знать немного больше.

— Вы заметили какие-либо повторяющиеся особенности на отложенных четырнадцати снимках? — настаивал Лейн.

* Здесь: одной семьей (*фр.*).

— Десятки.
— Звучит вдохновляюще. Например?
— Во-первых, примерно пять восьмых чудовищ передвигались на четырех ногах. Во-вторых, около пятидесяти пяти процентов из них лишены хвоста, а у остальных по одному хвосту на брата. В-третьих, в каждой группе животных у одного имеется один видимый нам глаз и, следуя процессу логического умозаключения, один невидимый, то есть расположенный на скрытой от нас стороне профиля. В-четвертых...

— В-четвертых, вы осел, Дрейк! — раздраженно прервал доктор.
— Слушайте! Слушайте! — возгласил Оле.
Дрейк ухмыльнулся.
— Вы случаем не пытались открыть живую устрицу зубочисткой? Когда мне будет что сказать, я сообщу. Мистер Хансен будет рад тем временем придумать для вас еще несколько поэтических теорий.
— Ну хорошо, — смягчился Лейн. — Надеюсь, вы не скажете мне десять лет спустя, что все эти надписи — не более чем окаменевшая таблица умножения.
— Или исследование по интегральному исчислению, — мрачно вставил Оле.
— Боже! — воскликнул Дрейк. — Вам и этот термин знаком? Когда только вы находите время управлять своей посудинной?
— Он не понимает и половины из того, о чем без конца болтает, — пояснил Андерсон с отчетливой ноткой зависти в голосе. — У него есть три тома «Британской энциклопедии» на буквы А, Q и X, «Песнь песней» на норвежском, «Озорные рассказы» Бальзака* на французском — который я не знаю, увы — плохонький карманный словарь, «Через природу к Богу» Герберта Спенсера, три четверти «Синей птицы» Метерлинка на шведском и половина на английском, да еще таблица логарифмов. Вот и вся его треклятая библиотека. Хотите считать его гениальным — дело ваше.
— В Бостоне, два с половиной года назад, я прошел проверку умственного развития, — заявил в пространство Оле. — Психолог сказал, что я принадлежу к одному проценту самых развитых людей в Соединенных Штатах.
— Он солгал, — заверил капитан.
— Моя библиотека — отнюдь не единственный источник моей эрудиции, — продолжал Оле, игнорируя замечание капитана. — На берегу я также посещаю публичные библиотеки, — договорил он с показной скромностью.
— Ну что ж, джентльмены, — заметил доктор, — я уверен, что мистер Хансен извлекает большую пользу из своей библиотеки, какой бы малень-

* Сборник игривых и забавных новелл О. де Бальзака, написанных в 1830-х гг. и стилизованных под новеллы позднего Средневековья и Возрождения.

кой она ни была. Дело не в количестве книг, а в выборе материала для чтения. Я бы сказал, что мистер Хансен отобрал книги для своей «пятифутовой полки» с большим вкусом и тщанием, какие не превзошел бы и сам доктор Элиот. Не хотели бы вы принять экземпляр записок об эволюции Уильяма Дженнингса Брайана в качестве дополнения к вашему Герберту Спенсеру*, мистер Хансен?

Оле покраснел и забормотал благодарности. Доктор повернулся к Андерсону.

— Так что там с нефтью, капитан?

— Вы в доле?

— Безусловно, даже если наш друг мистер Дрейк не успеет расшифровать надписи до своего семидесятилетнего юбилея. Нам понадобится корабль, я полагаю.

— Сойдет и старый китобоец.

— Льда, значит, в тех местах не очень много?

— Мое судно справится. Хуже придется на суше.

— Я уже догадался. Пригодится ли нам аэроплан? Амундсен брал с собой аэроплан во время экспедиции к Северному полюсу**.

— Допустим, мы возьмем с собой вашу дикую машину. И кто сядет за штурвал?

— Почему бы не Дрейк? Он молод и быстро научится.

— Ах, я тоже хочу научиться! — умоляюще произнесла Эдит. — Ты же знаешь, каким беспомощным становится Дрейк, когда что-то ломается в его пишущей машинке.

— В самом деле? — возмутился Дрейк. При виде любого инструмента сложнее разводного ключа он и впрямь делался беспомощен, как малое дитя. Тем не менее, Дрейк воображал себя первоклассным механиком-любителем, поскольку Эдит всегда вежливо позволяла ему командовать, пока сама устраняла неисправности пишущей машинки.

Доктор повернулся к Эдит.

— Кто сказал, что вы едете с нами, юная леди?

* Чарльз Элиот (1834-1926) — американский ученый, президент Гарвардского университета (1869-1909); «пятифутовой полкой» называли составленную им 50-томную книжку серию «Гарвардских классиков», впервые изданную в 1909-1910 гг. У. Д. Брайан (1860-1925) — американский юрист, политик, яркий оппонент преподавания теории эволюции. Г. Спенсер (1820-1903) — английский философ, биолог, психолог, социолог, создатель теории «социального дарвинизма». Упомянутая выше книга «Через природу к Богу» принадлежит не Спенсеру, а его американскому последователю Д. Фиске (1842-1901).

** Вероятно, имеется в виду попытка трансполярного перелета на самолетах N-24 и N-25, принятая Р. Амундсеном в 1925 г.

— Еще никто. Но ты ведь как раз собирался меня пригласить, правда, дорогой папа?

— Ваше мнение, капитан?

— Решать вам. Она не моя дочь. Если она сможет выдержать сорокаградусный мороз, путешествие ей понравится.

— Боюсь, не сможет,— с сомнением проговорил доктор. — Ты так ненавидишь холод, Эдит...

— Чепуха! Капитан Андерсон сказал, что вода там теплая. И как бы то ни было, я намного моложе тебя. Если уж я не могу ехать, для тебя поездка будет самоубийством.

— Ну что ж, рассмотрим вопрос, когда придет время.

Понимая, что победила, Эдит благоразумно замолчала.

— Сколько нам понадобится на подготовку? — спросил доктор.

— Примерно шесть месяцев. Вы, Дрейк и ваша дочь — если она поедет с нами — должны хорошенько закалиться. Мы с Хансеном займемся подготовкой судна и закупкой необходимых припасов. В этом деле опыта нам не занимать.

— Где сейчас ваш корабль?

— В сухом доке. В Рио-де-Жанейро.

— Как! — воскликнул Лейн. — Вы хотите сказать, что проделали весь путь до Сан-Франциско только для того, чтобы показать мне вашу находку?

— Пустяки, — благодушно отозвался капитан. — Я знал, что вы присоединитесь к нам.

— Меня так легко убедить?

— Нет, доктор. Русалку я бы не сумел вам продать.

— Теперь понятно, откуда что берется! Эдит, это все твоя кунсткамера. Тебе стоит подумать о каком-нибудь менее унижительном для меня виде благотворительности.

— Вы же не поверили в мой рассказ о чудовищах в нефти, — утешающе заметил капитан.

— Нет. И не поверю, пусть меня повесят, пока не увижу их собственными глазами. Но существо в ящике настоящее, сомнений нет. Можете телеграфировать в Рио — пускай проведут полный ремонт судна. Позаботьтесь о каютах для одного или двух пассажиров.

— Мы с Оле уже сделали это перед отъездом.

— Надо же! Хм... Вы удивительный человек, капитан.

Последние слова Андерсона поразили доктора едва ли не сильнее, чем его странный рассказ.

— Для ланча слишком поздно, для обеда рано. Не останетесь ли к чаю?

— Будем счастливы насладиться вашим гостеприимством, — напыщенно ответил Оле.

— Вижу, Хансен, что среди ваших литературных сокровищ есть не только таблица логарифмов, но и трактат по этикету. Хорошо, ребята. Эдит, позаботься о том, чтобы Вонг накрыл на стол в лучших староиспанских традициях.

Глава III

ДАВНИЕ БИТВЫ*

Семь напряженных месяцев физической подготовки остались позади.

Дрейк, Эдит и Лейн, помня об ожидающих в пути трудностях и не теряя ни минуты, приступили к ней со всей серьезностью. На следующий день после беседы с капитаном Андерсоном и его помощником они отправились в Скалистые горы Канады. Перед отъездом доктор Лейн снабдил преданного и деятельного Вонга пачкой чеков, расписанных на три года вперед и датированных первым числом каждого месяца. Вонг должен был сам выплачивать себе жалованье и присматривать за домом.

Негодующего и ошеломленного Дрейка пришлось силком оторвать от археологических головоломок и превратить в закаленного покорителя вершин и снегов. Доктор Лейн был убежден, что упрямый археолог обязан их сопровождать и своими глазами увидеть пиктограммы, изображенные на фотографиях Хансена. Сам первый помощник и Андерсон сразу же покинули Сан-Франциско и через Бостон направились в Рио.

Лейн и его спутники поехали прямо на север — на модный курорт в сердце Скалистых гор. Нагрузки предполагалось увеличивать постепенно. Устроившись в фешенебельном отеле, они наняли проводников и разработали программу тренировок. Четыре часа ежедневных переходов по горным маршрутам в первую неделю, пять во вторую и далее до пятнадцати, когда они смогут обойтись без проводников.

Дрейк, который захватил с собой для изучения четырнадцать самых многообещающих головоломок Хансена, оказался весьма строптивым спутником. По мере того, как ежедневные маршруты удлинялись, ему, казалось, требовалось все больше и больше времени для сна. По утрам его приходилось будить не менее десяти минут. Лейн встревожился, подумав, что разреженный воздух и интенсивные физические нагрузки могли сказаться на сердце молодого человека. Тщательный медицинский осмотр показал, что Дрейк был в полном здравии. Сам он ничего не говорил, с мрачным стоицизмом перенося бесконечные подъемы по обрывам и бесконечное ползание по ледникам.

Когда группа покинула свои апартаменты в отеле, намереваясь жить под открытым небом и ночевать лишь в спальнях мешках, Дрейк сделался на редкость упрямым. У капризного молодого археолога, как Эдит по секрету

* Название главы («Battles long ago») взято из знаменитого стих. У. Вордсворта (1770-1850) «Одинокая жница».

заявила отцу, развился такой дьявольский характер, что единственным выходом было бы отправить его домой. Ей надоело иметь дело с этой кусачей черепахой. Мысль о том, что ей придется, возможно, провести с Дрейком два года в ледяной глуши, казалась исключительно непривлекательной.

— Мне бы хотелось избить его, — призналась она по секрету, — так как я уверена, что с ним ничего не случилось, кроме мерзкого нрава.

Необычайно холодная и туманная ночь на снежных склонах раскрыла ей секрет болезни Дрейка. Не в силах уснуть из-за жутких неудобств, Эдит лежала на боку, уставившись широко раскрытыми глазами в густой туман. Вскоре она заметила крошечное, слабое свечение в той стороне, где спал Дрейк. Выскользнув из спального мешка, Эдит на четвереньках поползла по мягкому снегу к источнику света. Она подобралась достаточно близко, чтобы увидеть Дрейка: тот лежал на животе в своем спальном мешке, подперев голову руками, и сосредоточенно рассматривал одну из фотографий Хансена. Тусклый свет исходил от импровизированной лампы для чтения, состоящей из двухдюймовой свечи в маленькой банке из-под помидоров. Эдит прокралась обратно к своему спальному мешку и залезла внутрь, не переставая следить за тусклым огоньком. Казалось, прошла вечность, но наконец он погас, только чтобы снова загореться через полминуты. Дрейк зажег еще одну двухдюймовую свечу. Так продолжалось всю ночь; лишь примерно за час до рассвета огонек исчез — по-видимому, Дрейк уснул несправедливым сном.

Эдит ничего не сказала о своем открытии отцу. Следующая ночь была более ясной. Засыпая и просыпаясь, как кошка, Эдит следила за огоньком. Свет вновь исчез за час до рассвета, и злоумышленник уснул. Эдит решила промолчать и разработала хитроумный план по спасению того, что уцелело после общего морального крушения Дрейка.

Ей не пришлось долго ждать, прежде чем привести свой план в исполнение. Двое мужчин разделяли обязанности по колке дров и поддержанию огня в лагере, пока она готовила. Дважды в неделю они ели горячий обед. В таких случаях Лейн и Дрейк сбрасывали свои куртки и с готовностью отправлялись за дровами к границе леса. Перспектива хорошо приготовленного горячего блюда, исходящего паром, вселяла энтузиазм даже в рассеянного, сварливого Дрейка.

Эдит выжидала своего часа. Во время следующего похода за дровами, пока вспотевший Дрейк, собрав в два раза больше веток, чем мог унести, фыркал себе под нос, как рысь, она тихонько извлекла из внутреннего кармана его сброшенной куртки четырнадцать фотографических головоломок.

— Это грязный трюк, — пробормотала она, надежно пряча их под рубашку, — но это для его же блага.

В ту ночь Дрейк был похож на несчастную корову, которая только что потеряла любимого теленка. Эдит слышала, как он копался в темноте, царапая ноги и ругаясь по адресу всего и всех. Та ночь, как она сказала позже,

была одним долгим, произнесенным шепотом проклятием.

Она позволила ему страдать из-за теленка три дня. Затем, стоя на противоположном краю шестифутовой расщелины, она призналась. Дрейк смерил ее убийственным взглядом. Но к тому времени, как разъяренный археолог преодолел полторы мили, которые Эдит с редкой предусмотрительностью оставила между ними, обогнав остальных, он был слишком измотан, чтобы сражаться. Ради возвращения четырнадцати мучителей он дал торжественное обещание, что будет задувать свечу ровно в два часа ночи. Таким образом, если доктор в порыве энтузиазма не будил их раньше срока, Дрейк спал по четыре часа каждую ночь.

— Если этого недостаточно, чтобы улучшить твоё настроение, — предупредила Эдит, — я буду добавлять по полчаса за раз, пока мы не наберем нужную дозу сна.

Столкнувшись с новым распорядком своих сомнительных привычек, молодой ученый стал обходительным, как растопленное масло. Он по-прежнему, уподобляясь устрице, говорил очень мало — но то немногое, что он говорил, было вершиной приветливости. Лейн, заметив перемену, приписал ее внезапному, пробирающему до костей холоду.

— Дрейк отлично справится, когда дойдет до настоящего дела, — сказал он Эдит. — Только посмотри, как похолодание взбодрило его.

— О, с ним все будет в порядке, — согласилась Эдит. — Как только ему будет чем заняться, он навсегда избавится от своего брюзжания.

После двенадцати недель закалки на заснеженных склонах и ледниках Скалистых гор, троица отправилась на Аляску, где прошла более радикальный курс таких же тренировок. Мало-помалу они привыкали носить все меньше одежды и к концу периода подготовки могли преодолевать снега и льды в разгар воющей бури, одетые лишь в шерстяные фуфайки. Доктор в порыве радостного энтузиазма хотел было зайти и дальше, заявив, что если принятие снежных ванн голышом полезно для туберкулезных детей, им, закаленным путешественникам, хватит в бурю и тонкой накидки; однако Эдит решительно воспротивилась, хотя Дрейк, похоже, отнесся к этой мысли вполне благосклонно.

Но теперь миновали все трудности и радости. В тот вечер они уезжали из Монреаля в Рио-де-Жанейро, где собирались присоединиться к остальным участникам экспедиции и пройти последний этап подготовки. Все должны были научиться пилотировать аэроплан. Доктор Лейн по-прежнему считал, что аэроплан может оказаться решающим звеном в успехе их предприятия; капитан Андерсон, с консерватизмом старого моряка, только хмыкал и жаловался на бессмысленную двухмесячную отсрочку.

Оле, напротив, в своих письмах и телеграммах был полон восторга. Умение управлять самолетом обещало в одночасье приблизить помощника к всеведению, каковое составляло цель его существования в сем несовершен-

ном мире. Согласно письмам капитана, Хансен давно овладел мастерством летчика — на бумаге. Он даже изобрел улучшенный тип летательной машины, которая, по словам завистливого Андерсона, напоминала ручную тележку с крыльями. Шедевр неожиданно прорезавшегося в Оле технического гения пребывал пока в стадии куколки, представляя собой на одну треть чертежи и на две трети чистую теорию. Так или иначе, все это оправдывало давешнюю высокую оценку умственных способностей Оле, о какой капитан для себя не мог и мечтать.

Помимо предполагаемой морской болезни Дрейка, плавание в Рио-де-Жанейро прошло без особых приключений. Из Ванкувера Дрейк отправил длинную телеграмму одному из своих друзей-археологов, и тот привез полтонны тщательно отобранных книг — в основном обильно иллюстрированных трудов по биологии, геологии и теории эволюции. С ними Дрейк заперся в каюте, допуская туда только стюардов; по их словам, бедняга вот-вот собирался скончаться от морской болезни. Заподозрив невинный и полезный обман, доктор Лейн предоставил страдальца его трагической судьбе и проводил дни, гуляя по палубе или играя в койтс* с Эдит.

В утро последнего дня плавания терпение доктора было вознаграждено. Больной появился на палубе, причем, по замечанию Эдит, выглядел свежим, как огурчик.

— Мне стало лучше, — объявил Дрейк.

— Очень хорошо, — заметил доктор. — Как обстоят дела с фотографиями Хансена?

Дрейку не удалось долго сохранять равнодушный вид. Его лицо расплылось в ухмылке.

— Неплохо, насколько можно было ожидать, благодарю вас.

— Вам удалось расшифровать надписи?

— Если я отвечу «да», вы до смерти замучаете меня вопросами; ответь я «нет» — примете за тупицу. Поэтому я уклонюсь от прямого ответа и скажу так: и да, и нет. Говоря по правде, это в точности описывает ситуацию.

— Я расправлюсь с вами сейчас же, если вы не расскажете, что открыли, — рявкнул Лейн. — Давайте же, излагайте скорее.

— Пред лицом насилия я бессилён, а гордость не позволяет мне спастись бегством, — протянул Дрейк. Он посерьезнел.

— Вы верно заметили, что образование у меня одностороннее. Для полной расшифровки этих фрагментов мне недостает глубоких познаний в биологии, геологии, эволюционной теории и полудюжине еще более сложных наук. Я всеми силами старался восполнить пробелы и выжать из надписей что-то полезное. В настоящий момент, глядя сквозь густую пелену невежества, я могу лишь сделать некоторые предположения об их смысле. Если я не

* Метание колец в цель (металлический или деревянный штырь).

ошибаюсь, в этих изображениях доисторических чудовищ заключено куда более значительное содержание, чем может показаться с первого взгляда. Однако я не верю, что надписи могут быть полностью расшифрованы кем-нибудь подобным мне, то есть полным профаном в науках о жизни.

— Уверен, вы немалого достигли. Расскажите нам о своих открытиях. Я готов оказать вам любую научную помощь.

После краткого поединка с археологической совестью Дрейк сдался.

— Начнем с того, что эта работа чрезвычайно обманчива. Возьмем, например, этрусское письмо или, если предпочитаете, надписи хеттов. Каждую из них прочли и интерпретировали десятком способов. Один утверждает, что определенная надпись является скромным рассказом о свадебной церемонии. Его оппонент и критик читает те же знаки как подробное повествование о жертвоприношении сорока быков. Оба не могут быть правы одновременно, если только сорок быков не используются как поэтическая метафора жениха. Так все и происходит: один знаток видит прекрасную молитву богине любви, другой — заурядный рецепт чечевичной похлебки. Иногда попадаются даты, цифры и другие числовые обозначения, которые можно сопоставить с известными историческими фактами, но чаще всего результаты работы лишь отражают личность дешифровщика. Когда тот ставит «сорок быков», я сразу понимаю, с кем имею дело.

— И теперь ты боишься выдать себя? — улыбнулась Эдит. — Не беспокойся, я сразу забуду все компрометирующие детали.

— В личной жизни мне нечего стыдиться, — парировал Дрейк, выпрямляясь, как разъяренный журавль.

— Так говорят все, начиная рассказывать свои сны, — рассмеялся доктор. — А после бесятя оттого, что невольно выдали все свои секреты... Но продолжайте; у ваших зверей, я уверен, есть и объективные характеристики.

— Здесь вы ошибаетесь. В данных надписях самое важное состоит в идеальном, в субъективном. Именно это я не могу расшифровать. Все прочее не составляет трудности. В общих чертах, четырнадцать надписей излагают фрагменты истории ужасной войны. Непонятна символика, стоящая за сухим отчетом о битвах и осадах. Представьте себе фразу, которая всякий раз читается по-иному. Прямое значение кажется совершенно ясным, но при вторичном прочтении возникают новые смыслы и так далее, пока целое не начинает казаться хитроумнейшим шифром.

Рассмотрим, к примеру, простое утверждение: «Вчера шел дождь». В обычных условиях вы о нем и не задумались бы. Но если вы армейский офицер разведки и к вам привели задержанного солдата, который собирался перебежать к противнику с запиской «Вчера шел дождь» в левом ботинке, вы постараетесь узнать код, прежде чем расстрелять его, верно?

В моем случае все обстоит точно так же. Надписи, на первый взгляд, говорят о кровопролитной войне. Но только на первый взгляд. Повествова-

ние о войне — подробное и последовательное, хотя и отвратительное в своем чистейшем безумии. Разум, если позволите мне высокопарное выражение, сброшен с пьедестала. Подобной войны никогда раньше не было и никогда не будет, потому что сражавшиеся исчезли с лица земли.

— Чудовища против чудовищ? — спросил Лейн.

— О нет. Чудовища против разума и разум против чудовищ. Но я не в состоянии понять, чей это был разум и каковы были чудовища.

Не в этом, впрочем, состоит главное затруднение. Все повествование, по моему мнению, выступает символом истинного конфликта, отраженного в этих надписях. Твердых доказательств у меня нет, но я чувствую, что абсолютно прав. Под довольно прямолинейным рассказом об уникальной в мировой истории войне скрыта повесть об ужасающем противоборстве. Настоящий конфликт, я полагаю, был настолько жуткого свойства, что выжившие намеренно окутали его покровом не поддающейся объяснению символики.

— В чем же состоял их мотив? К чему рассказывать о схватке и так старательно скрывать ее историю?

— Неужели вы не понимаете? Быть может, они страшились, что однажды такие же дьяволы могут вырваться на свободу — и оставили намек на то, как сами одолели врагов. Они скрыли историю, чтобы какой-нибудь идиот не вздумал повторить то, что их погубило. Такое случается. Если бы не возвышенный патриотизм некоторых старцев, нам, людям молодым, не пришлось бы встретиться с отравляющими газами и другими губительными для жизни ужасами. Создатели надписей решили скрыть истину, дабы лишь существа, не уступающие им интеллектом, смогли понять смысл надписи. Такова моя теория, как сказал бы наш знакомец Хансен.

— Но я не вижу смысла, — запротестовал доктор. — Ваша теория не объясняет, почему воспоминания об ужасе следовало записывать вообще, пусть и в крайне затемненном виде. Если они стремились к забвению, самым простым решением было бы не оставлять никаких записей, символических или иных.

— Да, если бы единственная их цель состояла в забвении случившегося. Но что, если они хотели оставить предупреждение разумным существам, которые сумеют понять и прочесть надписи? Допустим, чисто теоретически, что они открыли некую тайну природы — и что именно это открытие покончило с ними... Разве не захотели бы они оставить предупреждение следующей расе исследователей, которые могут ненароком открыть запретные врата?

— Ваше воображение совсем разыгралось, не говоря уж о языке. Что вы можете сказать о реальной войне, описанной в этих фрагментах?

— У меня что-то разыгрался приступ морской болезни, — уклончиво ответил Дрейк, отступая в свою каюту. — Как-нибудь в другой раз.

Больше от него ничего не добились, ибо археолог наглухо запер дверь своих покоев.

Два месяца в Рио-де-Жанейро были полны хлопот и протекли не без приятности. Под руководством молодого лейтенанта бразильского флота по меньшей мере один из искателей приключений стал искусным авиатором. Правильней было бы сказать «одна»: вероятно, благодаря яркой красоте Эдит молодой офицер не жалел сил и терпения, раскрывая перед ней секреты пилотирования, какиегодились бы девушке разве что для воздушной акробатики на сельской ярмарке. Как бы то ни было, он тратил гораздо меньше усилий на прилежного Оле, который после скандальной встречи с церковным шпилем начал самостоятельно постигать азы летного искусства и мало-помалу превратился в осмотрительного и осторожного штурмана.

Капитан Андерсон сдался после первых же приступов тошноты во время полета с бравым асом-лейтенантом, наотрез отказавшись возвращаться к давно пройденным урокам морской болезни.

Доктор Лейн легко выучился управлять самолетом, но проявил опасную склонность без всякой необходимости описывать мертвые петли. Эдит умоляла Андерсона поручить ее отцу разобраться с корабельными запасами — провести инвентаризацию, сделать все, что угодно, лишь бы он держался подалеже от ослепительного сапфирового неба. Капитан согласился, и небеса остались вотчиной Эдит и лейтенанта. Оле, тонкий поклонник Метерлинка, однажды в разговоре с Дрейком заметил, что воздушные шалости Эдит в точности напоминают брачный полет пчелиной матки*. То, что сказал в ответ на это Дрейк, повторить невозможно.

Сам Дрейк показал себя безнадежным неудачником. После добросовестной попытки научить его основам обращения с самолетом лейтенант с заметным облегчением объявил, что мистер Дрейк станет отличным балластом в чрезвычайной ситуации, но в остальном бесполезен. Дрейк, смущенный и униженный, вернулся к своим надписям. Так, по крайней мере, все это выглядело внешне. Но Оле разработал более сложную теорию, которой он великодушно поделился с Эдит.

— Никто, мисс Лейн, не может быть таким дураком, каким выставил себя Дрейк. Дрейк не хочет летать. Он хочет изучать мои фотографии. У этого молодого человека есть мозги. Когда-нибудь у него появится теория.

Оле говорил приглушенным тоном толстой старухи, созерцающей свою пышногрудую невестку.

И Эдит, вспомнив, что Дрейк отказался от ее частных уроков пилотажа, почувствовала желание надрать и без того красные уши Оле. В глубине души она знала, что теория помощника была правдой; Дрейк был без ума от прекрасных абстракций. Раздраженно вздохнув, она возобновила свой пчелиный флирт с лейтенантом. Тот хотя бы признавал ее очарование. Но на са-

* Бельгийский писатель и драматург, нобелевский лауреат М. Метерлинк (1862-1949) был, среди прочего, автором философского эссе «Жизнь пчел».

мом деле ей хотелось вонзить свои ровные белые зубки в единственное яблоко, находившееся вне пределов ее досягаемости.

К концу первого месяца в Рио Дрейк приобрел самые дурные привычки. Его комната была теперь завалена шедеврами Хансена — всей коллекцией из ста двадцати четырех терзающих разум снимков. Жара стояла неизменно, но высокому и худощавому Дрейку она, казалось, была нипочем. Подносы с едой у его двери оставались нетронутыми; блюда с утробным ликованием поглощал портье, а испортившиеся остатки выбрасывал. В конце концов, заботливый хозяин разработал злодейский рацион из еды и питья, который можно было проглотить одним махом, не вдаваясь в детали. Основу адской диеты составляли устрицы и сливки; ром и немного абсента придавали ей окончательный лоск. Промежуточный слой являл собой ужасающую тайну. Подозрительная зернистая чернота в середине предполагала икру. Творожистая масса издавала безошибочный запах тонко наструганного тельного количества тростникового сахара. Кварта этой самодеятельной чеснока. Необходимый баланс углеводов достигался путем добавления значительной амброзии четырежды в день и бесконечные поставки кофе — черного, как дьявол, сладкого, как любовь, и горячего, словно угли в аду, как говорят испанцы — поддерживали в Дрейке жизненные силы.

Лейн ночевал на корабле, где Эдит до трех утра танцевала с влюбленным лейтенантом под неусыпным наблюдением престарелой матери последнего. Двадцать четыре часа в сутки, от рассвета до рассвета, Дрейк был предоставлен сам себе. Он засыпал прямо в кресле, когда сон исподтишка нападал на него. Если в полусне ему удавалось добраться до постели, он ложился спать, не раздеваясь — и четыре часа спустя снова возвращался к своим трудам. Вопреки всем теориям гигиенистов, он не ходил на прогулки и не занимался физическими упражнениями, но оставался совершенно здоров и крепок, как кремень: деятельный мозг, вероятно — лучшее тонизирующее и лучший рецепт здоровья.

Оле, выслушивая ежедневные сводки хозяина, проникся восторженным уважением к этому невероятному молодому теоретику. Он не сомневался, что его бесконечная научная беременность рано или поздно произведет на свет грандиозное, мирового значения дитя. В день отплытия он проводил Дрейка в его каюту на старом китобойце — вычищенном от киля до клотика и переименованном в «Эдит» — с такой бережностью, будто сопровождал юную мать на сносях.

«Эдит» развела пары, пересекла величественную гавань, повернула и направилась прямо на юг в сиянии дня, разрезая зеленовато-голубые волны. Официально, экспедиция отправлялась на охоту за китами.

Великое приключение началось, но на молчаливом судне ни единая душа не могла бы предсказать его исход. Они шли на юг в поисках неизвестных нефтяных залежей и неведомой загадки, с которой, будь они наделены

даром предвидения, им не захотелось бы повстречаться. Так, безрассудно и неумело, люди вечно стремятся постичь тайны жизни...

По приказанию доктора Дрейка оставили в покое. Лейн был впечатлен рассказами Хансена и по себе знал могучее притяжение ничем не прерываемого течения мысли.

Дни пролетали, как лазурные птицы, и понемногу ветер стал крепчать. Острый холод до костей пронизывал непривычных членов команды. Опытные моряки и закаленные новички лишь стали двигаться чуть быстрее и работать энергичней. Желторотые скоро привыкнут, а пока пускай себе дрожат, ругаются и справляются, как могут.

Легко нагруженная «Эдит» вскоре начала качаться и подпрыгивать на волнах, как белуха; тогда-то Дрейку и отомстила кулинарная оргия из икры, устриц и тростникового сахара. Его истерзаный желудок протестовал против грубой корабельной пищи и с несказанным отвращением отвергал солонину. Эдит забыла о непостоянстве археолога, простила ему все теории и стала ухаживать за ним, как ангел милосердия в белоснежном одеянии. Выздоровление было таким же стремительным, как болезнь. Обретя былую живость и темперамент — в прострации Дрейк был тих, как чахоточный vicar — молодой ученый вновь изменил Эдит со своими фотографическими гуриями.

— Соберемся в капитанской каюте и обсудим наши планы, — предложил он. — Ты приведешь отца, а я позову Оле. Сейчас вахта второго помощника, они все свободны.

Удобно устроившись за красным сукном капитанского стола, все пятеро приступили к обсуждению. Андерсон и Лейн решили сразу направиться в бухту, открытую капитаном на следующий день после подводного извержения, пересечь ее и подойти к берегу. Затем, передав бразды правления кораблем Бронсону, умелому второму помощнику, они на собаках и санях направятся к вулкану, который видели вдали Андерсон и Оле. Если окажется возможным использовать аэроплан, двое из участников экспедиции вернутся за ним.

Люди Бронсона на судне будут ждать возвращения отряда ровно три месяца. Если по истечении этого срока они не получат от исследователей никаких вестей, им надлежит снарядить спасательную партию. Организация помощи была спланирована до мельчайших подробностей. Если что-то пойдет не так, Бронсону нужно будет лишь следовать письменным инструкциям.

Андерсон довольно туманно представлял себе местонахождение чаемых нефтяных залежей. Эти общие представления были основаны на теории Оле, но признаваться в том капитан не желал. С редким проблеском здравого смысла Оле рассудил, что поскольку тяжелый черный дым и красный столб огня, замеченные ими издали, напоминали горящую нефть — так оно, вероятно, и было.

В эту стройную гипотезу, как указал Лейн, не вписывалось только одно: по оценке капитана, взрыв, услышанный ими, произошел на расстоянии от двухсот пятидесяти до трехсот миль от залива. Выброс горячей нефти вряд ли был бы видим и слышим на таком расстоянии. Иное дело — вулкан. Знаменитые извержения Кракатау, Катмая, Мон-Пеле и многих других вулканов ощущались и на более далеких расстояниях.

Капитан не желал и слушать возражения Лейна. Кто сказал, что там, на суше, не могла находиться громадная нефтяная скважина? Чем больше, тем вероятней, считал Андерсон. Глядя на раскачивающуюся керосиновую лампу, он рисовал в воображении прекрасные картины акций и паев, кружащихся, как осенние листья Валломброзы*, над океаном неограниченных возможностей.

Лейн был странно сдержан в отношении того, что надеялся найти. Со дня первой беседы ученого с капитаном прошло десять месяцев, и за это время доктор ни разу не упомянул о доисторических животных Андерсона, словно только что увязших в море нефти и смолы. Если бы его спросили, он сказал бы, что пока еще не вынес определенное суждение; вне сомнения, это было бы правдой. Несомненным было и то, что птица-рептилия отнюдь не растворилась, как мираж, но продолжала существовать, и ее загадочная реальность не могла найти удовлетворительного объяснения.

По зрелом размышлении Лейн отбросил первоначальную теорию, гласившую, что птица законсервировалась и пережила миллионы лет, как сардинка в масле. Он не спешил делиться своими мыслями с капитаном: кто знает, какие еще байки придумает в запале этот бывший горный инженер и китобой, наделенный пылкой фантазией? В истинно научном духе доктор решил дождаться новых фактов, прежде чем пускаться, как Оле, в соблазнительные гипотезы.

В этом решении его поддерживало неприятное воспоминание. В душе он еще не простил капитана, который принял его за наивного энтузиаста, готового поверить в первую же русалку с головой из кокосового ореха. Но главное, доктор твердо продолжал считать Дрейка величайшим дешифровщиком современности и надеялся, что после столь пристального изучения фотографий Хансена тот наконец поделится своими выводами. Эдит, с разрешения Дрейка, уже раскрыла отцу причину странного поведения молодого ученого.

— Так что же, о устрица, — спросил Лейн, поворачиваясь к Дрейку, — теперь вы готовы раскрыть створки?

— Да-да, у вас уже есть теория? — выпалил Оле.

* Валломброза — бенедиктинское аббатство в Тоскане, где папа Урбан II в 1096 г. призвал верующих к крестовому походу. Об «осенних листьях Валломброзы» упоминает в поэме «Потерянный рай» Д. Мильтон (1608-1674).

- Целых две, — ответил Дрейк.
- Две теории! — зашелся от восторга Оле. — Молодой человек, вы настоящий ученый. В чем заключаются ваши теории?
- Первая — которую лично я предпочитаю — в том, что я сошел с ума.
- Все видится вам настолько невероятным? — спросил доктор, подняв брови.
- Я уже говорил вам в Сан-Франциско, что это просто непредставимо, — вмешался капитан. — Сейчас Дрейк это подтвердит. Погодите немного и сами все услышите.
- Речь совсем не о вашем рассказе, — сказал Дрейк. — По сравнению с истинным смыслом надписей, каким я его вижу, ваше море чудовищ кажется довольно скромным. Я согласен признать, что ваше повествование соответствует действительности, хотя доктор Лейн все еще проявляет в этом вопросе осторожность. Но другое... истинное значение фрагментарной истории, отраженной в надписях — я предпочитаю не обсуждать до тех пор, пока события не докажут мою правоту или безумие.
- Я понимаю вашу позицию, Дрейк, — сказал доктор. — В данных обстоятельствах и я повел бы себя точно так же. С другой стороны, вы можете нам кое-что сообщить, не отступаясь от своих принципов. Исходя из того, что вам удалось найти, считаете ли вы, что мы обнаружим вещественные свидетельства истинной схватки? Я имею в виду, разумеется, столкновение, которое так постарались скрыть создатели надписей.
- Дрейк бросил на него пронизательный взгляд.
- Вы догадались о природе той войны?
- Исходя из других данных — возможно. В таком случае вы должны понимать, почему я не делюсь раньше времени своими предположениями. Итак, найдем ли мы свидетельства подлинной битвы?
- Не знаю. Мне это показалось бы невозможным.
- Некоторые вещи вечны, — тихо заметил доктор. — Насколько мы способны судить, жизнь, не исключено, нельзя уничтожить.
- Вам никогда не доводилось нюхать мертвого кита? — спросил приземленный капитан.
- Доктор имеет в виду совершенно другое, — запротестовал Оле, начиная краснеть.
- Я знаю, Оле. Я знаю, что имеет в виду доктор. Он говорит о душе. Но, доктор, видели ли вы когда-нибудь кита, обладающего душой?
- Не после смерти, — с улыбкой ответил доктор. — Однако я подразумевал совсем иное. Моя мысль была более прозаической и сводилась к вопросу энергии, клеток и прочих общеизвестных вещей.
- Клеток? — фыркнул капитан. — Дохлая рыба — это дохлая рыба, будь в ней клетки или нет.
- Совершенно...

— Заткнись, Оле. Доктор Лейн, я не такой дурак, чтобы спорить с вами на вашей палубе. Когда вы сможете показать мне мертвого кита, который не сгниет за три недели, я поверю в бессмертие жизни.

— Это...

— Заткнись, Оле. Ну, доктор, где ваш бессмертный кит?

— На небесах, — ответил Лейн, не моргнув глазом.

— Отец, — запротестовала Эдит, — это слишком.

— Не обязательно, моя птичка. Вспомни пророка из Ниневии*. Итак, Дрейк, какова ваша вторая теория?

— Что все это буквальная правда.

— Мне тоже так кажется, — сказал доктор.

— И мне, — эхом отозвался Оле, прежде чем капитан успел его перебить.

— Такого не может быть, Оле, — возразил доктор. — Вы человек плодовитый, спору нет, но по природе своей неспособны вообразить подобный кошмар.

Оле выглядел удрученным. Ему сделали замечание. Эдит сочувствовала ему, остро страдая от подавленного любопытства.

— Ах, почему бы вам двоим не перестать разговаривать так, будто я маленькая девочка в платьице до пят? Раз уж я достаточно взрослая, чтобы находиться здесь, меня уж точно можно посвятить в происходящее.

— Если мы начнем пугать тебя всеми нашими недоработанным теориями, — засмеялся Лейн, — ты, чего доброго, сядешь на самолет и сбежишь ночью в Рио. Лучше подождать и посмотреть...

Его прервал резкий толчок, сотрясший крепкое судно от носа до кормы.

— Господи! — вскричал капитан, бросаясь к двери. — Мы на что-то налетели. Все наверх!

Все оказались на палубе на секунду позже капитана. Их тотчас охватило невообразимое зловоние. Оно проникало в самую душу, заставляло разум трепетать и сводило все чувства к позывам выворачивающей наизнанку тошноты. Закаленные морем китобой-пираты свешивались над релингами в пароксизмах неизбывных страданий.

На менее привычных участников экспедиции зловоние подействовало мгновенно и неодолимо. Сопротивляться было невозможно. Никакой безумный химик, вдохновленный уродливыми и дикими кошмарами, не изобрел бы запаха, подобного тому, что осквернил самую душу этой безмятежной и прекрасной ночи.

Полная луна посеребрила спокойные морские уголья. Вся природа, живая и мертвая, спала глубоким сном. Серебряную дорожку ряби царственно пересекал гигантский труп, чье гнилое туловище распорол крепкий нос судна. Четыре башни, по две с каждой стороны, вздымались в мистическом свете,

* Речь идет о проглоченном китом библейском пророке Ионе.

как руины храма на греческом холме. То были ноги чудовища. Всему остальному, что виднелось в лунных лучах, лучше было бы оставаться сокрытым.

— Вот и ваш бессмертный кит, капитан, — всхлипывая, пробормотал доктор, когда его спазмы прекратились, опустошив тело.

— Черта с два, кит! Туша больше четырех китов вместе взятых! Это одно из них.

— Думаю, — в порыве раскаяния произнес доктор, — что обоняние подчеркивает истину даже сильнее зрения. Отведите нас вниз и выдайте из аптечки асафетиду. Нужно чем-то заглушить привкус правды во рту.

Вернувшись в капитанскую каюту, они попытались забыться с помощью рома, приправленного ямайским имбирем.

— Я когда-нибудь избавлюсь от этого запаха в волосах? — сетовала Эдит.

— Сбрей волосы, дорогая, — посоветовал доктор, — и прокипяти их в щелочи.

Глава IV

ПРИБЫТИЕ

Незадолго до полуночи капитан Андерсон вызвал сонных искателей приключений на палубу.

— Вот то самое место, доктор, — сказал он. — Вы хотели его увидеть.

— Какое место? — зевая, спросил доктор.

— То, где зверюг вынесло наверх со дна моря.

Они стояли, глядя с борта на холодный, посверкивающий антарктический простор черной воды. Далеко на юге, как колоссальные замерзшие привидения, высились в лунном свете расплывчатые силуэты пяти громадных айсбергов.

— Вода выглядит достаточно чистой, — подозрительно заметил доктор. Запах развеялся, и к ученому начал возвращаться природный скептицизм. — Где же ваша нефть?

— Будь я проклят, если знаю. Давно вынесена волнами на берег, я думаю.

— А в каком направлении находится ближайший берег?

— Юго-восток. Прямо по линии самого южного из тех айсбергов.

— Когда мы до него доберемся?

— Через двенадцать часов, если не поднимется ветер.

Доктор поглядел на безоблачное небо.

— Погода, похоже, благоприятная. Что ж, завтра примерно после полудня мы увидим вашу бухту. Кстати, вахтенные больше не замечали мертвых... китов?

— Китов? Говорю вам, мы налетели не на кита. Туша была раза в четыре больше самого крупного кита. Думайте, что хотите, но это было одно из тех животных, что всплыли здесь в прошлый раз. А вахтенные заметили еще трех.

— На каком расстоянии?

— Около двух миль. Конечно, издали мы не могли точно разобрать, что там плавало. Но я готов поклясться, что никак не блуждающие острова, льдины или дохлые киты. Если увидим еще одного, велю подплыть поближе и позволю вам насладиться ароматом.

— Ради Бога, не надо, — взмолилась Эдит. — В моей каюте до сих пор не продохнуть.

— Запах сам по себе ничего не доказывает, — сухо заметил доктор.

— Запах сам по себе? — взорвался Дрейк. — Черт возьми! Как же вы тогда представляете себе настоящую вонь?

— Я хотел сказать, что источником запаха могла послужить разлагающаяся ворвань. Запах печально известен и распространяется достаточно далеко, как мне говорили, — объяснил доктор.

— Можете не сомневаться, — подтвердил капитан. — Но за двадцать лет охоты на китов я стал настоящим знатоком. И вот что я вам скажу: прогнивший кит пахнет, как букетик фиалок, по сравнению с тем красавцем, которого мы распороли.

Устав спорить, Лейн ушел к себе в каюту; остальные, бросив последний взгляд на суровое величие ледяной ночи, также разошлись по теплым постелям.

На следующее утро, около девяти часов, ветер изменил направление и подул с покрытой льдом земли далеко на юго-востоке. Это было всего лишь дуновение. Капитан и Оле ожидали благополучного и раннего прибытия к цели. После полудня корабль должен был оказаться в устье вулканической бухты.

Никакое место среди земных океанов не могло бы быть более холодным и безмятежным, более невероятным и таинственным. Вода, почти черная в своей массе, изгибалась твердыми стеклянными волнами, разлетавшимися в падении ярко-зелеными брызгами, а далеко на юге воздушные пики и шпильки огромных айсбергов, словно мечты, проплывали вдоль туго натянутой ленты горизонта. Затем освежающий морской бриз принес с собой первый слабый намек на неописуемое зловоние.

— Мертвые киты, — лаконично заметил капитан.

— Несомненно, — ответил Лейн, прижимая к лицу носовой платок.

Эдит с тоской смотрела на мощный самолет, укрытый брезентом.

— Должно быть, мы переехали еще одного из них, — вздохнула она.

Андерсон рассмеялся.

— Вы почувствовали толчок, Эдит? Нет? Ну, я тоже, хотя мои ноги моряка чувствительны к таким штукам. Мы не переезжаем гнилых тварей, мы врезаемся в них.

И с этим утешительным заявлением он спустился вниз, чтобы посмотреть, не сможет ли механик поддать пара. Он был вне себя от нетерпения.

О ланче никто и не думал. Свободные от дежурства члены экипажа последовали примеру пассажиров и искали спасения под палубами. Но постоянно усиливающееся зловоние находило их и там, как забытый грех. Каждая миля, приближавшая судно к земле, удесятворяла их страдания. Для неопытных пассажиров эта медленная пытка, повергавшая ниц самых закаленных китобоев, стала просто невыносимой. Наконец Лейн, дойдя до предела терпения, отправился на поиски медицинских средств.

У него не было четкого представления о том, что он хотел найти, и он слепо полагался на вдохновение и аптечные запасы. И вдохновение не подвело его. Вскоре он вернулся с тремя импровизированными масками из хи-

ругической марли, пропитанными камфорным спиртом.

— Кто бы мог подумать, что в Антарктике нам понадобятся противогазы, — печально рассмеялся он, поправляя маску Дрейка. — Эдит, достань свои иголки и нитки и сделай маски для всех.

Под руководством отца Эдит стала усердно мастерить новый тип маски; фильтром для загрязненного воздуха выступала в ней мелко просеянная зола. Если температура сохранится на прежнем уровне, пепел можно будет смочить дезодорантом. В противном случае страдальцам придется мириться с меньшей эффективностью фильтровального материала.

Оле, решив справиться о самочувствии пассажиров, застал Эдит за ее занятием. Кожа бедного норвежца приобрела болезненный желтоватый оттенок белого фосфора. Некоторые матросы, по его словам, были на грани мятежа.

— Прикажите им сделать для себя маски, — посоветовала Эдит. — Они все умеют шить. Вот, возьмите это как образец.

Помощник, напоминавший мокрый и обвисший мешок, удалился. Хотя он не слишком верил в действенность масок, он все же, в истинно научном духе, готов был подвергнуть практическому испытанию любую теорию, прежде чем осудить ее как беспочвенную. Вскоре матросы, точно дамский швейный кружок, взялись за работу. Забегая вперед, можно сказать, что маски сделали приемлемым труд, который иначе был бы невыносимым.

Землю заметили в два тридцать пять. Прямо на юге вдоль горизонта тянулся большой береговой уступ, состоящий из черных скал и прозрачного льда. Андерсон присоединился к трем путешественникам у релинга и передал Лейну свой бинокль.

— Градуса на два к востоку вы увидите вход в бухту.

— Да, вижу. Не очень широкая, не так ли?

— Нет. Просто двадцатимильная трещина в антарктическом континенте, которой не было два года назад. Я полагаю, что она быстро сужается после того, как уходит дальше вглубь материка.

Он повернулся и оставил их, чтобы заняться своими делами. Искатели приключений стояли, наблюдая, как далекая тень приобретает четкие очертания. Затем Лейн окликнул капитана, стоявшего на мостике.

— Мы отклоняемся от намеченного курса, не так ли?

— Нет. Идем прямо по курсу.

— Но мы проходим в тридцати градусах восточнее бухты.

— В тридцати трех, доктор. Там есть восьмимильный каменистый пляж. Хочу сначала на него взглянуть. Если сможем высадиться, есть шанс раздобыть для команды свежее тюленьё мясо. А если решим идти дальше, у нас будет достаточно времени, чтобы попасть в бухту до темноты.

— Хорошо. Вы ведь здесь капитан.

Благодаря перемене курса «Эдит» шла теперь бортом к ветру, однако вонь стала еще более ужасающей. Без масок ее было бы невозможно выдер-

жать. Капитан пригласил Лейна подняться на мостик и протянул ему бинокль.

— Вот и пляж, доктор. Если обонянию доверять нельзя, то, возможно, вы поверите зрению. Присмотритесь повнимательнее к своим китам.

Лейн чуть не уронил лучший бинокль капитана.

— Боже милостивый, — выдохнул он. — Их сотни и сотни! Вперед на всех парах, капитан!

Он сбегал вниз по ступенькам, торопясь предупредить остальных. «Эдит» быстро приближалась к длинному пляжу. Сперва виден был только угольно-черный склон, усеянный чем-то похожим на огромные округлые глыбы черного камня. Затем громкий гудок поднял над черными глыбами тучу падальщиков, и глазам открылась истина. Весь пляж представлял собой кладбище огромных, пропитанных нефтью туш, гниющих на солнце.

Лежавшие грудами по пять или шесть тел там, куда их забросили зимние ураганы, чудовища забытой эпохи гнили в отсроченной смерти, которая должна была их настичь девять миллионов лет назад. На пляже, вероятно, распались тела сотен тысяч гигантских тварей. Монстров поменьше, зажатых между громадными тушами, было не счесть. Антарктический холод, долгое пребывание в соленой воде и толстая пленка нефти лишь отсрочили колоссальное разложение, и сейчас, в разгар теплого сезона, оно пожирало горы сочного мяса.

Шлюпку уже спускали на воду. Путешественники прыгнули в нее вместе с Оле и капитаном, и их быстро доставили на берег. Высадка на пологий пляж не представляла трудностей. Они стояли в склизкой маслянистой жиже и, как в кошмарном сне, разглядывали ужас окружающих их руин плоти.

— Что ж, — сказал капитан, указывая на отвесные черные скалы, отделяющие пляж от замерзшего континента, — вот все, что осталось от моей нефти. Часть осела на этих скалах, а остальное унесло ветром вглубь материка или разбросало по всему океану отсюда до мыса Горн. Скажите, доктор, можно ли что-нибудь заработать на этих тушах? Как насчет жира? Вон тот здоровенный зверь, — он указал на изогнутого дракона в кольчуге из двухфутовых треугольных роговых пластин, — выглядит довольно неплохо. Он не так перезрел, как другие.

— К черту деньги! — рявкнул доктор. — Перед нами нечто большее, чем «Стандарт Ойл» и «Датч Шелл» вместе взятые. Было бы позорным святотатством разрубить этих прекрасных созданий на куски ради нескольких грязных долларов. Нет, сэр! Я финансирую эту экспедицию, и пока вы находитесь на суше, вы будете подчиняться моим приказам. На борту судна вы хозяин, но лишь до тех пор, пока я вам плачу. Вам ясно?

— Хорошо, доктор. Не стоит так волноваться.

Мирный ответ успокоил возмущенного ценителя красоты.

— Делайте, как я говорю, — сказал он, — и я прослежу за тем, чтобы вы нашли вашу драгоценную нефть. Вы можете отправиться на разведку, пока

остальные займутся нашим собственным сокровищем. И хотя это не прописано в нашем контракте, я бесплатно дам вам лучшие экспертные консультации по горному делу и геологии, на какие я только способен. Начнем с того, что на подобном пляже нет ни малейшего шанса найти нефть. Но могу вас приободрить: у меня уже сформировалась довольно рациональная теория относительно того, где искать главный бассейн. Ваше землетрясение затронуло только верхний слой.

— У меня тоже есть теория, — со скромной гордостью объявил Оле.

— Заткнись, Оле. Я хочу услышать, что думает доктор.

— Я только собирался сказать, — продолжал Лейн, — что, если моя догадка верна и я не ошибаюсь с начала до конца, вся нефть, которую вы видели, — это не более чем ведро из огромного бака. Вас ждет резервуар нефти высшего качества и размером со штат Калифорния. Чтобы раз и навсегда закрыть этот вопрос, я обещаю профинансировать еще одну экспедицию для поисков нефти, если вы вернетесь отсюда на цент беднее, чем хотели бы. И если мы не найдем вашу нефть в этот раз, то обязательно найдем в следующий. Здесь нет предмета для спора — я абсолютно уверен. А теперь давайте перейдем к более важным вещам и рассмотрим некоторые из этих великолепных драгоценностей, пока еще светло.

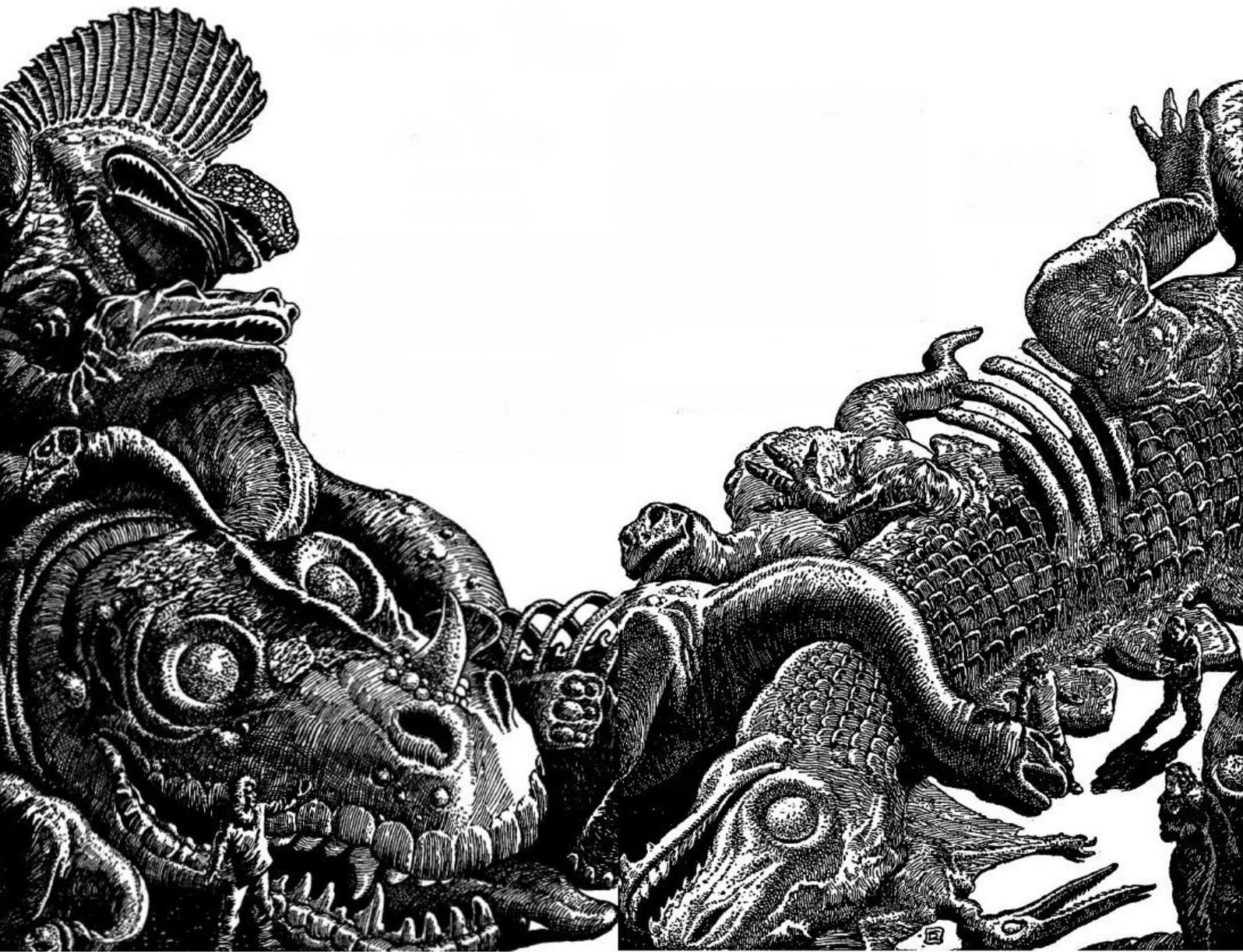
Остальные последовали за доктором в самую гущу руин.

— Оле, — распорядился он, — я вижу, вы захватили свою камеру. Займитесь делом. Начните с крупных животных и убедитесь, что вы сделали достаточно снимков каждого, чтобы четко показать голову, шею, положение ног, рисунок чешуи и хвост — если таковой имеется. Снимайте также мелкую рыбешку. Они не менее важны, чем большие.

Оле принялся усердно щелкать горы мяса. Остальная часть отряда карабкалась по тем из монстров, чья роговая броня все еще обеспечивала надежную опору, тщательно избегая манящих склонов колоссальных трехсотфутовых ящеров. Наступить на эти гладкие, раздутые тела означало окунуться по шею в гниль.

Большая часть плоти уже исчезла со многих отвратительных черепов, оставив лишь неровные участки почерневшей кожи над арсеналами громадных как кинжалы зубов и вокруг огромных стекловидных масс тусклого желе в глазницах.

Пока люди переходили от чудовища к чудовищу на этом пляже-кладбище, выражение лица Лейна постепенно менялось. Благоговейное изумления уступило место озадаченному недоверию. Его теория на глазах обретала форму. Но все это было настолько странно, что он усомнился в очевидных материальных доказательствах. Одно дело было вообразить, другое — воочию увидеть. Что, спрашивал он себя, скрывалось за этой завесой, которую лишь немного приоткрыли его собственные рассуждения и мысли Дрейка? Догадались ли они обо всей правде, или в конце их нехоженого пути в не-

известность их ждала невообразимая катастрофа? При виде этого первого и частичного подтверждения их гипотезы его вера в себя пошатнулась. Впервые он надеялся, что разум ввел его в заблуждение.

Подойдя к одной огромной голове, он заглянул в зияющую полость рта и начал считать зубы. Их количество либо подтвердило бы, либо опровергло их с Дрейком теорию. Надеясь на ошибку, он вторично пересчитал зубы. Нет, никакой ошибки не было.

— Так я и думал, — сказал он, вытирая пот со лба. — Все это неправильно.

— Разве такое уродливое животное, как это, может быть правильным? — спросил Андерсон.

— В природе — всегда. По крайней мере, судя по ископаемым останкам, они неизменно соответствуют своему типу. Что бы вы сказали о человеке с сорока восьмью зубами вместо обычных тридцати двух?

— Как практичный моряк, — сказал капитан, — я бы посоветовал ему сходить к дантисту и удалить лишние зубы. Это избавило бы его от сильной зубной боли в открытом море.

— С этим парнем ничего не получилось бы. Потребовался бы отбойный молоток, чтобы извлечь у него восемь лишних коренных зубов.

— Возможно, — с надеждой в голосе предположил Дрейк, — этот зверь — урод, каприз природы. Осмотрите другого. Вокруг их полно валяется.

— Да, но я не вижу ни одного представителя того же вида. Это еще один любопытный момент. Насколько я могу судить, во всем этом рагу имеется не более дюжины экземпляров каждого вида.

— А разве вон тот не такого же сорта? — спросила Эдит, указывая на более крупное животное, напоминавшее монстра с лишними зубами.

Доктор оглядел зверя, застывшего в предсмертной агонии.

— Думаю, ты права, — сказал он. — Нужно посчитать его зубы.

Цифры сошлись. И у этого чудовища было на восемь коренных зубов больше, чем должна была отпустить ему природа.

— Это решает дело, — пробормотал доктор, усаживаясь на предательски податливый хвост умершей рептилии.

— О, посмотри, ты весь испачкался! — воскликнула Эдит. — Встань. Ты не можешь вернуться на корабль, пока не сожжешь свою одежду.

— Одежда не имеет значения в таком кризисе. Наука прогнила до самого фундамента.

— Это не причина сидеть в подвале, — парировала Эдит. Ее маска сдвинулась, что естественным образом объясняло некоторую суровость девушки.

— Если это наука, — заметил Дрейк, — то я согласен. Здесь гниль от подвала до чердака.

— Не валяйте дурака. Я полагаю, что вы о многом уже догадались, а значит, должны быть в состоянии оценить, что все это может означать. Дело серьезное. Держу пари, ни одно из этих созданий не является тем, чем ему

следует быть. На первый взгляд, каждое похоже на свой предполагаемый тип. Но когда вы присмотритесь к ним внимательнее и начнете применять научные методы, вы обнаружите, что все они представляют собой либо деформации, либо новые виды. В целом, выглядит так, словно природа практиковалась, забыв основы своего искусства.

— Однако ваша теория, — сказал Дрейк, — состоит не в этом, не так ли?

— Нет, — признался доктор. — Но если отбросить все теории в сторону, факты могут либо подтвердить, либо опровергнуть мое утверждение о том, что эти животные не такие, какими их должна была создать природа. Проведем решающий тест. Видите вон ту синюю скотину, похожую на пузатого крокодила? Нет, не ту, что с трехфутовым шипастым гребнем на спине, а другую, у которой под челюстью свисают красные мешки. Хорошо. Согласно всему, что мы знаем об анатомии ископаемых организмов, это животное было сравнительно безвредным. Его единственным оружием являлись зубы и когти. Я не знаю, что означают эти непристойно раздутые мешки — мы не встречали таких в найденных до сих пор ископаемых останках. Я также не могу сказать, является ли красный их естественным цветом или результатом более быстрого разложения после того, как с них стекла вся нефть. На этом мы заканчиваем предположительную идентификацию.

Исходя из формы головы и морды этого зверя, — продолжал Лейн, — я подозреваю, что при жизни он был ядовитым. Настоящее животное, то, что мы встречали в слоях окаменелостей, было безобидным, как ручной червяк. Пойдем и проверим. Если над злобными клыками этого зверя находятся ядовитые железы, вопрос будет решен в пользу какой-то рептилии, совершенно неизвестной науке.

Доктор подвел остальных к ухмыляющейся морде. Огромная пещера рта была распахнута, открывая единственный пятифутовый ряд зубов с каждой стороны десен. Доктор стал осматривать эти желтоватые кинжалы, обнаженные оскалом сухих чешуйчатых губ. Тщательно выбрав подходящий клык, Лейн нашел самый большой камень, который только смог поднять, и со всей силы метнул его в зуб. Камень отскочил, как кругляш от кирпичной стены.

— Сюда, Оле! — крикнул капитан. — Поиграй в гандбол.

Напряженные мускулы Оле сломали сопротивление. В бросок тридцатифунтового камня норвежец вложил всю свою силу. Клык сломался. Глубокий музыкальный гул, который он издавал, постепенно затих, и Оле вновь бросил камень. После пятого удара обломок клыка зашатался. Шестой, нацеленный в основание, выбил его из пасти монстра. Лейн заглянул в зияющую полость.

— Там, наверху, есть какой-то мешочек, — сказал он, — но это может быть всего лишь жировая подушка. Оле, вы не принесете весло из лодки?

Когда весло прибыло, Лейн засунул лопасть глубоко в пасть чудовища и сильно нажал. Мешочек лопнул, и тяжелая маслянисто-зеленая жидкость,

похожая на холодную смолу, потекла вниз на разлагающиеся остатки языка рептилии.

— Мне нужен образец, — воскликнул доктор, поспешно допивая бренди из своей карманной фляжки. — Оле, зачерпните-ка жидкость веслом. Я подержу фляжку, а вы налейте в нее наш напиток, как патоку.

— И каков приговор? — с любопытством спросил Дрейк, пока доктор аккуратно упаковывал фляжку с предполагаемым ядом.

— Точно сказать нельзя, пока мы не опробуем эту субстанцию на каком-нибудь живом существе. Тем не менее, я готов поставить на кон свою репутацию: при жизни эта скотина была ядовита, как полк гремучих змей.

— Значит, животное не похоже ни на одно доисторическое чудовище, известное науке?

— Оно отличается от них, как курица от гиппопотама. И так же, готов поспорить, обстоит дело со всеми остальными существами, которых мы видели на этом кошмарном пляже. Все они — новинки в своем роде. Для начала, большинство из них несоразмерно огромны и громоздки. Само по себе, однако, это не является чем-то из ряда вон выходящим. Такая ситуация могла бы возникнуть, скажем, в стаде рогатого скота. Представьте, что все животные в стаде страдают одним и тем же заболеванием определенных желез — тех, что регулируют рост. Тогда они все были бы гигантами и все-таки оставались бы созданиями естественными. Здесь же мы видим ненормальность в гораздо более радикальном смысле.

— Но, — возразила Эдит, — некоторые из них очень похожи на реконструкции в твоих книгах об окаменелостях.

— В том-то и заключается самая странная часть всего этого потустороннего сна. Они похожи на плохие копии, неудачные имитации, если хотите, тех огромных зверей, чьи кости мы высекаем из скал от Вайоминга до Патагонии. Природа, должно быть, была пьяна, одурманена наркотиками или спала, когда позволила этим противоестественным животным созреть. Каждое из них, до последнего — урод. Мы словно оказались среди развалин всех уродств нации.

— Все это кажется мне невыразимо отвратительным и угнетающим, — поежилась Эдит. — И эти маски начинают становиться бесполезными.

— Отвратительным? Угнетающим? Да это же просто рай!

— Тогда я хотел бы оказаться в аду, — заметил помощник капитана. — Не лучше ли нам вернуться на корабль, доктор? Не хотелось бы блуждать здесь в темноте.

— Возможно, так будет лучше, — неохотно признал доктор, чувствуя себя Адамом, изгнанным из рая. — Сколько фотографий вы сделали, Оле?

— Двадцать дюжин.

— Оно и видно, — сказал Дрейк, бросив взгляд на оттопыренный свитер Оле. — Вы всегда наполовину загружены или там есть что-то натуральное?

— Сам дурак, — пробормотал Оле себе под нос, начиная налегать на весло. Дрейк, хранивший на пляже необычайное молчание, высказался еще до того, как добрался до корабля.

— Доктор, — заявил он, — ваш вывод о том, что все эти гнилые твари во многом противоестественны, подтверждает мою теорию о надписях.

— Мою тоже, — сказал доктор.

— И вы по-прежнему намерены продолжать?

— Конечно.

— А я нет. Я поворачиваю назад и отправляюсь домой прямо сейчас.

— Когда только начинается самое интересное?

— Мне кажется, вы не знаете, с чем имеете дело.

— И вы тоже. Но мы оба, похоже, сделали довольно верное предположение. Я собираюсь довести дело до конца и выяснить, что находится на другом конце цепочки.

— Тогда мне придется терпеть. Пусть меня повесят, но я не позволю такому старику, как вы, взять надо мной верх.

— Старику? — возмущенно воскликнула Эдит. — Он всего на одиннадцать лет старше тебя, малыш. И он, в отличие от некоторых, совсем не боится темноты.

Доктор и Оле были бы безумно счастливы провести остаток своих дней среди монстров на пляже. Однако погода прервала их восторги в середине пятой недели.

Понемногу становилось холоднее, хотя небо все еще сохраняло свою кристальную ясность. Ветер неуклонно свежел. Дважды группу настигал ураган, который сбивал людей с ног, швыряя их в зловонную коричневую жижу. Молодой лед начал позвякивать и смыкаться вокруг судна, и Андерсон забеспокоился: экспедиция могла вмерзнуть в лед более чем в трехстах милях от цели. Он посоветовал немедленно отступить к бухте. Оле и доктор неохотно согласились.

Еще немного, и было бы поздно. Вода вокруг корабля быстро сворачивалась, превращаясь в сбившийся молодой лед, который через двенадцать часов сделал бы гребной винт бесполезным. Даже на их коротком пути к бухте винт несколько раз заклинивало, и душа капитана уходила в пятки, а после снова оживала, когда отчаянный приказ дать полный ход вперед заставляла винт закрутиться вновь.

Если случится худшее, размышлял Лейн, и корабль вмерзнет в лед, они смогут оставить его на попечение Бронсона и перебраться через льдины на материк с собаками и санями. Но прибегнуть к этому маневру означало бы нарушить план всей кампании.

Андерсон, все еще упрямо веривший в свою вулканическую теорию, ожи-

дал найти в бухте открытую воду. И действительно, по мере медленного продвижения к устью температура повысилась на несколько градусов, а лед стал менее плотным. Лейн и Оле начали сожалеть о поспешном бегстве с небес своей мечты.

Внезапное отплытие с пляжа положило конец самому амбициозному проекту доктора. С помощью Бронсона и Оле он соорудил снасть, посредством которой планировал в целостности и сохранности доставить на корабль одно из наиболее крупных бронированных чудовищ.

Команда уже расчистила для него место на палубе. Несмотря на протесты Эдит, Дрейка и матросов, все было готово к приему огромного зловонного зверя, когда внезапная дилемма — выбраться или вмерзнуть в лед — заставила Лейна бросить и снасть, и останки у кромки воды.

— Не берите в голову, — утешал его Андерсон. — Мы сможем поднять ваше сокровище на борт, когда будем возвращаться. Слаще, чем сейчас, оно уже пахнуть не будет.

Со вздохом сожаления Лейн смирился с потерей своего любимца. Это был лучший экземпляр из всего прогнившего выводка. Каким бы ни было состояние его внутренностей, тяжелая броня из огромных чешуек уберегла его, по крайней мере внешне, от самых неприятных последствий разложения. Эдит открыто радовалась несчастью отца, а на лицах команды сияли улыбки, которые не мог стереть даже порывистый ветер с юга.

Несмотря на эту душераздирающую потерю, Лейн не покинул пляж с голыми руками. Каждый свободный уголок на «Эдит» был забит его хорошо просоленными и пропитанными смолой мумиями. Его коллекция в ее нынешнем виде стала бы научной сенсацией столетия.

Еще более ценными были фотографии Оле. Сильный норвежский моряк, вооруженный самыми дорогими фотоаппаратами с неограниченным запасом пленок, за пять с половиной недель может сделать поразительное количество превосходных фотографий. Под опытным руководством Лейна он снял практически все, что лежало на поверхности восьмимильного пляжа.

Но это было лишь частью титанического труда Оле. Его величайшие шедевры были получены благодаря свободному расходованию динамита и минного пороха из запасов Андерсона. Прозорливый капитан загрузил на «Эдит» тонны взрывчатых веществ, будучи уверен, что при разведке нефти ему придется проводить интенсивные взрывные работы. Он ожидал найти свои океаны богатств под скалами, погребенными под накопившимся за тысячелетия льдом. Неосторожное замечание доктора, сетовавшего на свою глупость из-за того, что он не захватил с собой поперечные пилы, мясницкие секачи и другие современные хирургические инструменты, открыло перед алчным зоологом капитанские кладовые. Последовавшая за этим трех-

недельная оргия хорошо темперированных взрывов подарила Оле уникальную коллекцию видов интерьера чудовищ.

На этом грязном участке работ доктор и помощник капитана трудились в одиночку. Остальные наотрез отказались присутствовать на церемониях вскрытия. Однодневная практика с сопутствующими ей катастрофами, которые можно представить, но не описать, превратила прилежного Оле в эксперта по установке зарядов. К вечеру следующего дня он вскрывал раздутых монстров с уверенной аккуратностью специалиста по доисторическому аппендициту. Второй заряд, умело вставляемый по желанию доктора, извлекал желудок существ для детального обследования.

Лейну не терпелось побольше узнать о жизненных привычках мертвых монстров. Одной анатомии, как показывали прекрасные интерьерные фотографии Оле, было недостаточно. Он должен был выяснить, чем питались эти существа. В качестве богатого побочного продукта своих исследований он извлек из непереваренного содержимого желудков плотоядных рептилий и млекопитающих многие исключительно любопытные образцы. В желудках огромных ящериц и саламандр эти прекрасные объекты были изолированы от воздуха и зачастую сохранились совсем свежими.

Один примечательный случай из хирургической пляжной сатурналии достоин описания. В то время Оле и доктор едва его заметили, поскольку были поглощены более важными аспектами своей непристойной оргии. Если бы Лейн, обладавший научной подготовкой, уделил бы этому случаю то внимание, которого он заслуживал, экспедиция, возможно, избежала бы позднее катастрофической ошибки. Проиgnорировав в тот момент неизбежные последствия, исследователи очутились на грани гибели.

Однажды вечером Оле поместил необычайно мощный заряд в брюхо огромного животного, чья хорошо сохранившаяся туша обещала богатую кладовую растительных сокровищ. Осмотр зубов показал Лейну, что мертвое чудовище питалось травами и листьями. Преждевременный взрыв заряда выполнил свою работу только наполовину. Направленная вниз взрывная волна динамита пробила глубокую яму в рыхлом, пропитанном нефтью сланце пляжа и разрушила лежащий под ним слой вечного льда. Поверхность наиболее глубоко залегавшего льда была тем самым очищена от нефти. Сразу после взрыва из разорванного желудка существа на чистый, только что расколотый лед выпали непереваренные листья мшистого растения.

Лейн и его ассистент не стали проливать слезы над экземпляром, испорченным этим почти случайным взрывом, а поспешили к следующему: у них оставалось всего три четверти часа дневного света, и драгоценное время не стоило тратить на пустые сожаления.

Успешно завершив следующую операцию, они приготовились вернуться на корабль, пока было еще светло.

Кратчайший путь назад пролегал мимо испорченного экземпляра. Гля-

нув на ледяную яму, Лейн привлек внимание Оле к целой грудке ярко-зеленой волосоподобной растительности, которая, предположительно, выпала из живота существа. Будучи перегружены инструментами и образцами, они отказались от намерения немедленно присоединить интересное растение к своей коллекции и, неохотно решив отложить это дело до завтра, поспешили сквозь сумерки к лодке.

За ночь температура поднялась на несколько градусов. Это в остальном приятное событие лишило их ожидаемой награды — ибо, вернувшись к яме, они обнаружили, что маслянистая жижа, просачивающаяся сквозь сланец, превратила грудку растений в грязно-коричневый суп.

Плакать над сгнившими травами было не к чему, и они сразу же приступили к новой операции, уверенные, что следующее травоядное животное снабдит их тонной такой же зелени.

В этом они обманулись. Лишь несколько недель спустя Лейн понял, какую серьезную ошибку они допустили. В желудках травоядных монстров они обнаружили изобилие зелени, включая тонны особого рода растения, чьи зеленые вайи и масса длинных усиков очень напоминали упущенный ими образец. Но простое сходство далеко от идентичности, что хорошо осознал доктор, когда было слишком поздно. И когда, наконец, пришло знание, партия уже сражалась за свою жизнь с беспощадным врагом. Не будь этой непростительной небрежности со стороны Лейна, исследователи не навлекли бы на себя ужасную войну, к которой они, люди двадцатого века, были совершенно не готовы. Оброненные фрагменты зеленой добычи Оле и Лейна усеивали чистый берег, свежий молодой лед между пляжем и судном и палубы. Если бы Лейн своевременно оценил их взглядом ученого, он бы сразу заметил зловещую разницу между свойствами собранных растений и тех, от которых в силу обстоятельств вынужден был отказаться.

Эта оплошность и ее последствия стали самым суровым научным уроком в жизни Лейна. После той ужасной схватки на льду он не пренебрегал ни малейшей деталью в своих битвах с неизвестным.

«Эдит» достигла устья бухты как раз вовремя. Когда в поле зрения появился вход в бухту, пошел снег, и десять минут спустя устье исчезло за густой серой завесой кружащихся пушистых снежинок. Корабль прокладывал себе путь сквозь утолщающийся паковый лед, осторожно нащупывая дверь в железной стене впереди. Атаковать лед в лоб было невозможно. Каждый ярд пути должен был быть прощупан, иначе удар о барьер мог отправить судно на дно, как кирпич. Ледяные утесы этого бесплодного побережья отвесно обрывались к глубокой воде.

Медленный ход почти полностью заблокировал винт ледяной взвесью. С каждым скрежещущим поворотом винта лицо капитана становилось все блее. Он не испытывал физического страха. Его мучения были чисто душевными: нервы бедного капитана терзала перспектива утраты гипотети-

ческой нефти.

Внезапно изматывающий нервы скрежет сделался тише и через пятнадцать минут полностью прекратился.

— Мы в деле, — объявил Андерсон с нескрываемым облегчением. В конце концов, он все же умрет богатым. — Никакого льда, как я и ожидал.

Зондирование не показывало дна. Вулканическая трещина в земной коре, если такова действительно была ее природа, оказалась глубже, чем предполагал капитан. Хотя перед судном маячила непроницаемая серая стена падающего снега, можно было без опасения идти на половинной мощности.

— На протяжении по крайней мере двадцати миль эта штука прямая, как улица, — объяснил капитан, — и мы хотим продвинуться как можно дальше.

Периодические гудки, отражавшиеся от ближайших к судну высоких утесов, помогали контролировать курс и удерживать «Эдит» в отдалении от скал. К рассвету они прошли всего тридцать миль, так как из соображений безопасности сбросили скорость в самые темные предутренние часы. Снег поредел, и облака начали расходиться. Вскоре после девяти часов на солнце ослепительно сверкали лишь мелкие снежинки. Путешественники впервые смогли рассмотреть окружающую местность.

Бухта, в этом месте шириной примерно в четверть мили, шла строго на юг и затем окончательно исчезала в виде зазубренной черной линии на белой пустыне.

На воде не видно было ни крупницы льда. Андерсон приказал одному из матросов набрать ведро воды и измерить температуру. Термометр показал сорок градусов по Фаренгейту¹ — восемь градусов выше нуля, в то время как унылая пустыня, простирившаяся вокруг под покровом кристаллов сухого снега, была покрыта вечным льдом.

— Что вы об этом думаете, доктор? — спросил капитан.

— Пока ничего. Я просто принимаю это как факт. Какое там течение?

— Около двух миль в час в северном направлении. Пойдем дальше или остановимся здесь и осмотримся?

— Вперед, на всех парах. Насколько нам известно, с первой метелью здесь может все замерзнуть. Кроме того, мне не терпится увидеть, что находится в конце этой длинной улицы.

— Мне тоже. Значит, полный вперед.

В конце концов продвижение судна было заблокировано самым странным образом. Когда шестьдесят с лишним миль почти прямого канала остались позади, температура начала заметно повышаться. Одновременно исследователей встретил густой туман, поднимавшийся с юга, куда они нап-

¹ Около 4.5° Цельсия.

равлялись. Ослепительное солнце и ярко-голубое небо остались только в воспоминаниях. Теперь Андерсон продвигался так медленно, как только было возможно, и все еще шел против течения. Прежняя улица демонстрировала все признаки превращения в кривой переулок, и гудок звучал почти непрерывно. Механик продолжал еле вращать винт и готов был дать задний ход при первом сгущении тумана впереди. Но судно остановила вода, а не скалы.

Внезапный порыв ветра, пронесшийся по каналу трехфутовой волной, заставил «Эдит» закружиться. Полный ход вперед едва удержал ее на месте. Второй порыв принес с собой облака пара. Мгновение спустя корабль начал сотрясаться в обжигающем потоке. Волны, разбивавшиеся о форштевень, обливали палубных матросов кипящей водой.

Оставалось только одно. Отчаянно рискуя, Андерсон развернул корабль в ослепляющих клубах пара и помчался по узкому каналу вместе с потоком, полагаясь на звуковые сигналы, чтобы избежать столкновения со скалами. К полуночи непосредственная опасность миновала. «Эдит» снова находилась там, откуда двинулась вперед на всех парах. Звезды сверкали на жестком черном небе, как кристаллы ледяного огня.

— Обошлось без вареных омаров, — со вздохом сказал капитан. — Даже Оле все еще сырой. Я брошу здесь якорь на ночь. Обзор у вахтенного достаточный, и он сможет предупредить, если начнется что-нибудь неприятное.

— Здесь мы будем в относительной безопасности, — согласился доктор. — Последние клубы тумана остались в сорока милях от нас.

Так оно и оказалось. Однако ночь прошла беспокойно. В три часа утра вахтенный вызвал капитана Андерсона, чтобы тот посмотрел на зрелище, которое беспокоило матроса в течение последних двух часов. Увидев его, Андерсон тотчас выгнал на палубу Оле и всех пассажиров. Вахтенный смотрел прямо перед собой на тяжелую пелену низких черных облаков, нависших над южным горизонтом.

— Не сводите глаз с облаков, — сказал Андерсон.

Едва капитан произнес эти слова, как нижняя сторона облачного покрова вспыхнула ярко-малиновым. Примерно в течение трех минут облачная пелена пульсировала от малинового до вишнево-красного цвета, словно прерывистое отражение огня кузнечного горна, раздуваемого старинными мехами. Затем свет внезапно потемнел.

— Сколько времени пройдет, прежде чем там снова загорится? — спросил Андерсон у вахтенного.

— Тринадцать с половиной минут, сэр. Регулярно, как часы.

Ровно через тринадцать с половиной минут облака вновь вспыхнули огнем. Так продолжалось до рассвета, когда усиливающийся ветер в верхних слоях атмосферы, разорвав облачную пелену, отбросил ее далеко на замерзший юг. Все это время путешественники зачарованно наблюдали за проис-

ходящим, не обращая внимания на то, что их суставы коченеют на холоде. Неземная красота этого далекого инферно и таинственная регулярность его проявлений делали банальными любые слова. Они мало разговаривали до тех пор, пока верхние ветры и восходящее солнце не стерли ужасное величие ночи.

— Это ваш вулкан? — спросил доктор.

— Горящий нефтяной колодец Оле, хотите сказать? Нет, я уверен, что это не так. Облака были не далее как в пятидесяти милях от нас. А по моей оценке, другой объект, как вы помните, находится в двухстах пятидесяти-трехстах милях от берега материка, то есть более чем в двухстах милях отсюда.

— Тогда что вы об этом думаете? — спросила Эдит.

Капитан ухмыльнулся.

— Как и доктор, я подожду и посмотрю, что впереди, прежде чем прыгать.

— У меня есть теория... — начал Оле.

— Залей ее в бутылку, пусть сперва там созреет.

Оле с грохотом откатился в сторону, чтобы излить свои эмоции на уши сугубо мужской аудитории.

— Как поступим, Лейн? — спросил капитан. — Попробуем еще раз пойти вверх по течению или сойдем на сушу?

— Сколько времени потребуется, чтобы подготовиться к сухопутному путешествию?

— Четыре часа. Я позаботился о санях, пока вы с Оле развлекались.

— Собаки в хорошей форме?

— Сгодятся. Четырехнедельная тренировка на вашем гнилом пляже была, конечно, недостаточной, но придется с этим смириться.

— Почему бы не выбрать компромисс? — предложил Дрейк. — Давайте проплывем на корабле как можно дальше, прежде чем пересядем на сани. Мне не нравится таскать эти мерзкие штуки по льду. А этим и закончится, когда глупые собаки сдадутся. Рано или поздно с ними все равно придется расстаться. Мы не можем захватить с собой четырехмесячный запас продовольствия для них и для себя.

— Что скажете, капитан? — спросил доктор. — Вы готовы рискнуть и поплыть в кипяток?

— Теперь, когда мы знаем, чего ожидать, я не вижу большой опасности. Если только, — добавил Андерсон, — в воду не попадет кипящая грязь и мы не застрянем в этом болоте в сотне миль от моря.

— Мы рискнем, — решил доктор. — Если до сих пор извержение ограничивалось кипящей водой, кажется невероятным, что произойдет что-то большее просто для того, чтобы поприветствовать нас.

— На крайний случай у нас всегда есть самолет, — заметила Эдит.

— О да, — сказал капитан, — и что за счастливая парочка сбежит на самолете, в то время как остальные останутся и будут умирать с голоду?

— Как вы не понимаете? Пилот мог бы забирать людей по одному за раз. В случае крайней необходимости могут втиснуться пятеро или шестеро. Вообще-то самолет может легко поднять вес десяти человек.

— И вывезти последнего из них в ночь после Судного дня. Нет, Эдит, если мы действительно застрянем, ваш план не сработает. Однако я готов рискнуть, как и ваш отец. И то, что я скажу, команда сделает — и к тому же чертовски быстро. А теперь, доктор, поскольку мы идем вперед, я хотел бы попросить вас об одолжении.

— Продолжайте. Если ваша просьба разумная, считайте, что она уже выполнена.

— Дело вот в чем. Я хочу выяснить, что вызвало это свечение в облаках. Что, если мы займемся этим, прежде чем перейти к основному блюду?

— По-моему, звучит вполне нормально. И собаки пройдут настоящую тренировку.

— Не говоря уже о нас самих, — мрачно предсказал Дрейк. — Я уверен, что звери окажутся неуправляемы. Вчера один попытался отгрызть кусок от моей ноги, а у меня нет лишнего мяса.

Без дальнейших обсуждений Андерсон развернул корабль и на полной скорости двинулся вверх по течению. К полудню путешественники достигли точки, где, по их мнению, было разумно покинуть судно и пересесть на сани.

Через два часа Андерсон, Оле, Дрейк, Лейн и Эдит, которая отказалась разлучаться с отцом, были на пути по льду с недельным запасом провизии. Бронсона оставили командовать кораблем с приказом вести его вниз по течению и внимательно следить за происходящим. При первом же намеке на неприятности он должен был на всех парах направиться к устью бухты. Если до истечения седьмого дня он не получит иного приказа или известия от группы, следует организовать помощь и отправиться на поиски.

Глава V

В ГЛУБЬ МАТЕРИКА

У партии были две пары саней. Андерсон и Оле, будучи единственными участниками путешествия, имевшими опыт обращения с собаками, взяли на себя управление санями и проинструктировали остальных. Тот, кто никогда не имел такого удовольствия, не может оценить, как много спортивных усилий связано с умелым управлением собачьей упряжкой. Новички скоро освоили эту премудрость. Температура чуть выше нуля, мертвый штиль, ослепительный блеск волнистых снежных полей, напряжение мускулов и затрудненное дыхание быстро вызвали испарину. Эдит терпела, сжав губы, доктор скалился, как кошка, испытывающая боль, а Дрейк, желавший только лечь и умереть, довольствовался непрерывными нецензурными комментариями о собаках, пустынном пейзаже и идиоте, который втянул его в эту безмозглую авантюру.

Через три часа изысканных неудобств, когда Дрейк уже готов был покинуть экспедицию, страдания его достигли апогея. Его сани в этот момент неслись боком, как краб, вниз по изгибу замерзшего склона, очищенного ветрами от ледяных кристаллов. Благополучно достигнув подножия, Дрейк задел ногой какое-то твердое препятствие, хитро скрытое под рыхлым сугробом. В тот же миг одна из собак наткнулась на еще один камень преткновения. Прежде, чем Дрейк понял, в чем дело, он растянулся на спине в снегу, как долговязая лягушка, сани перевернулись, а милые собачки сплелись в настоящий любовный узел.

Вскочив на ноги, Дрейк забыл об Эдит, о своем окружении и всем прочем, кроме своего богатого словарного запаса. Его ритмические проклятия по адресу вселенной заставили покраснеть уши чувствительного Оле, исполнявшего в этот момент обязанности инструктора Эдит. Торопливо покинув девушку, Оле поспешил успокоить Дрейка. Андерсон и доктор спокойно ехали на некотором расстоянии впереди. В чистом, холодном воздухе каждый слог летел далеко, как пуля. Они развернулись, словно услышав очередь из пулемета.

— Великий Боже! — сказал доктор. — Я и не подозревал, что в нем столько всего есть. Давайте вернемся и посмотрим, что случилось.

Оле обнаружил причину обиды раньше, чем остальные добрались до места. Извержение Дрейка внезапно прекратилось. В злобещем затишье, со взглядом, полным подавленной ярости, он оценивал приглашающую позу Оле. Помощник капитана стоял на четвереньках и скреб почву, как терьер, счищая рыхлый снег с черного предмета, чья остrokонечная верхушка уже

обнажилась благодаря его неистовому энтузиазму.

— Ах, — пыхтел он, — вы настоящий исследователь, мистер Дрейк. Каким бы невидимым это ни представлялось невооруженному глазу, вы это нашли. Ваша научная проницательность, ваш гений видит сквозь обманчивую внешность скрытую истину.

Дрейк, потеряв дар речи, задумался. Следует ли все-таки дать Оле сокрушительного пинка или палец на ноге слишком болит? Беда в том, что пинать он привык правой ногой, той самой, которая ранее вошла в соприкосновение с сокровищем Оле. Мир, решил он, все же лучше войны.

— В чем дело, идиот?

Оле проигнорировал комплимент.

— Посмотрите сами. Надписи!

Дрейк упал на колени рядом с Оле. Восклицание капитана известило об обнаружении второго спрятавшегося под снегом черного камня, при столкновении с которым перевернулись сани. Теперь все начали копать. Через несколько минут два небольших зазубренных камня, очевидно, куски более крупной скалы, разбившейся при ударе о грунтовый лед, были очищены и готовы к осмотру.

Поначалу результат был глубоко разочаровывающим. Один из камней так пострадал от ветра и льда, что на его поверхности не осталось ни единой пиктограммы, в то время как на другом были видны только фрагменты примерно полудюжины. Ни тот, ни другой не стоило фотографировать. Когда последствия катастрофы Дрейка были устранены, Андерсон предложил двигаться дальше.

Но Дрейк, казалось, оставался глух. Первый и более серьезно поврежденный камень будто загнипнотизировал его. Вскоре он поднялся на ноги и в ярости пнул черную массу каблуком.

— Принесите кувалду, — приказал он Оле.

— Где, черт возьми, я могу ее достать?

Эдит уже нашла топорик, который теперь протянула Дрейку. Одним резким ударом он расколол черный фрагмент надвое по плоскости разлома. Зрелище, представшее их глазам, вызвало возглас изумления у всех, кроме Андерсона и Оле. Одна сторона расколотого камня была покрыта глубоко вырезанными пиктограммами доисторических монстров, в то время как на другой, похожей на рельефную карту, виднелась рельефная копия той же надписи. До того, как Дрейк расколол его надвое, камень казался обычным куском черной, похожей на цемент породы. Мозг Дрейка усиленно заработал.

— Если вы нашли двенадцать дюжин надписей одного типа, Хансен, — сказал он, — то, по всей вероятности, нашли и другие. Почему вы не сфотографировали также некоторые из них?

— Почему же, сфотографировал, — прогудел Оле, как флегматичный

бочонок. — В общей сложности я сделал более ста снимков рельефных надписей. Они у меня в сундуке на борту корабля.

— Тогда почему, ради всего святого, вы не показали их мне?

— Потому что, — сообщил Андерсон, — мы знали, что вы за люди, ученые. Мы не хотели давать вам слишком много, чтобы вы не проглотили все сразу. Решили дать ровно столько, чтобы вы захотели еще.

— Замечательно, — сказал Лейн. — А теперь я хочу все, что у вас есть.

— Это все, доктор, честное слово. Отныне мы знаем не больше вашего.

— И это говорит о многом. Проливает ли это какой-нибудь новый свет на фотографии Оле, Дрейк?

— Достаточный, чтобы объяснить мне, почему вся серия не складывается воедино. Неудивительно, что рисунки этих животных выполнены в двух разных стилях, принадлежащих к двум совершенно разным эпохам в искусстве. Это также объясняет то, что вы бы сами заметили, потрудись вы внимательно изучить фотографии. Даже я, полный профан в естественных науках, могу видеть, что изображенные чудовища принадлежат к разным периодам истории Земли. Многие кажутся приблизительно похожими. Но сходство, хотя и реальное, не глубже, чем сходство между людьми и обезьянами. Они относятся к одним и тем же видам существ, но разделены миллионами лет эволюции.

— Тут вы ошибаетесь, Дрейк. Я предпочитаю думать, что различия — это просто изменчивое выражение единой идеи. Эволюционировали умы художников, а не то, что они хотели выразить в творениях своего искусства. Мы сможем поспорить об этом позже. В данный момент важнее, влияет ли эта находка на ваше предположение о том, что нас ждет впереди?

— Не в материальном плане. Борьба, которую я вывел из символики надписей, должно быть, была более длительной, чем я думал. Вот и все.

— Где вы нашли свои надписи, Оле?

— В добрых семидесяти милях к северу отсюда.

— Тогда в этом районе их должно быть больше, потому что он, вероятно, находится ближе к источнику взрыва. Если это так, мы найдем достаточно, чтобы написать доисторическую энциклопедию от А до Я.

Лейн оказался прав. С интервалами от полумили до мили, обширные волнистые снежные поля были усеяны колоссальными обломками черной скалы. Многие их ровные поверхности были покрыты глубоко вырезанными фигурами доисторических монстров. Несомненно, еще столько же обломков поменьше лежали погребенными под снегом и льдом двух зим. Не оставиваясь, чтобы сфотографировать их, исследователи поспешили к своей цели — источнику жуткого света, который они видели с корабля.

Ночь выдалась безоблачной и довольно безветренной. Несмотря на то, что температура опустилась ниже нуля, никто из участников похода не страдал от холода в сухих спальных мешках. Месяцы закалки в канадских Ска-

листных горах и на Аляске хорошо подготовили антарктических новичков к трудностям, которые в противном случае могли бы оказаться невыносимыми. Отсутствие сильных ветров на унылом плато стало неожиданной удачей. Им повезло очутиться в одном из тех таинственных, почти безветренных районов антарктического континента, что давно ставили в тупик ученых.

В первый день они преодолели всего двадцать миль. Во второй день, имея за плечами опыт марша, они прошли чуть более сорока миль при мертвом штиле и ночью, измученные, забрались в свои спальные мешки. Мужчины по очереди несли двухчасовые вахты. В безоблачном ночном небе не было ни проблеска странных огней. Начав сомневаться в правильности своего маршрута, они оказались совершенно не готовы к неприятностям, в которые угодили в пять часов третьего дня.

В то памятное утро они стартовали в пять, под небом, сверкающим ледяными драгоценностями бесчисленных звезд. На рассвете они обнаружили, что поднимаются по крутому склону голубого ледника. Подъем по этому длинному склону был по необходимости медленным. Продвигаясь вперед, к десяти часам они поднялись на две тысячи футов. Насколько они могли судить, сейчас они карабкались по огромной скальной складке, идущей почти строго с севера на юг. Вид с вершины холма подтвердил их догадку. Под собой они увидели широкую впадину, почти до краев заполненную клубящимся белым туманом и тянущуюся с севера на юг, насколько хватал глаз. Примерно в тридцати милях от них дальняя стена ущелья возвышалась над клубящимися туманами сплошным барьером из зазубренных черных пиков.

Коротко посоветовавшись, они решили продолжить путь, хоть это и выглядело безнадежным. Если черный барьер оказался бы таким же неприступным, каким выглядел издали, им пришлось бы повернуть назад. Но они не собирались останавливаться из-за одного вида трудностей. Без дальнейших споров они спустились по длинному ледяному склону в клубящуюся пелену белого тумана.

Спуск прошел без происшествий. Оказавшись на дне ущелья, Андерсон достал свой компас и направился прочь сквозь извивы тумана. Лейн принял командование над первыми санями с Дрейком в качестве помощника. В нескольких ярдах позади шли вторые сани с Оле и Эдит. Туман был таким густым, что фигура Андерсона всего в сорока футах впереди была невидима для экипажа вторых саней. Тем не менее, капитан задал жесткий темп, быстро шагая по голубому льду и плотно утрамбованным кристаллам снега.

У них оставалось всего четыре с половиной дня, чтобы достичь цели и вернуться на корабль. Капитан был полон решимости выяснить природу черного барьера до того, как Бронсон догонит его с нежеланной спасательной партией. Быстрый темп, почти бег, устраивал остальных, так как пронизывающий холод тумана пробирал до самых костей.

Примерно три четверти часа все шло хорошо. Затем полный ужаса крик

Андерсона заставил всю группу в страхе остановиться.

— Не подходите сюда, — крикнул им капитан. — Подождите, пока я за вами не приду.

Сам едва избежав смерти, он одного за другим подводил остальных к краю гибели. Там, в голубом льду, зиял отвесный колодец тридцати футов в поперечнике и неизвестной глубины. Край круглого отверстия располагался вровень с окружающим льдом, стенки опускались прямо вниз, как будто были вырезаны огромным ножом. Это был идеальный круглый колодец более ста футов в окружности. О глубине его путешественники могли только догадываться, так как он был доверху заполнен белым туманом.

На Эдит снизошло вдохновение. Она вернулась к первым саням.

— Вот, — сказала она, протягивая капитану фунтовую банку консервированного супа, — бросьте это в колодец и прислушайтесь к эху. Тогда мы сможем выяснить, насколько здесь глубоко.

Андерсон бросил банку в центр дыры. Только дыхание собак нарушало напряженную тишину. Из колодца не донеслось ни звука.

— Вероятно, на дне мягкий снег, — заметил капитан. — Что ж, я рад, что я наверху, а не внизу.

Не подозревая, что их ждет, исследователи быстрым шагом двинулись сквозь туман. Изумленный крик снова заставил всех мгновенно остановиться.

— Вот еще одна из этих проклятых штуковин, — объявил капитан. — Оле, принеси веревку. На вторых санях есть еще одна.

— Вы же не собираетесь спускаться туда, не так ли? — нервно спросил Дрейк.

— Нет, если я могу что-то с этим поделать, и в следующий тоже не собираюсь.

Он надежно обвязал один конец веревки вокруг пояса, а другой передал Лейну.

— Закрепите ее на обоих санях. Если веревка начнет разматываться, тут же сдайте назад. Ладно, идем. Это вполне могут быть нефтяные скважины.

Он быстро зашагал сквозь слепящий туман.

— Следуйте точно за мной, — крикнул он. — Я только что прошел на два ярда южнее другого.

С этого момента отряду каждые пять минут попадались по крайней мере два колодца; время от времени путешественники пересекали узкие участки, разделявшие группы по три или четыре. Благоразумие побуждало их вернуться, но решимость довести дело до конца заставляла продолжать путь.

У них не было ни сил, ни желания размышлять о значении этих отвесных ям во льду и камне. Вся их воля сосредоточилась в ходьбе. Один промах, и они могли бы узнать об этой тайне больше, чем им хотелось бы.

Андерсон уверенно продвигался вперед, не говоря ни слова. Несмотря на грозящие со всех сторон колодцы, он был твердо намерен добраться до ба-

рьера, прежде чем повернуть назад.

К пяти они провели в почти непрерывном марше двенадцать часов. Постоянное напряжение нервов, не меньшее, чем напряжение мышц, явно начинало сказываться. Андерсон предложил сделать короткий привал и выпить чего-нибудь теплого. На приготовление шоколада должно было уйти полчаса, что оставляло им примерно час дневного времени с тем уровнем света, на какой можно было надеяться в сыром тумане.

Путники как раз собирались насладиться дымящимся напитком, когда лед под ними начал сильно дрожать от быстрой вертикальной вибрации. Собаки жалобно взвыли и попытались убежать. Внезапно колоссальный рывок ледяной почвы сбил исследователей с ног. Шатаясь, они встали и кое-как успокоили собак. Содрогание земли прекратилось. В мертвой тишине растворился последний толчок.

Побледневшие и неподвижные, они стояли в призрачном тумане, уставившись друг на друга испуганными глазами. Немногие вещи так пугают даже самого мужественного человека, как сильное землетрясение. Бешеные толчки создают впечатление необоримой и безумной силы, которая на время лишает человека рассудка, и беспомощной жертве, неспособной спастись бегством, остается только гадать, когда прекратятся мучения. Лейн пережил несколько землетрясений в центральном Китае, но ни одно из них не могло сравниться по силе с здешним. Для остальных членов партии оно стало новой проверкой на мужество. Колени Дрейка подгибались. Он чуть не упал, когда Эдит, испытывавшая такую же слабость, прильнула к нему, ища поддержки. Оле молчал. Он был слишком испуган, чтобы молиться. Андерсон держался лучше всех.

— Ерунда, — сказал он. — Сэкономит мне динамит.

Едва эти слова слетели с его языка, как толчки начались снова и были еще сильнее прежних. Через десять секунд все было кончено.

— Это самое странное землетрясение, какое я когда-либо видел, — заметил доктор, вытирая пот с лица. — Движение было строго вертикальным. Ощущение такое, словно кто-то глубоко под нами бил по крыше над собой тяжелым железным прутом. Слушайте!

В непредставимой дали под ногами они услышали приглушенный грохот, похожий на хлопанье тысяч дверей в коридоре протяженностью в сто миль. С последним крещендо хлопков шум прекратился. За ним немедленно последовал глухой рокот, как будто из моря под землю сквозь лабиринты скал прорывался водный поток. Поднявшись до внезапного и оглушительного раската грома прямо под ними, всесокрушающий шум пролетел дальше и растворился в недрах земли в нескольких лигах к югу. Затем туман вокруг них внезапно ожил. Сильный ветер, кружившийся, как водоворот, тащил их беспомощные тела по льду.

Скорее инстинктивно, чем по велению разума, Андерсон достал свой склад-

ной нож и перерезал веревку, которая привязывала его к саням. В то же мгновение Дрейк и Оле сжали руки Эдит, Лейн схватил Андерсона за воротник, а другой рукой вцепился в куртку Оле, и все пятеро, прижавшись друг к другу, распластались на льду. Ни один из них впоследствии не помнил об этом. Исследователями руководил инстинкт выживания, действовавший автоматически.

Кружась во все стороны, как соломинки в вихре, они были слишком ошеломлены и едва ли могли понять, что происходит. Сознание оцепенело — они лишь смутно чувствовали, что воздух очищается от тумана.

Вихревое движение атмосферы прекратилось так же внезапно, как и началось. С трудом поднявшись на ноги в прозрачном и твердом, как стекло, воздухе, они оказались менее чем в двух футах от края ямы пятидесяти ярдов в поперечнике. Бесчисленные колодцы всасывали в себя последние клубы тумана. Теперь они видели, что ледяная пустыня была густо изрыта ими во всех направлениях.

Прошло несколько секунд, прежде чем путешественники осознали весь ужас своего положения. Дрейк первым вышел из ступора.

— Сани? — пробормотал он, ошеломленно озираясь по сторонам.

Сани исчезли. Андерсон, сохранивший самообладание, с первого взгляда оценил ситуацию.

— Выбираемся отсюда как можно скорее, — тихо сказал капитан.

Он сжал в руке свой компас. Остальные побежали за ним. Не было времени гадать, в какой из колодцев засосало сани. Каждый нерв был напряжен, подчиняя все одной цели — спастись из этого ужасного лабиринта смертельных ловушек.

— Снова начинается, — вскоре сказал Лейн. — Я почувствовал легкий толчок. Ложитесь на живот и держитесь все вместе. Хансен, вы самый тяжелый. Пробирайтесь в середину.

Они съезжились на дрожащем льду, обхватив руками крепкую фигуру Оле и ожидая неизвестно чего. Стиснули зубы и молча молились. Стремительный рев, похожий на шум бушующего пламени в печи, когда внезапно открывается дверца, с невероятной быстротой поднялся до высокого, певучего тона сокрушительной интенсивности. В тот момент, когда пронзительный свист стал невыносимым, из бесчисленных колодцев, усеивавших лед, вырвались белые столбы сжатого тумана. С взрывной силой колодцы изгоняли туман, загнанный ветром в недра скал.

Тысячи и тысячи плотных белых колонн устремились вверх, образуя на небосводе кружащийся узор, похожий на свод огромного собора.

Затем низы несущихся столбов тумана вырвались из колодцев. Укорачивающиеся колонны, втянутые во вновь образовавшиеся облака, распластались на туманном своде тысячами колец, которые вибрировали, сталкивались друг с другом, отскакивали, снова сталкивались и, наконец, покати-

лись по нижней стороне облачного купола запутанным клубком вращающихся нитей.

Певучая нота зазвучала выше — воздух или газ вытеснялся под огромным давлением из недр земли. Потеряв дар речи в благоговейном трепете, сбившиеся в кучу наблюдатели увидели, как верхушки незримых колонн вспыхнули бледно-голубым коническим пламенем. Почти сразу после этого они услышали глухой звук возгорания.

На протяжении примерно десяти секунд весь облачный свод над громадным ледяным ущельем был увешан тысячами конусов синего пламени. Давление снизу, однако, быстро падало, свистящая нота звучала не так пронзительно, и голубые конусы большими дрожжащими скачками опустились к отверстиям колодцев, краснея по мере падения.

На полпути между кроваво-красным льдом и малиновым облачным сводом устремленные вниз конусы красного пламени остановились, зависнув в воздухе и ревя, как десять тысяч доменных печей. Затем с грохочущим эхом бесчисленные багровые языки удлиннились, ринулись к колодцам и с последним сотрясшим землю раскатом грома исчезли.

Хотя дневной свет все еще пробивался сквозь высокую серую пелену тумана, отряд, ослепленный последним нисходящим потоком огня, ничего не видел. Ошеломленные и дрожащие, люди поднялись на ноги. Постепенно зрение вернулось. Не говоря ни слова, Андерсон взглянул на свой компас и повел партию дальше. Они были слишком придавлены самим масштабом увиденного, чтобы пытаться это осмыслить. Их гнал вперед один только инстинкт самосохранения.

Они прошли чуть меньше мили, когда подземный гром вновь сотряс лед у них под ногами. Тогда они впервые вспомнили свое ночное бдение на палубе «Эдит» и периодическое свечение далеких облаков, повторявшееся каждые тринадцать с половиной минут.

Для безопасности они снова прижались друг к другу на льду. Скважины вновь поглотили воздух с поверхности, но со значительно меньшей силой. Очевидно, первоначальное возмущение служило топливом для последующих вспышек. И снова пронзительный свист из бесчисленных колодцев возвестил о приближении огней, и голубые конусы опять загорелись под массивной облачной крышей, чтобы после зависнуть в багровом пламени перед последним стремительным погружением во тьму колодцев.

Задолго до того, как путешественники вырвались из ловушки, их настигла ночь. Задыхаясь, они бежали вперед во время каждого перерыва, а бушующее пламя и багровое зарево то и дело освещали ледяное запустение, похожее на замерзший ад. Когда пламя исчезло, и воздух вокруг них превратился в черный колодец, они остановились, затаив дыхание от страха, и быстрые толчки льда сотрясали их мозг, а свирепые вихри вцеплялись в их тела, чтобы швырнуть их в бездонные ямы огня.

Весь облачный свод над громадным ледяным ущельем был увешан тысячами конусов синего пламени.

Пятидесятый мрачный фейерверк был не менее ужасным, чем первый. Вихри могли в любой момент подхватить скорченные тела людей и обречь их всех на ужасную смерть. Обычное мужество, закаленное долгой привычкой противостоять банальным опасностям человеческого существования, ничем не могло им помочь. Они не были готовы к этой пытке и могли только с дрожью встречать ее дьявольские повторения.

К рассвету они все еще падали на лед или слепо брели вперед, повинуюсь инстинкту. Они понятия не имели, сколько миль преодолели за ночь. Они могли находиться в двух или двадцати милях от сравнительногорая ледяного запустения между ними и кораблем.

Наконец забрезжил свет, температура постепенно повысилась, и нависшая над ними тяжелая пелена начала медленно опускаться. Новый ужас охватил их, когда ледяной туман закружился внизу, окутав отряд непроницаемой серостью. Теперь приходилось шаг за шагом нащупывать путь вперед. Поспешность означала бы смерть в колодцах, которые со сводящей с ума регулярностью продолжали выбрасывать вверх столбы нисходящего пламени. Окоченевшие от холода и одурманенные усталостью, путники все же испытывали чувство благоговения перед таинственной красотой адского сна, когда багровые конусы пламени, сиявшие сквозь туман дымными млечно-красными опалами, на долю секунды зависали над колодцами и падали затем в бездну.

Через три часа после рассвета в последний раз загрохотал лед, и колодцы устало загудели. Пламени не было — словно какой-то титан, прикованный цепью под скалой, испустил свой последний тлеющий вздох. По крайней мере, на этот день странный ужас закончился.

Еще четыре часа, в невыносимых страданиях, путешественники пробирались ощупью сквозь пронизывающий холод мертвого тумана. Только необходимые предостерегающие слова капитана, обходящего разверстые колодцы, нарушали их ошеломленное молчание.

Наконец они почувствовали, что взбираются в гору. Они выбрались из ада. Доведя свои измученные тела до предела выносливости, они, тяжело дыша, поднялись по длинному склону. Два часа спустя они бросились на лед, подставив лица великолепному солнечному свету.

Полчаса они лежали в тишине, купаясь в небесном свете. Тепло их тел растопило лед, одежда намочла в ледяной воде. Помимо своей воли они заснули.

— Мы не можем оставаться здесь, — через некоторое время сказал Андерсон, поднимаясь на ноги. — Проснитесь, все. Мы должны идти — и верить, что Бронсон найдет нас.

Капитан был прав. Спать даже на послеполуденном солнце, не прикрываясь ничем, кроме одежды, было почти верным самоубийством. Как автоматы, они двинулись за Андерсоном по ослепительным снежным полям, мо-

нотонно шагая до темноты. У измученной пятерки исследователей не было ни крошки еды. Не имея топлива, они не могли разморозить намерзший снег или лед. Кусочки льда, которые они сосали на пронизывающем холоде, чтобы утолить неистовую жажду, царапали горло и обжигали язык, причиняя им изысканную пытку.

Не сбавляя шага, Андерсон уверенно продвигался вперед. Казалось, он не знал, что такое усталость. Трое мужчин упрямо следовали за ним. Хансен был невозмутим, словно на обычной вахте. Подпрыгивая, как бочонок, он катился прямо за Андерсоном, создавая прочную опору для цеплявшейся за него Эдит. Лейн шел следующим, отставая на несколько ярдов, а Дрейк, тихо ругаясь про себя, чтобы не упасть духом, замыкал шествие.

Глубочайшая темнота ранних утренних часов ничуть не сказалась на Андерсоне. Удивительно, что может выдержать человеческое тело, когда им движет непреклонный разум. Всю ночь, обезумев от жажды, отряд брел сквозь черный холод.

Рассвет застал их на марше.

— Кто-нибудь хочет отдохнуть? — прохрипел Андерсон треснувшими губами.

Эдит кивнула и осела на лед, где стояла. Мгновение спустя она уснула. Сняв куртку, Оле завернул в нее девушку и похлопал себя по бокам, чтобы согреться. Услышав протесты Дрейка и Лейна, также скинувших куртки, Оле ответил, что у него больше жира, чем у них обоих вместе взятых, и поэтому он лучше переносит заморозки.

Никто из мужчин не пытался уснуть. Они сидели на льду или топтались на месте, когда начинали коченеть.

— Отныне я буду носить свой спальный мешок на спине, — хрипло сказал капитан. — Черт бы побрал собак.

— Капитан Андерсон, — упрекнул его Оле.

— Она спит, идиот. Заткнись.

Беспокойно пошевелившись, Эдит перевернулась на бок. Внезапно она вздрогнула и села.

— О, мне ужасно стыдно, — воскликнула она, с трудом поднимаясь на ноги. — Как долго я спала?

— Пять минут, — благородно солгал Андерсон, и Дрейк кивнул.

— Мне показалось, что прошло пять секунд, — вздохнула Эдит. Потом она заметила на себе куртку Оле. — О, Оле, как великодушно с вашей стороны, — воскликнула она, помогая ему надеть куртку. — Но вам не следовало этого делать. Я не ребенок.

— Ерунда, — запротестовал Оле.

— Совсем не ерунда, — ответила она. — Боже, как здесь холодно.

— Хорошо, — прохрипел Андерсон. — Двигаемся. Вы скоро согреетесь.

С тех пор Эдит стала твердой приверженкой теории о том, что пятими-

нутный сон в нужное время так же освежает, как и ночной. Ни у кого из мужчин не хватило духу опровергнуть ее теорию. Они так и не сказали ей, что она проспала три часа и двенадцать минут.

Еще один двухчасовой привал ближе к вечеру освежил их всех. Прижавшись друг к другу, трое мужчин так согрелись под ясным солнечным светом, что смогли насладиться глубоким сном. Четвертый нес вахту, будя следующего, когда подходила его очередь. Эдит проспала все два часа.

В ту ночь они без остановки бодро маршировали от заката до рассвета. Еще один двухчасовой отдых помог им восстановить силы для последнего рывка. Мужчины обрели второе дыхание. Эдит не отставала: достаточный сон и молодость творили чудеса. Она готова была с улыбкой пройти испытание до конца. Как ни странно, голод их особо не беспокоил. После первых острых приступов они забыли о еде и лишь страдали от жажды, мечтая о воде. Собрав всю свою волю в кулак, они почти бегом продвигались вперед по твердому, утрамбованному снегу.

Через семнадцать часов они увидели рубины и изумруды корабельных огней, сверкающие в хрустальном ночном воздухе. Пятнадцать минут спустя они попеременно с жадностью глотали холодную воду и дымящийся горячий шоколад.

— Больше никогда, — сказал капитан, прихрамывая и направляясь в свою каюту. — Пусть такими вещами занимаются профессиональные исследователям, которые любят после рассказывать об этом с трибуны.

Его слова, однако, были всего-навсего опрометчивым заявлением исполненного пессимизма и уставшего человека. К двенадцати часам следующего дня Андерсон был по уши погружен в планы нового штурма черного барьера. Он был полон решимости одолеть преграду и не сомневался, что дальнюю сторону зубчатого хребта омывают океаны нефти.

Лейн считал это заблуждением. Как эксперт-геолог, он в конце концов убедил капитана, что в скальном образовании, подобном тому, которое они видели, проще найти маринованные огурцы, чем нефть. Позднее, правда, он изменил свое мнение.

— Наберитесь терпения, — сказал он, — и вы получите свою нефть. Но не ожидайте, что она прольется на вашу голову дождем, как благословение свыше.

— Послушайте меня, — вмешался Оле. Вот уже какое-то время норвежец пребывал в агонии: в нем так и кипели, не находя выхода, свежие теории. — Из этих колодцев, — внушительно продолжал он, — вытекает природный газ. Следовательно, на дне их есть нефть. Там наше месторождение, капитан.

— Идиот, — сказал капитан, — как мы доберемся до нефти, если она находится на дне этих адских дыр?

— Насосы.

— Сам ты насос.

Капитан повернулся к Лейну.

— Что будем делать?

— Пойдем полным ходом вперед, насколько мы сможем продвинуться. Затем сгрузим динамит и провизию, корабль отведем вниз по течению на безопасное расстояние, а сами доберемся на санях до вашего вулкана.

— Горящей нефтяной скважины, — поправил Оле себе под нос.

— Посмотрим, когда доберемся туда, — сказал доктор. — Предположим, на корабле мы сможем подойти на расстояние ста или даже пятидесяти миль от вулкана — простите меня, Оле, горящей нефтяной скважины. Мы можем устроить там базу, при необходимости спрятав наши припасы во льду, и складировать запасы продовольствия и топлива через каждые десять миль вплоть до самого места. На борту полно здоровых мужчин, способных прорубить лунки и поместить там припасы. Тогда нам не придется беспокоиться из-за этих мерзких собак.

— В любом случае, собак осталось только на две упряжки, — заметил капитан. — Ваш план звучит разумно.

— Джон будет вне себя, — сказала Эдит. — Он скорее нырнет в один из колодцев, чем будет снова иметь дело с собачьей упряжкой.

Дрейк отсутствовал на совете, запершись и изучая фотографии Оле.

— О, — ответил доктор, — а я планировал, что Дрейк будет управлять одной упряжкой, а ты — другой. Нам понадобится весь транспорт, который мы сможем наскрести, поскольку неизвестно, как долго мы будем находиться вдали от нашей базы. Оле, Андерсон и я будем заняты поиском нефтяных скважин.

Эдит проигнорировала его слова.

— Может ли простая женщина выдвинуть предложение на совете богов? — спросила она с притворным смирением.

— Да, — ответил ее отец, — даже простому ребенку не запрещено болтаться у наших ног. Устами младенцев — ну, ты знаешь. Продолжай, детка.

— Я так и сделаю, — ответила детка. — И скоро скроюсь из глаз. Потому что я намерена взять Оле с собой в инспекционную поездку, пока ты и остальные будете ломать кирки и свои спины о чугунный лед.

— Как так, дитя?

— У меня ведь есть крылья, не так ли?

— О да, ангельское дитя. Ты родилась с перьями на спине.

— Тогда я полечу. За три часа я узнаю об этих местах больше, чем вы и благословенные собаки узнаете за десять лет. Если камеры Оле на что-нибудь годятся, мы предоставим вам карту континента отсюда и до Южного полюса. Тогда вы сможете найти дорогу к нефтяному месторождению капитана, не спотыкаясь по пути о каждый кирпич, как бедняга Джон. Оле, считайте, что вы наняты в качестве официального фотографа воздушной раз-

ведки. Вперед на всех парах, капитан Андерсон, пока удача с нами.

Последний приказ был подтвержден Лейном, и капитан подчинился. Вернувшись к себе в каюту, он обнаружил, что доктор, прислонившись спиной к стене, ведет отчаянную битву с Оле и Эдит.

— Помогите мне отговорить этих сумасшедших от их безумного плана, — взмолился он, — прежде чем они свернут свои глупые шеи.

Но капитан, поразмыслив, был менее категоричен.

— Позвольте мне сначала взглянуть на барометр, — сказал он. — Так, погода ожидается хорошая. Кажется, это почти безветренный регион. Те торнадо вокруг колодцев не в счет. Это дьявольских рук дело. А поскольку дел у дьявола там много, здесь он нас не побеспокоит — по крайней мере, в течение двенадцати часов, если только барометр не окажется худшим лжецом.

Мое мнение таково: если погода не испортится до тех пор, как мы бросим якорь, Эдит и Оле должны лететь, — продолжал он. — Эдит права. За три часа они могут выяснить то, на что нам понадобились бы годы усилий. При первых признаках ветра или плохой погоды она может поспешить обратно на корабль. Эдит — лучший пилот из всех нас. А Оле, скажу честно, лучший после нее.

Оле одобрительно покраснел.

— Готов поспорить на свои ботинки, что так оно и есть.

— Кроме того, ты туп, как бочка, — заметил капитан, — так что не станешь подталкивать мисс Лейн к каким-либо глупостям. Она будет думать за вас обоих.

— Оле сможет делать снимки и теоретизировать, — утешила норвежца Эдит.

— И починить мотор, когда вы его сломаете, — добавил Оле с мстительной ноткой в голосе. Одно дело — назвать человека мастером теорий, и совсем другое — говорить, что он теоретизирует. Оле хорошо чувствовал разницу.

Доктору пришлось наконец сдаться. И так случилось, что Эдит и Оле совершили не один разведывательный полет, а несколько, в то время как остальные люди и собаки трудились на льду по пятнадцать часов в день.

В тот день после полудня корабль двинулся вверх по течению и бросил якорь в пятидесяти милях от предполагаемой цели. В течение двенадцати дней полного штиля экспедиция стояла на якоре в узком канале, готовая в любую секунду спастись от потока горячей грязи; к счастью, эти ожидания не оправдались и все обошлось. Крепкому кораблю предстояло оставить свои шпангоуты в этом пустынном месте до скончания веков, но не грязь и не лава покончили с ним.

Мощный самолет без труда спустили на берег. Ровный участок плотно утрамбованного снега стал идеальной посадочной площадкой. Заправлен-

ный до отказа, самолет мог пролететь тысячу миль. Не желая рисковать, Эдит и Оле полностью заполняли баки перед каждым вылетом.

— До свидания, — сказала Эдит, поднимаясь в кабину. — Мы вернемся до полуночи. Я обещаю.

— Далеко ты собралась? — спросил Дрейк.

— В Аид.

Эдит просто хотела немного шокировать Оле. Тем не менее, в ее ответе содержался неожиданный элемент правды. Именно в аду она приземлилась еще до окончания своих исследований.

Глава VI

В ЛОВУШКЕ

Эдит собиралась лететь строго на юг. Ей хотелось обнаружить источник извержения, которое Андерсон наблюдал во время своего первого путешествия. Рассказ о гигантском покачивающемся кольце дыма, которое «бешено ринулось вверх» и было видимо на расстоянии более двухсот пятидесяти миль, захватил ее воображение. Она хотела своими глазами увидеть, что за чудовище выпускает такие восхитительные кольца. Теория Оле о горячей нефтяной скважине казалась не совсем подходящей к случаю. Эдит скорее ожидала обнаружить кратер, пробивающийся сквозь лед и лениво, как губы курильщика, выпускающий дым перед следующей затяжкой.

До сих пор путешественники не замечали с корабля никаких признаков отдаленного вулканического явления. Однако поток горячей воды, которым оно сердечно приветствовало их по прибытии, показался им знаменательным.

Эдит страстно желала окунуться в эту воду. Ее роль в экспедиции была пока что довольно пассивной, что заставляло девушку ощущать себя слишком юной и малозначительной. Из этого полета она хотела вернуться, как сказала сама себе, со щитом или на щите. Прибавив скорость, она разогнала самолет до семидесяти миль в час, с жужжанием рассекая разреженный воздух, словно пчела на пути в улей. Если оценка Андерсона была верна, вскоре они должны были оказаться на месте.

Оле с непоколебимой настойчивостью вознамерился заняться аэросъемкой антарктического континента. Он надеялся, что с помощью его фотографий будущие исследователи смогут с завязанными глазами найти дорогу к Южному полюсу.

Сорок морозных минут пролетели, как одна, прежде чем они заметили нечто интересное в пустынном, покрытом льдом пейзаже, надвигающемся им навстречу с юга. Зазубренные черные гребни того, что казалось почти перпендикулярным скальным барьером, вставали на горизонте.

Приближаясь к этому барьеру со скоростью мили в минуту, они увидели, как он скачками поднимается над белой пустыней. Оле отвечал за навигационные приборы. Путем грубого подсчета — наполовину догадки, наполовину арифметики — он оценил высоту бесплодных скал примерно в триста футов.

Под самолетом тянулась волнистая ледяная равнина, густо усеянная огромными обломками черной скалы. Некоторые из обломков, упавшие плоской стороной кверху, были покрыты прошлогодним снегом, но в основном

являли наблюдателям острые, голые и черные вершины.

Вдруг Оле издал крик, заглушив жужжание пропеллера.

— Колодцы, — проревел он, протягивая Эдит свой бинокль.

Эдит увидела пространство голубого льда, изрытое оспинами бездонных колодцев и заваленное громадными обломками скалы. Надеясь, что Провидение не станет взрывать колодцы, пока они будут пролетать над ними, девушка увеличила скорость и помчалась к скальному барьеру.

Непосредственно у барьера стало видно, что кажущаяся стена представляла собой хаотическое скопление огромных обвалившихся скальных масс шириной не менее чем в пять миль. Пересечь это каменное месиво с собачьими упряжками было бы невозможно — единственным способом был бы трудный пеший переход с рюкзаками за спиной.

Эдит полетела дальше. Спидометр показывал восемьдесят миль в час. Несколько минут спустя они увидели под собой черный склон, круто уходящий вниз.

Решив выяснить размеры огромного кратера (они сочли, что это был именно кратер), Эдит продолжала лететь строго на юг, одним глазом поглядывая на спидометр. Стены огромной впадины вскоре исчезли из виду. Их благоговейным взорам открывалась только абсолютная пустота с медленно вздымающимися угольно-черными облаками на дне, очевидно, в нескольких милях под ними.

Это глубокое море чернильных волн казалось бесконечным. Они летели со скоростью восемьдесят миль в час, пока от начальной точки на краю гигантского кратера их не отделили семьдесят минут полета. Крутые склоны дальней стороны внезапно выросли из черного дыма им навстречу. Кратер, по их предположениям, должен был иметь девяносто миль в поперечнике. Однако они не могли быть уверены, правильна ли эта поразительная цифра, так как не знали, пересекли ли кратер точно по диаметру.

Наконец последний участок разрушенного контрфорса остался позади; внизу на многие мили простирался теперь ровный лед. Здесь Оле выразил настоящее желание спуститься. Они приземлились без происшествий.

— Куда это вы направляетесь? — осведомилась Эдит, когда Оле побежал обратно к краю кратера.

— У меня только что появилась теория, — снова проревел он, забыв в приступе энтузиазма, что больше не должен перекрикивать шум пропеллера. — Хочу ее проверить.

Сорок минут спустя он вернулся к ней с самодовольным выражением лица человека, узревшего Истину.

— Так я и думал, — сказал он. — Южные стороны этих скал на краю кратера покрыты лишайниками.

— Ну и что? — процедила Эдит, ежась от холода. — Вы ожидали найти там ракушки?

— Нет, — ответил он с вежливым благодушием камбалы. — Я знал, что найду лишайники.

— В таком случае, с вашей стороны было глупо тратить почти час на их поиски, — парировала Эдит. — Залезайте. Полетим дальше.

— Но, — возразил он, — я доказал свою теорию. Это не новый кратер. Должно быть, он очень старый. Следовательно, капитан Андерсон не мог видеть его извержение.

— Тогда что же он видел?

— Извержение внутри извержения. Взорвалось древнее дно вулкана.

— И этот пол был покрыт надписями? Должна сказать, ваша теория не лишена оснований. С другой стороны, кто когда-нибудь слышал о людях, вырезающих надписи на дне вулкана?

— Кто же о них не слышал? — смело заявил Оле, не совсем уверенный в своей логике. — Почему бы им этого не делать? Возможно, там были всего лишь надгробия. Разве вы не видели плоские камни на церковных дворах? Эти древние создатели надписей хотели что-то похоронить.

— Значит, они вырыли яму в раскаленной лаве и накрыли ее крышкой?

— Нет, конечно. Я имею в виду, — поправился он, — конечно, нет. Нет, это не то, что я имею в виду. Я хочу сказать, что одно из другого не следует. Главное извержение, возможно, произошло миллионы и миллионы лет назад. — Оле настроился на поэтический лад. — Когда Земля наша была только младенцем в пеленках, это древнее извержение двигалось, жило и имело место быть.

— Младенческие колики? — невинно спросила Эдит. — Это из «Песни Песней» Соломона? Звучит знакомо.

— Нет, — отвечал Оле, невозмутимый, как бочонок с маринованной селедкой. — Соломон пел о других вещах. Все камни, которые я сфотографировал, — продолжал он, — являются обломками того древнего потрескавшегося пола. Сатана недавно вновь сбросил цепи там, внизу, — то был вежливый способ Оле сказать, что в современные времена ад снова вырвался на свободу, — и разбросанные повсюду тонны надписей свидетельствуют о его непомерной ярости. На наших глазах повторяется доисторическое бедствие, которое некогда потрясло полюс до самых оснований.

— У меня тоже есть теория, — объявила Эдит.

— Да? — нетерпеливо спросил Оле.

— Моя теория заключается в том, что вы навсегда останетесь здесь, беседуя сам с собой, если немедленно не залезете в кабину. Я улетаю.

Недооцененный Оле понял намек. Они снова тронулись в путь.

Эдит решила лететь домой по широкому кругу и следовала вдоль южного края кратера, пока он не начал резко поворачивать на север. Затем, оставив его позади, она пролетела около ста миль на запад. Она уже собиралась снова повернуть на север и вернуться к кораблю, когда ее внима-

ние привлекла странная тускло-голубая линия на западном горизонте. На осмотр ушло бы всего полчаса.

И они с Оле провели осмотр. Последний снова обнаружил бесчисленные колодцы во льду и указал Эдит на эту важную деталь.

«Это выглядит многообещающе, — сказала она себе, потому что в гуде мотора Оле мало что слышал. — Если природа вообще что-нибудь смылит в логике, она должна была проделать еще одну большую дыру во льду за этой синей линией».

Природа проявила себя логичной. Синяя линия превратилась в отвесный край огромного ледяного обрыва, плавно изгибающегося к горизонту. Пятьдесят миль — таково было их скромное предположение о диаметре этой огромной впадины. В отличие от первой, никакие скопления черных скал не загромаждали ее край или окружающую равнину.

В полумиле от обрыва Эдит приземлилась. В молчании они с Оле поспешили к краю пропасти. Остановившись в нескольких ярдах от него, они уставились в огромную пустоту перед собой. В кратере не было ни дыма, ни тумана, и глазам открывался залитый солнцем пол колоссального амфитеатра. Он лежал так далеко под ними, что казался лишь тусклой синей тенью.

— Пойдем, — сказала Эдит, — находка слишком хороша, чтобы спешить. Вернемся завтра и осмотрим все как следует. Ничего не говорите остальным. Для этих скептиков достаточно одного открытия за раз.

— Я ничего не скажу, — пообещал Оле. — Моя теория состоит в том... — выпалил он, прежде чем Эдит успела его перебить, — моя теория заключается в том, что Сатана все еще прикован там, внизу.

— Будет дьявольски неприятно, — заметила Эдит, — если он вырвется на свободу завтра, когда мы будем исследовать местность. Надеюсь, вы с ним в хороших отношениях.

Оле был потрясен. Ему никогда еще не доводилось слышать подобные выражения из уст молодой леди за пределами церкви. Он выразил свое неодобрение, забравшись в самолет молча и без всяких теорий.

Отчет Эдит заставил капитана прослезиться.

— Этот дурак Оле был прав, — великодушно признал он. — То, что мы с ним видели с корабля, было горячей нефтяной скважиной. И теперь вы ее нашли.

— Всю в клубах черного дыма, — мрачно добавил Оле. — Вероятно, вся нефть сгорает.

— Нет, идиот, — ответил капитан, — иначе ты бы увидел пламя.

— Я полагаю, она просто тлеет? — предположил Оле с неприятной ноткой иронии в голосе.

— О, несомненно, — усмехнулся капитан. — Очевидный, практический ответ всегда ускользает от твоего колоссального ума. Как ты не понимаешь? Дам просто скопился после того, как огонь погас.

— И сжег всю нефть, — дополнил пессимист.

— О, заткнись. Если он говорит правду, доктор, не может ли под полом этой дыры в скале находиться нефтяной резервуар?

— Я скажу вам, когда увижу пол.

— Что ж, какая бы теория у вас с ним ни возникла, я собираюсь разнести динамитом акр или два того, что осталось от этого пола. Завтра мы будем паковаться. Начинается моя часть программы.

На следующее утро, еще до восхода солнца, Эдит и Оле стали готовиться к новому путешествию. Они улетели с первыми лучами. Капитан заверил Лейну, что холодная безветренная погода наверняка продлится, и Эдит в последнюю минуту уговорила отца дать согласие. Она отбыла с сердечным благословением капитана и его лучшим термосом, полным горячего шоколада. Андерсон мог только гадать, какой сувенир привезет ему на сей раз благословенная девушка, но надеялся, что это будет еще одна нефтяная скважина еще больших размеров, чем ее первая.

Цель своей частной экспедиции Эдит и Оле держали при себе. Ни один из них не подозревал о прекрасном сюрпризе, который щедро уготовила им Природа.

Как только корабль исчез из виду, Эдит резко повернула на запад и направилась по прямой к своей находке. Оле, исполняя обязанности штурмана, подавал летчице сигналы, удерживая ее на курсе. Пропеллер гудел. Не интересуясь унылым антарктическим пейзажем, Эдит пронеслась над ним со скоростью в сто двадцать миль в час, что было пределом возможностей машины.

Тусклая голубая линия на горизонте неслась им навстречу.

Сбросив скорость до восьмидесяти миль в час, Эдит по спирали устремилась вниз, как чайка. На уровне края отверстия она развернулась у отвесной стены, а затем, к ужасу Оле, нырнула на дно огромного колодца. Заглушив двигатель, она накренила самолет на сорок пять градусов и заскользила вниз, к залитой солнечным светом голубой равнине.

— Куда мы летим? — испуганно пробормотал Оле.

— Вниз, конечно. Там красиво и солнечно. Я чуть не замерзла.

— Что, если мы не сможем приземлиться?

— Тогда нам придется вылететь наружу.

— Но предположим, что-то пойдет не так с двигателем?

— Тогда мы станем яичницей, а вместо тостов под нами будет твердая земля.

Солнечный свет выплыл им навстречу, и их изумленным глазам открылась лазурная река, извивающаяся по зеленой равнине. Спустившись ни-

же, они увидели, как взметнулись ввысь огромные деревья; еще дальше колыхались под теплым бризом бесчисленные серебристые перья степной травы. Зачарованные, они смотрели, как длинные волны света поднимаются и опускаются, подобно волнам серебряного прилива. Здесь, глубоко в ледяном сердце Антарктики, простирался рай с проточной водой и пышной растительностью.

Приняв все как есть, они полетели дальше в молчании, высматривая место для посадки. Впервые у Оле не было теории. Позже он выдвинул сразу несколько. Однако вероятная разгадка этой тайны не была исключительной заслугой Оле. Он просто взял за основу мысли Дрейка и придал им крылья, позволив воспарить.

Густая растительность у реки кое-где поредела, превратившись в холмистые луга с сочной травой. Они пролетели над ними, ища более ровную площадку. Наконец они увидели то, что искали, — длинную песчаную косу, рассекающую тихий голубой залив на реке.

Эдит совершила идеальную посадку. Затем, стоя онемевшими ногами на теплом песке, они осознали удивительную красоту этого места. Они находились почти в центре огромного колодца. На расстоянии двадцати пяти миль, в какую бы сторону они ни посмотрели, над дном долины вздымались на пятнадцать тысяч футов отвесные голубые скалы.

Вековой лед сковал края этих пропастей, и над круглым отверстием выли в небе зимние метели Антарктики, бессильные заморозить воду в голубой реке или заставить опасть лепестки нежнейших цветов вечной весны долины. Каким чудом время уберегло этот сад в глубине земли от надвигающихся холодов? Умирающие века навалились на бывшие тропики наверху сокрушительной поступью льда толщиной в тысячу футов. Пока над головой бушевали зимние штормы, сражаясь сами с собой смерчами замерзшего мокрого снега и расколотыми валами лязгающего льда, в мягкой атмосфере над долиной шел только дождь. Как это место, это сердце забытого рая сохранило свое животворное тепло, в то время как повсюду распростерлось обнаженное тело жизни, замерзшее в вековечной смерти? Всегда ли он был таким, этот рай? Они могли только задавать себе подобные вопросы, но не знали ответов.

— Здесь красивее, чем в калифорнийских долинах, — вздохнула Эдит, — и это место превышает по размерам любую из них. Ни одна другая долина в мире не представляет собой почти идеального круга, как эта, и нет другой, укрытой такими утесами. Подумать только, стены высотой в три мили!

— Меньше примерно на пятую часть мили, — поправил ее Оле, любивший точность. — Я следил за высотомером, когда мы снижались. Высота их примерно две и четыре пятых мили.

— Оле, вы невозможны.

Они спустились с песчаной косы и поднялись на небольшой холм, откуда открывался вид на всю долину. Минут через пять ходьбы они ощутили гнетущее неудобство. Думая, что они просто оттаивают в теплом воздухе после долгого перелета при нулевой температуре, Эдит и Оле сняли свои тяжелые, подбитые овчиной куртки. Еще через десять ярдов они сняли фуфайки.

— Такими темпами, — засмеялась Эдит, — мы сбросим все наши шкуры еще до того, как доберемся до вершины холма.

Оле, пыхтя, как перекормленная морская свинья, изо всех сил старался не выглядеть эпатированным. Он мысленно поклялся, что не снимет больше ни один предмет одежды. Уважая его скромность, Эдит сдержала очередной порыв и ограничилась только верхней одеждой — хотя в этот момент предпочла бы быть Евой и видеть в нем Адама.

— Я знаю, в чем дело, — воскликнул Оле, вновь обратившийся к теоретизированию. — Мы находимся на глубине двух с четвертью пятью милями под поверхностью земли, не так ли?

— Трех, — сказала Эдит. — Но здесь слишком душно, чтобы спорить. Продолжайте.

— Тогда мы на дне шахты. Я имею в виду, — задыхаясь от усилий, объяснил он, — что мы как будто находимся на дне шахты. Весь этот воздух давит на нас.

— Кажется, вы действительно раздулись больше обычного, — признала Эдит.

Оле проигнорировал это подтверждение своей теории.

— И, — продолжал он, излагая почерпнутые из энциклопедий сведения, — на этой глубине ощущается внутреннее тепло земли. В глубоких шахтах бывает так жарко, что шахтеры больше не могут пробиваться вниз и им приходится обустривать боковые коридоры, как кротам.

— Слава Богу, — вздохнула Эдит, — что вы не выучили наизусть всю «Британскую энциклопедию». Я просто не могу все это вынести в такую адскую жару.

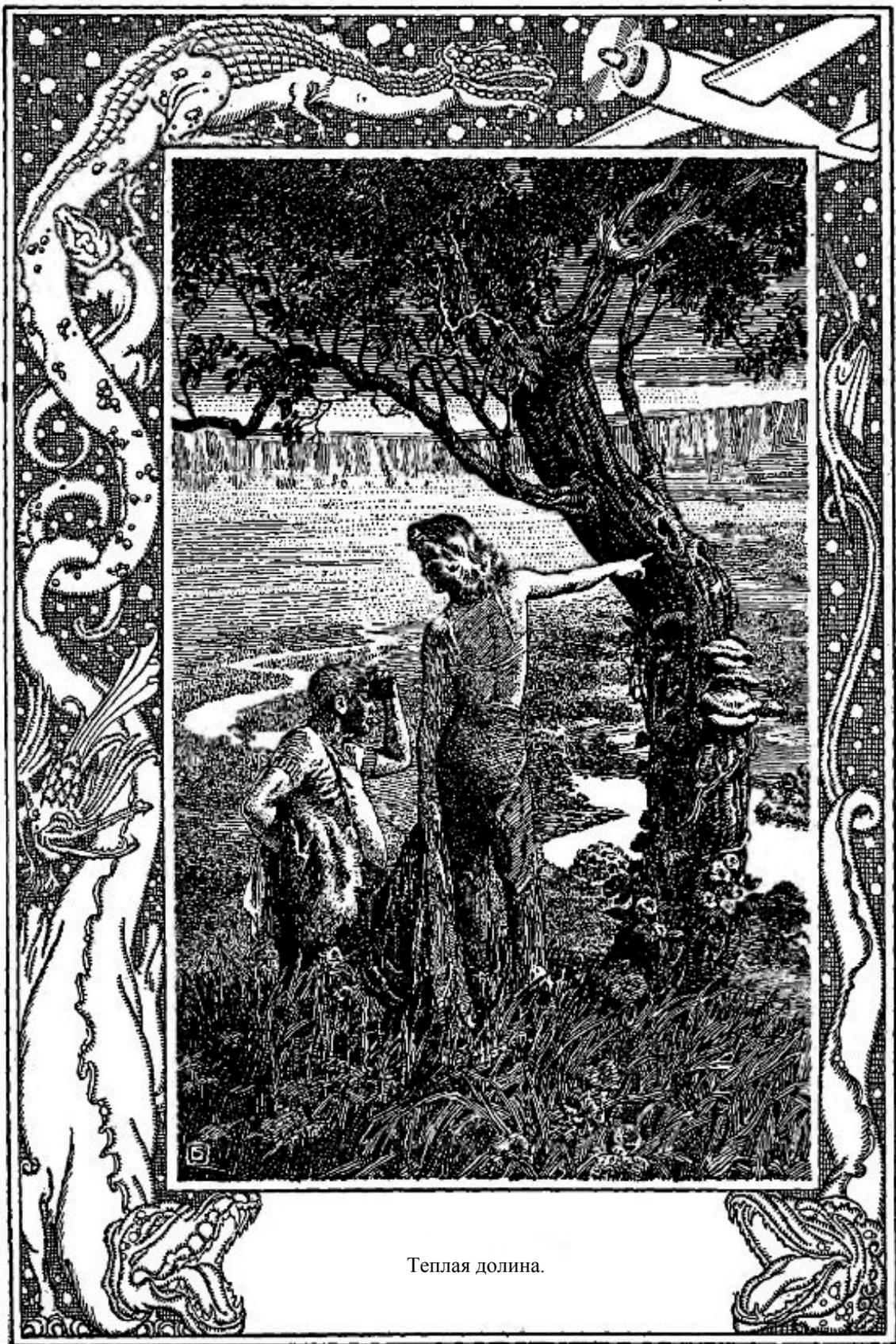
— Мисс Лейн!

— О, я не то еще скажу... Не обращайтесь внимания, это просто нервы.

На гребне холма они, тяжело дыша, бросились на густую, поросшую мхом траву.

— Я больше никогда не буду проклинать холод, — заявила Эдит. — Вероятно, когда небо затягивают облака, это место становится похоже на паровую баню.

— И облака поглощают радиацию, — одобрительно добавил Оле. Эту жемчужину он, очевидно, нашел в единственном принадлежавшем ему шедевре Герберта Спенсера. Конечно, кажется маловероятным, что он обнаружил что-либо настолько разумное в потрепанной «Синей птице» или

Теплая долина.

таблице логарифмов. — В таких случаях влажность бывает очень высокой.

— Да уж, воздух душный, как тепловатый гороховый суп на завтрак. Я сыта по горло. Давайте выбираться отсюда. Наденьте свою одежду. Легче носить ее на себе, чем таскать за собой.

Когда Эдит встала, чтобы отряхнуть свою куртку, внимание ее привлекло темно-синее пятно на лазури дальней стены. Пристально вглядываясь в эту синеву, она воображала, что может ясно видеть тусклый лазурный мир за пределами огромных утесов. Затем, отбросив иллюзию и посмеявшись над собственными причудами, она начала понемногу различать контуры тени. Пятно имело форму идеальной арки высотой по меньшей мере в три тысячи футов. Замечание Оле о том, что шахтеры роют боковые туннели, когда жара в шахте становится невыносимой, со странной настойчивостью всплывало у нее в голове. Что, если это была старая шахта, заброшенная за миллион лет до зарождения истории?

— Что вы увидели? — нервно спросил Оле, пыхтя в своей куртке.

— Ничего. Но посмотрите. Что это за тень вон там, на утесах?

Оле смотрел долго и пристально. Его глаза моряка видели не больше, чем смогла разглядеть Эдит. Не желая выдвигать несостоятельную теорию, он медленно развернулся, обозревая все сто шестьдесят миль пропасти.

— Вот еще одна, — осторожно начал он, — в трех градусах восточнее юга.

— Да, — сказала Эдит, — и я насчитала еще четыре. Итого получается шесть. Надо их исследовать.

— Верно, мисс Лейн. Я с вами.

Их усталость исчезла при мысли о приключениях. Взявшись за руки, они помчались вниз по небольшому холму кратчайшим путем, который должен был привести их через заросли высокого кустарника прямо к самолету. Смеясь, как пара детей, отправившихся на пикник, они нырнули в тень.

Внезапно огромный серый валун, преграждавший им путь, ожил с сотрясающим землю скрежетом. Эдит закричала и вцепилась в Оле. Тот застыл как вкопанный, парализованный ужасом.

После они не могли вспомнить, как добрались до самолета. Эдит помнила, правда, как Оле бросил ее в кабину. У него самого осталось лишь смутное воспоминание о том, как он крутил пропеллер, взбирался наверх и бешено пинал злые красные глаза в отвратительной змеиной голове, которая взлетела вслед за ним на массивной тридцатифутовой шее. Он клялся, что угодил в один ярко-красный глаз как раз перед тем, как мотор заработал, и тяжеловесный зверь плюхнулся брюхом в песок, размахивая в воздухе своими широкими бесполезными перепонками, похожими на крылья летучей мыши.

В ответ на тревожные расспросы капитана Оле и Эдит ответили, что поспешили вернуться из-за холода. Хотя Андерсон был сильно разочаро-

ван тем, что Эдит не обнаружила для него еще одну нефтяную скважину, он ничего не сказал. Капитан удовольствовался тем, что поручил Оле самую грязную работу, какую только можно было представить. Лейн находился далеко в глубине материка и руководил складированием запасов. Дрейк где-то выгуливал своих любимых собак.

Эдит и Оле сговорились молчать о своем открытии до тех пор, пока досконально не изучат райскую долину. Они начали сожалеть о паническом бегстве на корабль. Теперь они намеревались провести чудесный день, спокойно и без всякой паники исследуя обитель дракона. Они рассудили, что посадка на открытом месте защитит их от неприятных неожиданностей; избегая зарослей кустарника, высокой травы и нагромождений камней, они смогут многое увидеть, прежде чем какая-нибудь тварь вздумает за ними погнаться.

В тот вечер все собрались в капитанской каюте. Доктор, распаковавший свои научные принадлежности, пытался провести анализ зеленого яда, собранного в пасти гигантской рептилии на пляже. Но скудного оборудования оказалось недостаточно, и он со вздохом разочарования убрал пробирки.

— Придется ждать, пока не появится живая жертва.

— Разрешите мне взглянуть на вашу фляжку, доктор, — попросил Оле.

— У вас появилась теория? — рассмеялся доктор, передавая ему пинту густой и зловещей зеленой жидкости.

— Не в этот раз. Но у меня есть нож.

К удивлению собравшихся, Оле принялся смазывать восьмидюймовое лезвие своего смертоносного ножа липким зеленым ядом.

— Ну вот, — самодовольно сказал он, размахивая ножом, чтобы высушить яд, — больше никто ко мне так просто не подойдет.

— Но вещество может быть безвредным, — заметила Эдит, бросив на него многозначительный взгляд. — Вам лучше не слишком доверять этой гадости.

— Я рискну.

Говоря это, он бессознательно устремил взгляд на Андерсона. Капитан беспокойно пошевелился.

— Послушай, Оле, я назначил тебя на эту работу сегодня днем, потому что все матросы были в отъезде с Лейном.

— Все в порядке, капитан. — Оле не собирался упускать свое случайное преимущество. — Просто у меня разыгрался легкий приступ люмбаго. Может Бронсон сегодня вечером заступит на мою вахту?

— Я сам подежурю вместо тебя, если он не сможет. С люмбаго не стоит находиться на палубе. Ты сможешь завтра полететь?

— В полете моя спина отдыхает. Через неделю или две мне станет лучше.

Эдит поднялась и вышла, бросив на Оле еще один многозначительный

взгляд. Пробормотав извинения, он последовал за ней.

— Почему бы завтра не взять с собой револьвер? — прошептала она.

— Нет смысла. Я бы с десяти ярдов не попал в борт корабля.

— Но предположим, что на нас снова нападут? Действие этой штуки может занять несколько часов. И я вообще сомневаюсь, что это яд. Отец ничего не может сказать.

— Что поделаться? Надежда лучше, чем ничего. Кроме того, я собираюсь вести себя осторожно.

— Я тоже. О, этот жуткий зверь! Мне приснится ужасный кошмар. Спокойной ночи, Оле.

Они вылетели на рассвете в пронизывающем холоде. За завтраком Дрейк вдруг стал довольно раздражительным, чтобы не сказать непристойно грубым, когда Оле безбидно попросил его передать масло. Воспоминание о словах Дрейка согревало Эдит во время всего морозного полета на юг. Оле могла подбодрить разве что призрачная перспектива расквитаться с крылатой ящерицей-переростком, и он нещадно мерз. Когда они наконец приземлились, он с безрассудным облегчением сбросил свою кожаную куртку.

Самолет сел в центре пятимильного луга. Здесь Эдит и Оле были в безопасности, если только враг не умел летать.

Оле захватил самый сильный бинокль капитана. С помощью его он теперь медленно осматривал милю за милей бескрайних пропастей, голубеющих в туманной дали. На каждой из шести сапфировых теней он задержался на целых пять минут. Эти тусклые тени, решил он, могли быть пятнами влаги на утесах. В любом случае, пятно высотой в три тысячи футов стоило осмотреть.

— Вы только взгляните, мисс Лейн.

— Это пещеры, полные тумана, — решительно сказала она, возвращая бинокль. — Какую из них мы осмотрим первой?

— Ближайшую. Ту, что на юго-востоке. Если нам не понравится то, что мы увидим, оттуда легко будет отступить.

— Вы думаете, мы станем поджимать хвост?

— Наверное, нет, — с беспокойством сказал он. — Я не трус.

— Конечно, нет. Я тоже не склонна к трусости. Может, отправимся?

— Мои глаза лучше ваших, мисс Лейн. Помните, что я половину жизни провел в море.

— И что же?

— Кажется, я видел, как что-то движется у подножия тех скал. Но я заметил только тени.

— Бойтесь теней, Оле?

— Да, — честно признался он. — Покажите мне что-нибудь реальное, и я буду сражаться с этим, как любой мужчина. Но когда я сталкиваюсь с кошмаром, что и самому дьяволу не приснится, у меня подкашиваются ноги.

Теперь вы знаете, что я чувствую.

Впечатленная его откровенностью, Эдит протянула руку за биноклем и долго с любопытством осматривала основание утеса.

— Думаю, что вы правы. Там, у подножия пропасти, что-то есть. Как далеко мы оттуда?

— Где-то в двадцати трех милях.

— Даже если бы тень принадлежала слону, мы не смогли бы разглядеть ее на таком расстоянии.

— Не с этим биноклем, — согласился он.

— Вам не приходило в голову, что эти движущиеся предметы никак не могут быть тенями?

— Почему нет? — нервно спросил он.

— Потому что весь этот участок скал сам по себе находится в глубокой тени.

— Я об этом не подумал, — признался непрактичный теоретик.

— Ну что, вы со мной?

— Да. Ни одна женщина еще не брала надо мной верх, и будь я проклят, если позволю ребенку в коротких юбках смеяться над собой.

— Оле!

— О, все в порядке, мисс Лейн. Капитана здесь нет.

— Все равно ведите себя прилично, или я оставлю вас с рептилиями.

Летя так медленно, как только было возможно, они осторожно приблизились к таинственному пятну на юго-восточной стене. В этот утренний час тень от обрыва лежала огромным голубым полумесяцем на раскинувшейся перед ними долине. Вскоре, когда они влетели в тень, настроение у обоих внезапно и резко упало. Суеверному Оле полумрак показался мрачным предзнаменованием катастрофы.

Эдит начала жалеть о своей излишней отваге. Не желая отступить после дерзкого выступления перед Оле, она держала свои дурные предчувствия при себе. И тем не менее, ее терзало предчувствие беды. При мысли о том, что в критическую минуту мотор может подвести, у нее кружилась голова. Тяжело сглотнув, она с тревогой осмотрела окрестности в поисках безопасного места для посадки. К своей радости, она заметила трехмильный травянистый склон, шедший от подножия скал до края участка пампасов.

Теперь они были достаточно близко и могли разглядеть пятно. Оно действительно представляло собой колоссальную арку высотой более полумили. Эта арка на отвесной скале, окутанная голубым туманом, могла быть либо огромной пещерой, либо входом в пролежавший под материком туннель. Эдит внезапно решила, что в последнем случае пройдет его до конца — когда-нибудь. Сейчас она чувствовала себя слишком неуверенно. Ее нервы вскоре испытали шок, подействовавший на нее благотворно, как встречающий раздражитель.

Оле надоело играть роль наблюдателя.

— Позвольте мне порулить, — сказал он, — а вы пока посмотрите в бинокль.

Теперь они находились в пяти милях от утесов. Здесь, хотя это было не самое разумное действие, они поменялись местами в воздухе. Теперь Оле стал пилотом, а Эдит — наблюдателем.

Первый же взгляд в бинокль заставил ее сердце замереть на две тошнотворные секунды. Зеленый склон у подножия утесов был настоящим логовом гигантских монстров. Огромные, ленивые звери спотыкались и переползали через вялые туши друг друга, как слепые саламандры. Очевидно, они только что проснулись и приветствовали солнечный свет, который через несколько часов должен был пробудить их к деятельности. Огромная пещера или туннель, без сомнения, была их обиталищем и местом размножения.

— Летите ниже, — приказала Эдит, чей желудок тем временем вернулся в нормальное состояние. — Посмотрим поближе, как выглядят эти твари.

Не моргнув глазом, невозмутимый Оле повиновался. Никакая заносчивая девчонка в коротком платьице не сумеет его превзойти! Он резко снизился до пятидесятифутовой отметки, выжал мотор до предела и пулей помчался прямо к туманной пещере. Эдит взвизгнула. Она бросила вызов мастеру своего дела.

Монотонный рев пропеллера привел вялых зверей в трубную ярость. Отвратительный лес извивающихся шей взметнулся вверх; плоские, безмозглые головы раскачивались, выплевывая свою ненависть и яд на нарушителя их звериной лени; непристойные красные перепонки недоразвитых крыльев огромных тварей бессильно стучали по их раздутым телам. Зловоние их дыхания, смешиваясь с вонью грязного логова, оскверняло утро незабываемой тошнотворностью. Мелькающее видение бесчисленных глаз, красных от безмозглой свирепости, грохот пожелтевших клыков, щелкающих при виде недосыгаемой добычи, пронизывающее дыхание живого разложения и ужасающий полет навсегда запечатлелись в памяти.

Не сошел ли Хансен с ума? Эдит снова вскрикнула, когда он на полной скорости влетел в голубой туман пещеры. Закрыв глаза, она инстинктивно приготовилась к сокрушительному удару.

Но удара так и не произошло. После Эдит не могла сказать, потеряла ли она в тот момент сознание, однако Оле клялся, что она упала в обморок.

Когда она открыла глаза, ей на одно дикое мгновение показалось, что она в аду. Голубой туман уступил место быстро мерцающему малиновому свечению. Гнетущая жара почти душила ее. Огромные столбы пламени, с грохотом вырывающиеся со дна огромного туннеля, распластывались и сворачивались в огненные полосы под сводчатой скалой в полумиле выше. Колоннады пламени тянулись на бесконечное расстояние, создавая зрели-

ще манящего ужаса, словно зовущее к мучениям проклятые души.

Оле был менее опрометчив, чем могло показаться. Пока Эдит осматривала логово монстров, он, как опытный штурман бомбардировщика, занимался своими делами. Когда синий вход в туннель устремился ему навстречу, Оле увидел, что его внутренняя часть была почти прямой и достаточно хорошо освещенной для безопасного полета. Риск был минимальным. В миле от входа он заметил первый пылающий колодец; далее туннель превратился в широкий и высокий коридор, идеально подходящий для быстрого полета. Опасность столкновения с одним из ревущих столбов пламени была равна нулю, поскольку туннель имел в ширину более мили, а аллея огненных колодцев — не более полумили в самом широком месте.

Эти трехтысячефутовые столбы пламени не выпускали никакого дыма. Разумная, но неточная, как показали последующие события, теория Оле состояла в том, что они являлись огромными струями природного газа. Он вспомнил, что некоторые нефтяные скважины и выбросы природного газа в Азии непрерывно горят уже более двух тысяч лет. Следовательно, сказал себе норвежец, здесь имеет место то же самое, но в гораздо большем масштабе. Многовековое воздействие воды, создающей трещины в скалах, впервые открыло выходы в подземные резервуары нефти и газа. Затем тепло химических реакций между водой и минералами окружающей породы воспламенило газ. В этой части теории он серьезно заблуждался. Если бы он случайно наткнулся на истинное объяснение того, как загорались эти газовые столбы — о чем любой компетентный физик сразу догадался бы по странному поведению пламени над колодцами, обнаруженными Андерсоном, — он не бросился бы, как дурак, в ловушку, приготовленную для него природой.

Допустив воспламенение газа, пронизательный Оле подумал, что все остальное объяснялось само собой. Сильная жара и постоянное высокое давление выходящего газа превратили первые отверстия в огромные круглые колодцы, вверх по которым взметались языки огня, обрушиваясь на скальный свод на высоте трех тысяч футов. Несомненно, размышлял он, раскаленные докрасна камни там, наверху, постоянно отслаивались. Со временем в скале и льду образуется целый ряд колодцев, которым будет дивиться какой-нибудь исследователь в далеком будущем. Естественным образом он пришел к выводу, что под ущельем с колодцами Андерсона, вероятно, пролегал в твердой породе еще один обширный туннель. Шесть темных арок, которые они с Эдит заметили на стенах круглой долины, без сомнения, походили друг на друга. Континент в этом странном регионе, должно быть, представлял собой огромную кроличью нору с туннелями, разветвляющимися во всех направлениях, причем некоторые даже выходили к морю.

На этом этапе своих размышлений Оле впервые испытал приступ растерянности. Колодцы, обнаруженные экспедицией, отличались одной особенностью: выход газа и пламени был прерывистым, а его периодичность странно регулярной. Однако здесь, в туннеле, эти фонтанирующие огненные колодцы горели без перерыва. Гаснут ли они на время, как другие? Воображение Оле летело быстрее самолета. Что, если эти колонны пламени внезапно вольются в свои жерла и исчезнут? В темноте он разобьется о стену туннеля, как спелый помидор.

Эта болезненная идея исчезла из его головы, уступив место другой. Одна деталь его неадекватной теории колодцев получила внезапное и самое огорчительное подтверждение. Участок свода весом с полтонны с грохотом разбился о пол туннеля менее чем в сотне ярдов справа от машины. Весь свод, должно быть, трескался под яростной бомбардировкой пламени из этих тысяч гигантских доменных печей.

Теперь Оле впервые обратил внимание на удушающую жару туннеля. Воздух, стремительно летящий навстречу, положительно обжигал. Что, если бензобак взорвется? А если раскаленный докрасна обломок камня подожжет самолет? Из-за сочетания слишком большого количества одежды, слишком сильной жары и слишком слабых нервов Оле начал обливаться потом. Ему было нехорошо. Тем не менее он, как отважный глупец, мчался в недра земли по этому огромному туннелю со скоростью в сто двадцать миль в час. Никакая заносчивая девчонка в коротком платьице не сумеет его превзойти!

Заносчивая девчонка пришла в себя. Она чудесно проводила время. Она только сожалела, что ее отец не видел всех этих милых зверей. Нужно будет привезти ему в подарок яйцо одного из них.

В воздухе начал ощущаться привкус дыма. Они находились не более чем в часе лета от входа. Следовательно, между ними и дневным светом пролегло по меньшей мере сто двадцать миль.

И Оле, и Эдит одновременно подумали, что сейчас они, должно быть, приближаются к заполненному дымом первому кратеру. Быстро выстроив теорию, Оле пришел к выводу, что туннель соединял разрушенный кратер и обширную, зеленую, как рай, котловину. Несомненно, взрыв огромного резервуара с нефтью под первым поднял его дно ввысь, усеяв окружающую пустыню обломками черной породы. Служил ли кратер до своего разрушения таким же логовом доисторических монстров — или, как утверждал Лейн, неудачных имитаций таковых? Очевидно, да.

Предположения Оле подтвердились двояким и вдвойне убедительным образом. словно мертвое воспоминание из забытого прошлого, в ноздри им ударило тошнотворное зловоние. Они вспомнили лунную ночь в антарктическом океане и душераздирающую вонь ветров, долетавших с пляжа монстров.

Вскоре сквозь густеющий дым они увидели кладбище. Туннель был почти полностью завален гниющими тушами огромных зверей, которые в панике затоптали друг друга в кашу, спасаясь от паров, что в конце концов задушили их воинство.

Заглушив двигатель, Оле заскользил к горе разложения. Как раз в тот момент, когда он развернул самолет, спасаясь от зловония, он увидел второе подтверждение своей теории.

Огромные, медленно передвигающиеся звери, каждый весом с трех взрослых гиппопотамов, в роговых кольчугах и с гребнем зазубренной брони, торчащим вдоль позвоночника от плоской, широкой головы до кончика тридцатифутового хвоста, ползали, как огромные тритоны, по гниющей горе или тяжело плескались в вонючей коричневой жиже у ее основания.

Эти гигантские падальщики не обратили никакого внимания на незваных гостей, с ненасытностью продолжая свое грязное пиршество. Вся разлагающаяся груда кишела ими. Об их количестве можно было только догадываться, потому что конец туннеля был невидим сквозь мутный дым. Исследователи в точности не знали, находились ли они в миле или двадцати милях от разрушенного кратера.

Они решили, что пришло время улетать. Оба чувствовали слабость от ужасного зловония. Оле разогнал двигатель до предела. Внезапный рев вспугнул хлопающую крыльями орду мелких падальщиков, которых они ранее не заметили в тусклом свете — те были почти такого же цвета, как их кошунственная еда. Теперь они появлялись тысячами, облако за облаком длинношеих рептилоидных птиц с крыльями летучих мышей. От кончика до кончика их кожистые перепонки простирались в среднем на добрых восемь футов; на шестифутовой шее жадно тянулась вперед ухмыляющаяся голова размером с лошадиную. Жесткие круглые глаза, похожие на глаза гигантских змей, каменным взором уставились на незваных гостей, оценивая их пригодность как пищи. Бесцельно лязгающие шестидюймовые зубы наполнили воздух отвратительной какофонией.

То ли их собственный отталкивающий пир был им больше по вкусу, то ли птицы-рептилии по натуре были падальщиками миролюбивыми и не склонными к дракам, но только они довольствовались тем, что стаями кружили вокруг неизвестной птицы двадцатого века. Их родословная насчитывала миллионы лет; этот парвеню вчера был младенцем. Бросая жесткие, полные презрения взгляды, они вскоре широкими спиралями вернулись к прерванной трапезе.

Поблагодарив небеса за избавление от опасности, Эдит снова вздохнула. Но ее благодарность была преждевременной. Раздался странно знакомый грохот, послуживший прелюдией к запомнившемуся грому подземных взрывов. Она знала, что последует далее.

Знал и Оле. Предвидя это, он заглушил двигатель и постепенно снизил-

ся. Отчаянно надеясь, что каменный пол непосредственно перед машиной не усеян значительным количеством скальных обломков, он затем посадил самолет. Удача улыбнулась исследователям — посадка прошла благополучно.

Они поспешно выбрались наружу. Сотрясение под ногами едва не повергло их на землю. Они услышали внезапный звук несущихся вихрей, устремившихся вниз, в подземные помещения, и увидели то, чего страшились. Словно борясь за свою жизнь с демоническими ветрами, столбы нисходящего пламени на мгновение задрожали в воздухе и с гибельным ревом исчезли в абсолютной ночи, спускаясь в колодцы.

Глава VII

ДЬЯВОЛЬСКИЙ ЦЫПЛЕНОК

Час в непроницаемой тьме этого удушливого зловония длился сто лет. К сожалению, у Оле был большой запас спичек. В случае пусть тяжелого, но заурядного испытания спички были бы даром Божиим. Здесь они оказались чрезвычайно хитрым даром дьявола.

В тот миг, когда ужасающая тряска прекратилась, Оле зажег первую спичку. Была половина двенадцатого утра. Пять часов назад они с Эдит наслаждались сытным завтраком. На ланч у них теперь не было ничего, кроме какого-никакого воздуха. Откусив по кусочку, они отказались от попыток съесть свои бутерброды. Мясо напоминало на вкус падаль, а хлеб превратился в губку и впитал все зловоние этого отвратительного места.

Они забрались обратно в машину, дожидаясь следующего землетрясения и возобновления работы газовых скважин. Чтобы скоротать время, Оле теоретизировал и каждые пять минут чиркал спичками. Короткие вспышки выхватывали из темноты его осунувшееся, побледневшее лицо, большие карие глаза с расширенными, почти черными зрачками и решительный, красиво вырезанный рот с плотно сжатыми губами. Малышка, признался он себе, держалась как герой. Он ожидал, что она разрыдается.

— Мне вот интересно, — сказала она примерно на пятой спичке, — как мы выберемся из этого ужасного туннеля, если темнота продлится, скажем, неделю. — Она печально рассмеялась. — Слово «ужасный» сразу во многих отношениях правильно его описывает. Запах ужасный, в менее кошмарном конце этой грязной норы находится ужасное логово доисторических зверей, а заднюю дверь загораживает ужасная вонючая гора мертвых животных. Предположим, мы двинемся пешком, но куда? В пасть к этим падальщикам и отвратительным птицеядцам?

— Что бы ни случилось, — твердо ответил Оле, — я не собираюсь идти пешком. До живых дьяволов отсюда сто двадцать миль. Какой дурак станет столько идти, только чтобы быть разорванным на куски? Особенно на пустой желудок?

— Нет, это не по мне, — довольно грустно согласилась Эдит. — И вы думаете, я собираюсь пересечь эти мили грязи позади нас? — Она вздрогнула. — Я не смогла бы пройти этим путем, даже если бы там не было мерзких птиц и огромных ползающих тварей.

— Я тоже. Нет, пешком я не пойду.

— Тогда, если колодцы иссякли, мы останемся здесь навсегда.

— Мы можем полететь, — заметил Оле.

— И разбиться в темноте, как пара яиц. Не могу придумать ничего глупее двух не вылупившихся цыплят, если только их не трое.

— Не лучше ли быстро разбиться, чем медленно гнить? Это не было бы самоубийством, — добавил Оле, успокаивая свою совесть, — потому что мы разбились бы, спасая свою жизнь.

— Да, быстрая смерть лучше. Ах, увижу ли я еще когда-нибудь отца? И мой сад, и дорогих кошечек в Сан-Франциско...

Оле был тронут. Бедное дитя собиралось заплакать. Он чиркнул спичкой. Глаза Эдит стали больше и темнее, но слез в них не было. Все-таки она была сделана из камня.

— Послушайте, — уверенно сказал он. — У меня есть теория.

— Если ваша теория такая же гнетущая, как и все остальное в этом кошмаре, пожалуйста, держите ее при себе.

— Совсе нет. Помните, сколько времени проходило в тот раз между извержениями колодцев?

— Около тринадцати минут.

— И огонь, вспыхивая, горел всего несколько минут... Смотрите. Здешние горелки работали на полную мощность больше часа. Допустим, до того, как мы появились, они проработали целый день.

— Допустим. И что с того?

— Они снова загорятся, как другие. Но перерыв будет гораздо более длительным.

— Может, неделя? Мы задохнемся задолго до того, как узнаем.

— Нет. Гореть и те, и эти заставляет одна и та же причина.

— И эта причина может действовать только раз в месяц, раз в год или раз в столетие, насколько нам известно. Вдобавок, следующая вспышка может прожарить наши кости.

— У меня два резона сказать «нет». Первый — практический, второй — теоретический. Во-первых, у этих летучих мышей есть глаза. Они могут видеть. Я понял, что это так, по тому, как они смотрели на нас. Но животные, которые могут видеть, не остаются надолго вдали от света.

— Энциклопедии ввели вас в заблуждение, Оле. Все, что вы говорите, может быть правдой. Но, вероятно, в этом туннеле есть черный ход, и эти мерзкие твари просто забираются сюда, чтобы покормиться. Когда они наедаются, то снова выпархивают наружу и устраиваются в своих гнездах. Там они получают предостаточно свежего воздуха и солнечного света.

— Я об этом не подумал. Тем не менее, имея глаза, они, должно быть, привыкли видеть свою пищу.

— Глаза для таких существ в этом вонючем месте — роскошь. У них есть ноздри. Я сама их видела — две дырочки на морде, как у змеи.

— Ну, а теперь выслушайте мою теорию. Вы никак не сможете ее опровергнуть, потому что вся она — чисто логическое построение.

Он зажег еще одну спичку. Глаза Эдит были устремлены вперед, на непроницаемую копоть. Спичка погасла.

— Почему эти колодцы загораются и гаснут? — продолжал он. — Почему они все время не испускают горящий газ?

— Это что, загадка?

— Не для меня, — гордо ответил Оле, чиркая сразу двумя спичками в невидимом зловонии.

— Я сдаюсь. Каков же ответ?

— Луна.

Эдит невольно задумалась, сумеет ли она незаметно выбраться из самолета. Бедный Оле, бедный теоретик — должно быть, у него внезапно помутился рассудок. Ей было жаль его, но еще больше она жалела себя. Сумасшедший в дополнение к прочим неприятностям — это было бы слишком.

— Куда это вы собрались? — требовательно спросил Оле.

Эдит начала потихоньку спускаться вниз. Вспыхнувшая спичка осветила пару испуганных глаз, ищущих его взгляда.

— Я думала, вы сошли с ума, — сказала она, забираясь обратно в тот момент, когда спичка догорела и обожгла Оле пальцы. — Но вы кажетесь не более безумным, чем обычно. Продолжайте излагать вашу теорию.

— Все это делает Луна. На самом деле все довольно просто, нужно только понять идею. Как моряк, я знаю, что Луна вызывает приливы — они следуют за ней вокруг Земли. Луна притягивает воду. Затем посреди моря собирается большая куча воды, и выпуклость следует за Луной.

— Хотела бы я так же следовать за вашими рассуждениями.

— Когда Луна заходит так далеко вперед, что выпуклость не может за ней угнаться, начинается отлив. А когда выпуклость проходит в каком-либо месте, там начинается высокий прилив. Во всяком случае, что-то в таком роде.

Оле продолжал развивать свою теорию, туманно сославшись на проклятие всех теоретиков-любителей — центробежную силу. Вместе с квадратурой круга и вечным движением, эта мистическая концепция образует нечестивую троицу прирожденного парадоксалиста. Никто из них не знает, что такое центробежная сила, но ее магическими качествами они объясняют все, от микробов до Бога. Эдит, стараясь не слушать, чувствовала себя как кварта молока в сепараторе. Центробежная сила отделяла ее разум от тела, и она бы не сумела сказать, где что из них находилось. К счастью, это продолжалось недолго, и Оле вскоре добрался до практического применения своих лунных гипотез.

— Моя теория заключается в том, — сказал он более рациональным тоном, — что под всем регионом находится огромный резервуар нефти — возможно, даже несколько.

— Капитану Андерсону будет приятно это услышать. Рада, что хоть кто-

то будет счастлив во всей этой неразберихе.

— Возможно, там не только нефть. Я думаю, что она, скорее всего, плавает на поверхности соленой воды.

— Лучше бы это была карболовая кислота.

— Итак, когда Луна вызывает прилив всей этой массы нефти, она устремляется по подземным галереям континента и выталкивает скопившиеся за сутки газы через колодцы.

— Я полагаю, кто-то ждет рядом со спичкой?

— Вы хотите спросить, как газ загорается?

На миг изобретательный Оле был сильно озадачен. Затем его мозг выдал спрятанные где-то в дальнем уголке сведения: все газы при сжатии становятся горячими. Продолжайте сжимать их достаточно сильно, и они раскалятся докрасна — если газы когда-нибудь действительно ведут себя таким революционным образом.

— Сжатие, — небрежно ответил он, как будто это усилие не стоило ему никакого труда. — Сжатие нагревает газ. Волна проходит и выдавливает газ в небольшой объем под сводом. Газ раскаляется докрасна. Потом он выходит через колодцы. При трении о стенки он становится еще более горячим. Конечно, он загорается — высоко в воздухе, достаточно высоко, чтобы поток выходящего газа не смог задуть пламя. Газ ведь не может загореться, пока не попадет в воздух, верно? После начинается отлив, воздух заполняет место, оставленное нефтью и водой, и пламя всасывается внутрь.

— Приливы и отливы не происходят каждые тринадцать минут. Ваша теория — это какой-то поток фантазий.

— Моя теория неопровержима. Конечно, приливы не происходят каждые тринадцать минут. Но разве вы никогда не видели, как вода в наполненной ванне качается взад-вперед и вверх-вниз, стоит ее потревожить?

— Я в самом деле иногда принимаю ванну, когда нахожусь в условиях цивилизации. И вы можете быть уверены, что я проведу месяц в первой настоящей ванне, которую увижу. Может быть, у меня даже хватит времени попробовать ваш эксперимент.

— Когда прилив врывается в какую-нибудь обширную пещеру, наполовину заполняя ее, возникают большие волны, которые перемещаются взад и вперед, вверх и вниз. Предположим, волна проникает по длинному туннелю в огромную дыру и должна выдавливаться через другой туннель. При попытке выдавить всю воду сразу у стены над отверстием туннеля начнется волнение. И все это время дыра заполняется, прижимая газ к своду. Теперь предположим, что волне требуется тринадцать минут, чтобы пробежать по всей длине подземного резервуара. Газы будут извергаться в определенном месте раз в тринадцать минут.

Когда прилив минует это место, — с растущим энтузиазмом продолжал Оле, — воздух снова будет всасываться. Это объясняет наши первые ко-

лодцы. Теперь перейдем к этому. Резервуар под ним должен быть намного длиннее. Поэтому волнам требуется больше времени, чтобы пройти его насквозь. Отсюда следует, что пламя будет гореть гораздо дольше. Что и требовалось доказать.

— Вы также доказали, — указала Эдит, — что столбы пламени возникают достаточно редко. Нам придется ждать по крайней мере до следующего полнолуния, прежде чем в наших факелах появится газ. И к тому времени мы будем на небесах — я надеюсь.

— Нет, я думаю, что с каждым приливом происходит достаточный подъем газа. Конечно, в полнолуние пламя будет более горячим и извержение продлится гораздо дольше.

— Откуда же берется ваша благословенная соленая вода, чьи приливы выталкивают на поверхность нефть и газ?

— Оттуда же, откуда берется вся соленая вода — из моря. Эти туннели или другие подобные им — разумеется, побольше и подлиннее — должны простираться далеко под дном антарктического океана.

С энциклопедическим апломбом Оле стал рассказывать, как дно водных бассейнов, постепенно ослабевая под давлением просачивавшихся веками масс воды, внезапно треснуло, позволив океану прорваться вниз и затопить подземные огни и бесчисленные туннели. Это, по словам Оле, объясняло все.

Рагу из доисторических чудовищ в нефти, которое видели они с капитаном, было вызвано всего лишь обратным потоком; это был результат молниеносного потопа, уничтожившего, возможно, дюжину взаимосвязанных райских уголков, подобных тому, что открыли они с Эдит. Когда-нибудь дно уцелевшего тоже провалится, и где-то между Южной Джорджией и мысом Горн произойдет еще одно грандиозное извержение монстров. Или же газ, скапливающийся под каменным дном рая, при каком-нибудь необычно высоком приливе вдруг подбросит скалы к небесам...

Происхождение обширных туннелей и субтропических райских уголков на замерзшем континенте Оле пока не мог объяснить. На них его теория споткнулась и бесплодно топталась на месте. Теперь он сомневался, были ли чудовища из рагу, как они с Андерсоном себе представляли, совсем недавно живы. Свежесть их плоти и еще не свернувшуюся кровь детеныша дьявола, которого они выловили, можно было рационально объяснить суточным погружением в горячую нефть и воду.

Свободно теоретизируя таким образом, Оле был счастлив, несмотря на вездесущую, все обволакивающую зловонную тьму. Почтительное молчание Эдит льстило ему. Он превзошел самого себя. Никогда прежде он не читал лекций перед такой сочувственной и благодарной аудиторией. Во время своей нескончаемой речи он даже позабыл о спичках. Когда он наконец чиркнул спичкой, глаза Эдит были закрыты. Она крепко спала.

Несмотря на глубокое огорчение, Оле тактично не стал ее будить. Вытащив трубку, он доверху набил ее твистом*. Крупно нарезанный табак отказывался гореть, и Оле полез в карман за ножом. Он уже собирался нарезать табак у себя на ладони, как вдруг вспомнил, что сделал с лезвием. В холодном поту он закрыл нож и вернул его в карман. Царапина, насколько он знал, могла оказаться смертельнее клыков сотни кобр. В любом случае, он не хотел рисковать в темноте.

Оле снова попытался закурить. В конце концов, он пошел на компромисс, тратя спичку на затяжку. Вспышки мелькали без перерыва. В пропитанной копотью и невыразимым разложением атмосфере туннеля табак утратил насыщенный ореховый вкус, подчеркиваемый рекламными щитами, но это было даже к лучшему. Дым спичек, особенно их головок, был слаще табачного.

Дьявол пришел по его душу как раз в тот момент, когда он достал четвертый коробок спичек. Что-то с влажным звуком волочилось по полу. От новой теории Оле затошнило. Не только у похожих на летучих мышей птиц, но и у грязных падальщиков имелись глаза. И теперь одна из этих огромных мерзких тварей, источая зловоние при каждом движении, ковыляла во вселенской тьме к маленькому дружелюбному маяку Оле.

Шум прекратился. Затем размеренное хлюпанье возвестило о том, что омерзительное чудовище остановилось и стало вылизывать себя. Смыв с себя остатки обеда или завершив свой неприличный туалет, оно начало протяжно вздыхать и греметь решетчатой броней из роговых чешуек. Снова воцарилась тишина.

Вскоре отвратительный скрежет возвестил о том, что ходячая непристойность принялась вычесывать из шкуры паразитов. Чудовище снова тяжело и глубоко вздохнуло — вероятно, решив, что дружеский огонек во тьме был лишь случайным миражом перегруженного желудка. Протяжная слюнявая отрыжка одновременно породила и подтвердила эту гипотезу в парализованном мозгу Оле. Он больше не зажигал спичек.

Должен ли он разбудить Эдит? Если она издаст хоть звук, чудовище их обнаружит. С другой стороны, если зверь подберется ближе, а Эдит в эту минуту внезапно проснется, она сойдет с ума от ужаса и станет неуправляемой. Он решил разбудить ее как можно более нежно.

— Что такое? — спросила она и вспомнила. — Ах...

Он зажал ей рот ладонью. Снова приняв его за сумасшедшего, она начала яростно сопротивляться.

— Опасность, — прошептал он ей на ухо. — Молчите.

Все ее мышцы напряглись, она мгновенно замерла. Затем она услыша-

* Трубочный табак, сплетенный в виде жгутов; для курения нарезается пластинками.

ла, как по полу волочится и шаркает, приближаясь к самолету, какое-то грузное тело. Эдит мгновенно поняла, что надвигалось на них.

— Ваш нож, — прошептала она.

Он раскрыл лезвие. Какая польза была от этой игрушки против закованного в броню зверя весом более ста тонн? Но это было их единственное оружие, и инстинкт заставлял Оле напрягать все свои слабые силы.

Существо услышало их движения. Прерывистое шарканье, несущее ароматы запахов проказы, ускорилося. Монстр очутился рядом с ними, со стороны Эдит. Пройдет ли он мимо машины? В пропитанной сажей темноте зверь неуклюже двинулся вперед. Ороговевший бок заставлял обшивку скрипеть и раскачивал самолет, едва не опрокидывая его.

В течение нескольких секунд медлительный мозг животного не мог истолковать необычные ощущения. Затем он осознал их, и мерзкая тварь присела на корточки. Самолет накренился набок. Еще фут, и он опрокинется.

Загадка оказалась слишком сложна для тупого мозга, и огромное животное возобновило свое неуклюжее продвижение. Затем, судя по звукам, зверь развернулся на брюхе и припал к полу. Сидел ли он головой или хвостом к ним? И в каком положении он мог слышать лучше? Вскоре они это узнали.

Кто-то из летчиков слегка пошевелился. Что-то скрипнуло. Секунд десять зверь не обращал на это никакого внимания. После, осознав наконец значение шума, проникающего в его нервные узлы, монстр чуть подался вперед, прямо к креслу Эдит.

— Быстрее! — закричала она. — Нож! Свет!

Холодное и невыразимо зловонное дыхание обожгло ей лицо и погасило половину горсти спичек Оле. Но вспышка показала ей, куда целиться, и она, вложив в это движение весь свой вес, ударила зверя в глаз. Острое восьмидюймовое лезвие разрезало глаз, как желе. Рука Эдит нырнула в разрез вслед за ножом.

Никакая рана, нанесенная тупоголовому созданию, сама по себе не могла объяснить ужасный вопль, который разорвал в клочья тишину туннеля. Зеленая паста на лезвии действительно была ядом. И яд прошел по кровеносным сосудам и зрительному нерву прямо в мозг монстра.

Каждый его нерв был в аду. В своей мучительной агонии он яростно метался по туннелю всего в нескольких ярдах от самолета, конвульсивно дергался и с грохотом падал на пол корчащейся массой мучений, сотрясая даже скалы.

Ни одно человеческое существо не смогло бы без жалости слушать эти ужасные крики. За те полторы минуты, что оно еще прожило, несчастное создание испытало все муки всех разновидностей ада, возникшие в человеческом воображении с начала времен. С последним дрожащим воплем абсолютной боли оно испустило дух.

— О Боже мой, — выдохнула Эдит. — Это я сделала. Черт, черт, черт! Она зашлась в рыданиях и прижала к ушам сжатые кулаки.

Предсмертные муки собрата разбудили ревущую, сбитую с толку орду падальщиков. Натыкаясь друг на друга в темноте, монстры дрались и вопили до тех пор, пока не затрясся свод. Множество птиц-рептилий, встревоженных шумом, с грохотом понеслись по черному туннелю, хлопая крыльями и визжа от испуга или боли, когда их безмозглые головы бились о невидимые стены. Их изломанные тела, дождем посыпавшиеся на каменный пол, подергивались и трепыхались, пока обезумевшие чудовища не растоптали их в клочья.

Дважды, когда птицы с крыльями летучей мыши задевали оттяжки, самолет тошнотворно трясло. Ревущий монстр, неуклюже убегавший от своего преследователя, заставил всю машину завертеться волчком. Эдит и Оле понимали, что если столбы огня не вырвутся наружу в самое ближайшее время, самолет вскоре превратится в щепки, а тела его пилотов — в кровавое месиво.

Сквозь оглушительный грохот они почувствовали дрожь в глубине земли и более сильное содрогание пола. Подземные волны прокладывали себе путь по лабиринту коридоров под туннелем. Через мгновение твердый каменный пол вздыбился, как морская зыбь, колодцы взревели, и десять тысяч столбов пламени с треском ударили в свод.

Охваченные паникой, огромные твари разбежались по своим норам в горе разложения. Так суетятся тысячи пчел, когда пасечник поднимает крышку улья, впуская солнце в их тайный мир.

Ослепленные внезапным ярким светом, тучи похожих на рептилий летучих мышей разбивались о стены туннеля, ломая головы, крылья и шеи. Но самым ужасным было то, что сотни их бросались прямо в колонны пламени; огонь поджаривал их заживо и подбрасывал к скальному своду, где они взрывались, осыпая пол дымящимися внутренностями.

Не успела Эдит понять, что задумал Оле, как норвежец провернул пропеллер и вернулся в машину. Удар ошеломленного падальщика развернул самолет.

— Кратчайший путь, — крикнул Оле и повел самолет к горе трупов.

Взлетев над ней, они погрузились в дым и вонь. Теперь они поняли причину более тусклого света вокруг гноящейся кучи. Колодцы были забиты гигантскими тушами, которые скатились с огромной груды, подрытой падальщиками. Пламя яростно набрасывалось на эти препятствия, вспыхивавшие огненными розами. Тяжелый черный дым, поднимающийся из этих жутких крематориев, наполнял узкий канал над горой разложения неопишным зловонием.

Мило за милей летели они по узкому просвету между грудями туш и каменной крышей, освещенные только мерцающим багровым светом, от-

раженным от свода. Неужели это никогда не закончится? Позади остались двадцать миль, двадцать пять, а непристойные птицеящеры все еще поднимались при их приближении и кружили над своим прерванным пиршеством, когда гудящий парвеню пролетал мимо.

Дым стухнул, но стал менее зловонным. Запах горячей нефти показался Эдит и Оле дуновением небес.

Ветер сделался свежее и резал им лица. Черный от сажи самолет вылетел из туннеля в относительно чистую ночь.

Они по-прежнему были окутаны клубящимся дымом, но в нем уже не ощущалось зловоние. Случайное знамя багрового пламени, на мгновение развернувшееся на дне черного моря, указало на источник пожара. Далеко внизу, на дне разрушенного кратера, горело огромное озеро нефти.

Резко поднявшись, они пронзили клубящуюся дымовую завесу, и им открылось чудо свежего воздуха и ледяных звезд.

Луна только что взошла. Они вылетели в разрушенный кратер далеко к западу от линии, вдоль которой пересекли его ранее.

Эдит, будучи созданием разумным, предположила, что Оле на максимальной скорости полетит прямо к кораблю. У него, однако, были более благородные намерения, и это делало ему большую честь. Выбрав кратчайший воздушный путь к зубчатому краю, выдававшемуся на фоне северных звезд, он прибавил скорость, взлетел над диким запустением темных скал, черных сейчас, как Тофет в безлунную ночь, а затем, когда в поле зрения показалась тускло-серая ледяная равнина, заглушил мотор.

— Что, во имя греха, вы собираетесь делать? — осведомилась Эдит.

— Я собираюсь приземлиться на снежном поле за этими скалами.

— И для чего? Вы с ума сошли?

— Нет, не сошел, — торжественно ответил он, — хотя насмешники так бы и сказали.

— И почему?

— Потому что я благодарен.

— Вы бредите.

— Меня не впервые презирают и подвергают издевательствам, но моя вера крепка. Если я могу простить кощунственные насмешки капитана Андерсона, то могу смириться и с вашими.

— Я не насмехалась над вами и не думала богохульствовать. Хотя прямо сейчас мне бы этого хотелось.

— Всякий, кто вожделеет сего в сердце своем, уже совершил неизреченный грех*.

* Парафраз Мф. 5:28: «Всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем».

Самолет покати́лся по снежному полю параллельно вздымающейся массе нагроможденных камней.

— На коленях, — объявил Оле, когда самолет остановился примерно в восьмистах ярдах от стены, — я вознесу благодарность Всевышнему за наше милосердное избавление.

— Если вы сделаете что-либо подобное в этом абсурдном месте, я буду драть ваши жирные уши, пока они не запоют, как все воинство Небесное. Не будьте дураком. Пора возвращаться домой, на корабль. Я замерзаю.

— Я молюсь, чтобы однажды вы не затосковали по кусочку льда, дабы остудить свой язык.

И с этим лицемерным ходатайством он выбрался на замерзший снег.

— Послушайте, Оле, — бросила Эдит ему вслед, — если вы думаете, что Создатель такой же большой дурак, как вы, вы чертовски ошибаетесь. Поделом вам будет, если вы свалитесь в колодец. У вас могло бы, по крайней мере, хватить порядочности повернуть винт, прежде чем совершать самоубийство.

Но Оле был поглощен поисками самого неудобного квадратного фута на антарктическом континенте. Выразить благодарность с мягкого сугроба значило не относиться к аудитории с должным уважением.

Найдя искомое, он опустился на колени, обнажил голову и открыл огонь. Эдит быстро заподозрила, что его крайнее смирение, высказываемое излишне громким тоном, было адресовано ей, а не небесам. Безличные намеки на черствость сердца, жестоковыйность, малоприятный характер и неблагодарность были поданы с замечательным мастерством. Хотя имя, возраст, пол и цвет кожи Эдит были тщательно опущены в его речи, Оле все же ухитрился прочитать ей суровую и чрезвычайно многословную проповедь о ее многочисленных недостатках. Она горько сожалела о том, что руки ее были сравнительно слабы, как у любой девушки. Иначе она запустила бы тяжелым термосом прямо в его жирную постную физиономию. Жаль было упустить такой прекрасный шанс; с закрытыми глазами, как у спящего омара, он бы и не заметил, откуда прилетел снаряд.

Но здравый смысл и Господь были на ее стороне. Оле упустил из виду нечто большее, чем колодцы. Для столь проникательного теоретика оплошность действительно была непростительной.

Ему следовало бы заметить, что все знакомые ему монстры были убежденными любителями умеренной температуры. И ему следовало бы сообщить, что бедняги, вернувшиеся в свой разрушенный дом, естественно, соберутся у веселых очагов, чтобы пускать слюни в тоске по старым добрым временам.

Короче говоря, Оле следовало бы знать, что теплолюбивые, плотоядные монстры будут часто появляться близ колодцев. Они укрывались от ветров в своих просторных логовищах в нагромождении скал. Когда домаш-

ние очаги снова разгорались, они выползали и собирались вокруг огня. Периоды холода между пиршествами отлично стимулировали аппетит. Несомненно, эти любящие домашний уют звери были коммунистами и делили все между собой. Когда путешествие от веселых дымоходов до мрачных банкетных залов туннеля казалось долгим и непривлекательным, они оставались дома и ели друг друга.

Для этих простодушных зверей благодарный Оле был буквально находкой. Их благочестивые инстинкты восприняли его как манну, упавшую с небес. Случилось так, что он выбрал свое неудобное место для молитвы напротив одного из самых бедных логовищ. Уже неделю здесь оставались изголодавшиеся звери лишь двух размеров: крошечные младенцы, только что родившиеся и поэтому все еще дорогие своим свирепым мамашам, и огромные, проворные твари примерно равных боевых способностей. Все животные среднего размера отдали свою жизнь ради блага общества.

Обладая крайне низким интеллектом, дюжие чудовища, оставшиеся в живых, еще не овладели теорией и практикой сотрудничества. В их безмозглые головы никогда не закрадывалась мысль, что двое из них всегда одолели бы незадачливого третьего. Следовательно, все они голодали, в то время как две трети из них в любое время, вплоть до Армагеддона между последней гигантской парой, могли бы купаться в роскоши. Не располагая дальновидными государственными деятелями, они жили в условиях вооруженного нейтралитета и голода до тех пор, пока у детей сообщества не развивался милитаризм. Но эти спорадические восстания приносили довольно скудную добычу.

Не подозревая о своей жадно внимавшей аудитории, Оле энергично молился. Он благодарил Небеса за то, что колодцы в непосредственной близости от него отличались от других. Эти были упорядоченными и тихими, в то время как в других ревел дьявольский огонь. Затем он проинформировал штаб-квартиру о том, что у него появилась теория.

— Эта цепочка колодцев, Всевышний, выпускает газ из другого туннеля. Нефтяное озеро под ним не соединяется с другими. Итак, Господь, Ты приготовил безопасное место в пустыне, дабы Твой слуга мог возблагодарить Тебя.

Оле, мягко говоря, не хватало ни наглости, ни самомнения. Пытаясь воздействовать на Эдит всей силой своей проповеди, он продолжал смотреть на нее, а значит, стоял спиной к логовищу. Тем не менее, его замечания разносились во всех направлениях, не смущаясь расстоянием в этом напряженно неподвижном воздухе. Отрывистое эхо в черных скалах повторило его тщеславную теорию. Эхо даже улучшило его высказывание. Эдит, старавшейся не прислушиваться, показалось, что там, в скалах, раздались звуки сонного веселья, как бы дремотное, недоверчивое хихиканье, усиленное приглушенным клекотом. Адский выводок проснулся.

С любопытством наблюдая за какой-то тенью на фоне звездного неба, Эдит увидела, как та переместилась, заслонила ослепительную звезду и стала больше. Это явно была не каменная глыба. Длинная шея, как перископ, осторожно приподнялась над черной массой. Увидев добычу, голодная голова быстро опустилась. Черная масса растворилась на еще более черном склоне.

— Осторожно! — крикнула Эдит. — Оно приближается!

Не обращая внимания на неприличное вмешательство, Оле продолжал громко теоретизировать.

— Идиот! Проверните пропеллер! Бегите!

— Господь помнит о своих, — ележно ответил Оле и вознес благодарность за этот факт.

Пронзительный крик Эдит вернул ему здравый смысл. Один взгляд через плечо — и он был на ногах и понесся так, как никогда не бегал за всю свою толстую жизнь. За ним, подобно гигантскому страусу, мчалась на длинных задних лапах огромная ящерица; хвост ее загибался вверх, как ятаган, а двадцатифутовая шея вытягивалась вперед до предела упругости. Ни одна индейка, целясь клювом в несчастного кузнечика, не проявляла такого пылкого охотничьего порыва.

Оле был впереди на семьсот или восемьсот ярдов, и это спасло его. Он упал на колени Эдит как раз в тот момент, когда злобный взмах хвоста чудовища рассек воздух над машиной.

Оглянувшись на скалы, они увидели весь черный выводок, высыпавший на тускло-серую пустошь. Бесцельно, как безмозглые курицы, монстры метались по снежным полям в поисках ускользнувшей добычи. Колоссальные ящерицы мчались отовсюду, а за некоторыми из самых крупных теней тянулись три или четыре крошечные точки, похожие на преследующих их блох. Это были детеныши выводка, следующие за своими алчными матерями.

Существа отличались от всех тварей, каких Эдит и Оле до сих пор доводилось видеть живьем. Однако на пляже-кладбище Оле и Лейн вскрыли трех примерно похожих гигантов.

Наблюдатели были настолько захвачены нелепым бегом с препятствиями, что не заметили знакомого раската грома, предшествующего толчку. Прежде, чем Эдит поняла, что происходит, самолет начал подпрыгивать и кувыркаться, как стеклянный шар в фонтане.

Она пришла в себя как раз вовремя. Пока самолет набирал высоту под углом в шестьдесят градусов, воздух непосредственно под ними с глухим ревом взорвался тысячами конусов голубого пламени. То была настоящая пощечина для непочтительного тщеславия Оле. Теория, которую он доверил небесам, очевидно, была ошибочной. Резервуар нефти под этой областью колодцев, судя по всему, все-таки соединялся с резервуаром под туннелем.

Обратный поток прилива под туннелем теперь выталкивал сжатый газ через вторичную сеть колодцев.

Посмотрев вниз, они увидели быстро опускающиеся конусы пламени. Через мгновение они должны были исчезнуть в колодцах. Таково, по крайней мере, было уверенное предсказание Оле. Словно для того, чтобы научить его теоретизировать осмотрительней, пламя не сделало ничего подобного. Это извержение газа было совсем не походило на первое и скорее напоминало происходившее в туннеле. Пламя не исчезло, но, удлиняясь вниз к вентиляционным отверстиям, превратилось в короткие столбы огня. Эти, однако, были гораздо меньших размеров — просто конические свечи высотой в сто футов и толщиной от пяти до тридцати футов.

Домашние очаги снова весело горели. Невозможно было не ощутить некоторое сочувствие к изгнанным из рая монстрам, спешащим по ледяной равнине к дружественным кострам. Матери бросали своих оставших детенышей, торопясь вслед за более проворными товарками к веселым очагам, и многие маленькие монстры оставались жалобно пищать на холоде. Вокруг бодрящего тепла и света колодцев дружелюбно сидели на корточках группы из трех или четырех огромных ящериц, на время забыв о голоде и вытекающей из него враждебности. Эдит была тронута, Оле — нет.

Материнский инстинкт, как говорят, универсален. Безмозглые самки, которые якшались со своими свирепыми самцами у уютных костров, в то время как их детеныши жалобно плакали на холоде, опровергли эту теорию. И снова Эдит была глубоко тронута.

Развернувшись назад при свете звезд, она снизилась и описала низкий круг над маленькими несчастными монстрами на льду. Вся ее дремлющая материнская любовь пробудилась и вырвалась наружу из-за одного особенно постыдного примера. Брошенному маленькому существу, не крупнее ньюфаундленда, не могло быть больше нескольких дней от роду. Его нелепый маленький хвостик был всего лишь обрубком, а гротескно непропорциональная голова едва не перевешивала истощенное тело, качавшееся на двух хилых и тонких, как соломинки, ногах.

— Оле, — воскликнула она, — мы должны забрать на корабль этого милого маленького дьявольского цыпленка. Он погибает без тепла и своей матери.

— Вы не его мать, и будь я проклят, если стану греть его.

— О да, согрете, потому что вы его поймаете.

— И кто из нас сумасшедший?

— Не я. Вы будете в совершенной безопасности, пока родители эгоистично развлекаются вдаль от дома. Кроме того, у вас будет неплохой старт почти в три четверти мили, если мать заметит похищение. Если вы не сумеете убежать от нее, имея такое преимущество, вы никуда не годитесь. Ну вот. Вылезайте и заберите ребенка. Схватите его как следует за шею, чтобы

он не смог укусить.

— Будь я проклят, если соглашусь!

— Будь я проклята, если вы этого не сделаете. А теперь послушайте, Оле. Либо вы достанете мне эту цыпочку, либо я навсегда сделаю вашу жизнь невыносимой, рассказав капитану, как вы бросили свои молитвы. Вы прославитесь от Ливерпуля до Сан-Франциско и оттуда до Гонконга как благочестивый моряк, чьи усердные молитвы пробудили дьявола. Поймите мне это бедное маленькое животное, и я клянусь, что никогда ни одной живой душе не расскажу, каким дураком вы выглядели, убегая от той двуногой рептилии.

Это был откровенный шантаж, и, будучи таковым, он вполне удался на континенте, где не было ни единого адвоката.

С продуманной, но ненужной осторожностью Оле подкрался к визжащему подкидышу сзади. В своем голоде и жалком одиночестве существо приветствовало его с разинутой пастью. Схватив его одной рукой за длинную тонкую шею, Оле другой рукой вцепился в его короткий хвост. Затем, собрав всю свою силу, он потащил брыкающееся маленькое чудовище к самолету.

Кто бы мог заподозрить, что в тщедушном тельце маленького негодяя бушевала такая энергия? И кто бы, услышав впервые его жалобный писк, мог бы подумать, что он обладал луженой глоткой? Он орал, зовя своего папочку, визжал, клича своего старшего братца, и вопил, призывая свою беспутную мать. Они прибежали большими прыжками.

Учитывая все обстоятельства, мы вместе с Эдит должны прийти к выводу, что главной приманкой был Оле, а

не брошенный цыпленок.

Материнская любовь Эдит внезапно упала ниже нуля. Она умоляла Оле бросить маленького звереныша — теперь он нес его на руках, держа за шею и хвост — и скорее бежать к самолету. Но в Оле пробудилось норвежское упорство. Начав работу, он либо заканчивал ее, либо терпел крах.

Только исключительно сильный человек смог бы повторить его подвиг. В то время, как одной рукой он крутил пропеллер, другой он держал цыпленка за шею на расстоянии вытянутой руки. Маленькое чудовище умело наносить своими слабыми на вид ногами злобные, резкие удары. Его когти могли бы легко до кости распороть руку Оле.

Скорбящая семья прибыла как раз вовремя, чтобы услышать донесшееся сверху прощание любимого дитяти. Цыпленок перевесился через борт самолета, все еще дергаясь. Оле не ослабил своей мертвой хватки на его шее. Ловким взмахом он поднял его в кабину и уселся ему на живот. Он все еще не доверял цыпленку, чье последнее послание матери напомнило поэтому грустную и придушенную ноту волынки.

— Заверни его в одеяло, — распорядилась Эдит, — чтобы он не замерз по дороге.

Оле прижал его к себе. Однако он был осторожен и не отпускал его шею.

— Разве отец не будет в восторге? — продолжала Эдит. — Это лучше, чем целый континент мертвых тварей. Интересно, что он ест?

— Может, мне отпустить его шею и выяснить?

— Пока нет. Молоко, я думаю, является правильным питанием для такого нежного младенца. Сколько у нас на борту консервированного молока?

— Около сотни ящиков, я полагаю. Этому маленькому дьяволу хватит на целую неделю.

Путь домой пролегал над новым для них районом, примерно в тридцати милях к западу от прежнего курса. Где-то в десяти милях за колодцами они заметили далеко внизу странное черное озеро.

— Выглядит интересно, — заметила Эдит, снижаясь. — Давайте посмотрим, что там. Все равно мы давно опоздали.

Приблизившись к поверхности озера, они увидели, что оно находится в сильном движении. Даже при свете звезд Оле мгновенно распознал эти огромные пузыри.

— Нефть! — крикнул он.

И действительно, из сотен фонтанов на дне озера текла бурлящая нефть. Спонтанная теория Оле, вероятно, была недалеко от истины. Подземные приливы, поднявшиеся до скального свода, выталкивали сырую нефть через цепочку колодцев. Какое-то препятствие, возможно, тяжелый камень, упавший с расшатанного сильными землетрясениями свода, перекрыло проход, сдерживая приливную нефть. Вследствие этого, теперь она хлестала из газовых колодцев. Более медленное движение тяжелой нефти при ее выталкива-

нии вверх не создавало достаточного трения для воспламенения жидкости. Такова, во всяком случае, была теория Оле.

Как первое и очень приблизительное предположение, она могла быть принята. Но до разрешения всех научных загадок, ставших результатом исторической экспедиции Лейна, предстояло проделать еще много работы.

Оле волновал сейчас практический вопрос — будет ли нефть всасываться внутрь вместе с отступающим подземным приливом. Если так, Андерсону будет весьма трудно создать акционерную компанию. Ибо очевидно, что одно дело — продавать акции нефтяного озера размером тридцать на пятнадцать миль и совсем другое — пытаться продать грязную яму в земле. Он утешал себя мыслью о том, что даже запах нефти очень часто помогает продать больше акций, чем тысячи фонтанов. Располагая практически неограниченным запасом запаха в дыре, пусть даже пустой, они с Андерсоном могли за месяц легко сделать миллионерами себя и всю команду.

Южная граница озера повергла Оле в уныние. Здесь путь нефти преграждало ледяное возвышение шириной не более пятидесяти футов и высотой менее двадцати футов. Что, если эта небольшая стенка поддастся под давлением нефти? Миллионы долларов хлынут из прекрасного озера в колодцы на равнине. На севере, то есть на обращенном к кораблю берегу, условия были более приемлемыми. Здесь береговая стена имела более ста ярдов в поперечнике. Расчеты Оле, конечно, были лишь приблизительными, основанными на времени полета и беглых наблюдениях сверху.

При виде нефтяного богатства Оле забыл обо всем. Осторожный укус в ногу напомнил норвежцу о его маленьком подопечном. Он вновь крепко схватил его за шею.

Странников встретили чрезвычайно сердечно. Эдит ожидала от отца чего угодно, но была совершенно не готова к нападению Дрейка. Преданный археолог кратко выразил страстное желание вытрясти из нее весь мазут.

— Попробуй, — сказала Эдит. — Это может оказаться прибыльным.

— Что? — воскликнул капитан. — Вы нашли нефть?

— Целые океаны.

Капитан тут же простил и ее, и Оле.

— Отец, — сказала Эдит, разворачивая остававшегося до сих пор спрятанным дьявольского цыпленка, — я привезла тебе маленького товарища по играм. Я прощена?

В этот момент Оле ослабил свою мертвую хватку на горле цыпочки. Пронзительный крик приветствовал доктора.

— О, прекрасное дитя! — удивленно и благоговейно вскричал Лейн. Правда, Эдит так и не поняла, имел ли он в виду дочь или ее мирное подношение.

Глава VIII

АТАКА

— Что вы ожидаете извлечь из всего этого, доктор? — с любопытством спросил капитан.

Они сидели в капитанской каюте. С момента появления дьявольского цыпленка прошло восемь дней. На следующий день исследователи должны были начать свою первую серьезную атаку на неизвестное. Все было готово для быстрого марша к сердцу тайны и безопасного возвращения на корабль.

Лейн парировал вопрос капитана.

— Возможно, свою долю нефтяных акций. Я член экипажа, не так ли?

— Вы не гонитесь за деньгами. Давайте же, объясните нам, зачем вам все это понадобилось. Я вот честно признаюсь. Апельсиновая рощица площадью в тысячу акров в Калифорнии, где нечем заняться, кроме как хозяйничать — вот что мне нужно. После двадцати лет китобойного промысла вы, как и я, готовы были бы душу продать за пинту грязной нефти. С меня довольно холода и вони. Теперь мне подавай солнце и цветущие апельсиновые деревья. Но вы? У вас есть все деньги, какие вам нужны. Итак, зачем вы приехали сюда?

— Возможно, ради всех собранных нами великолепных образцов. Одного бойкого дьявольского цыпленка достаточно, чтобы на всю жизнь осчастливить любителя прекрасного. Видимо, это то, что я ожидал получить за свои деньги.

— Я так не думаю, — проницательно сказал капитан.

— Предлагаю на время сменить тему, — помолчав, сказал Лейн. — Есть ли у вас родственники, которые будут скучать по вам, если вы умрете?

— Ни одного. Почему вы спрашиваете?

— Вполне может быть, что завтра мы бросим последний взгляд на корабль.

— Если эти двое, — капитан указал на Эдит и Оле, — выбрались живыми, почему мы не сможем? У нас достаточно динамита, чтобы взорвать армию двуногих рептилий. Нас не застанут врасплох.

— Дело не в этом. Спроси вы, чего я ожидаю, и мне пришлось бы вас разочаровать. Потому что я и сам не знаю. Только у меня такое чувство, что мы можем наткнуться на нечто неожиданное. Разве вы не чувствуете того же, Дрейк?

— Да, — с готовностью признал тот. — Вот почему я говорю, что Эдит не должна отправляться с нами. Во всяком случае, не в первый раз. Если все

будет в порядке...

— Второй попытки может и не быть, — прервала его Эдит. — Я отправляюсь с вами, Джон. И перестань поднимать шум по этому поводу.

— Все это может показаться вам старушечьими суевериями, капитан, — продолжал доктор. — Тем не менее, именно так мы с Дрейком себя чувствуем. На протяжении последних семи или восьми вечеров мы консультировались и теперь пришли к довольно определенной теории.

— Что касается нервозности, — рассмеялся капитан, — то у меня самого иногда случаются нервные приступы, когда я представляю, как вся эта прекрасная нефть будет уходить в колодцы. А это может случиться в любой момент. Но вы еще не сказали нам, почему вы хотите продолжать.

— Дрейк, на самом деле, больше меня знает о том, что может ждать нас впереди. — Доктор посерьезнел. — Накануне нашего последнего, не исключая, спокойного дня на земле я считаю единственно правильным поделиться с вами всеми своими подозрениями. Дрейк сможет высказаться позже.

Это не просто праздник натуралиста. Тонны образцов, которые мы собрали, без сомнения, бесценны по сравнению с океанами нефти, что вы ожидаете обнаружить. Но какими бы бесценными ни были наши коллекции и какими бы богатыми ни оказались ваши нефтяные месторождения, и то, и другое вместе взятое не стоит и доли цента в сравнении с истинной целью этой экспедиции.

Андерсон уставился на него, разинув рот:

— Ради всего святого, зачем вы явились сюда?

— Как я уже сказал, я действительно не знаю. Я могу только догадываться. Если мои подозрения верны, мы спасем цивилизацию от ужасного бедствия.

Капитан недоверчиво посмотрел на него.

— Вы просто меня разыгрываете. Хотите поквитаться за тот спектакль, что мы мы с Оле устроили вам в Сан-Франциско. Когда это вы решили, что мы — отряд богопомазанных крестоносцев, выступающих в поход, чтобы сделать мир безопасным для демократии?

— Нет, мы не сделаем мир безопасным для демократии, монархизма, социализма или любого другого милого вероучения. Мы сделаем мир безопасным для самой жизни в нем. Я говорю серьезно. Это самое главное приключение. На том заваленном тушами пляже я впервые определенно распознал некое фундаментальное зло во всех странных вещах, которые мы видели до сих пор. Второй конкретный намек исходил от того черного камня, на который налетел в санях Дрейк.

— Речь о надписях на нем? — прищурился Оле.

— Нет. Сам камень был ключом к разгадке. Дрейк, у вас найдется кусочек того, что вы разломали вчера?

Дрейк достал небольшой осколок черного камня. Лейн передал его капитану.

— Вы получили образование горного инженера, Андерсон. Даже двадцать лет, проведенных с китами, не могли заставить вас забыть простейшие основы элементарной геологии. Взгляните хорошенько на этот кусок камня и скажите мне, что это, по-вашему, такое. Вот мое увеличительное стекло.

Капитан долго и с любопытством изучал осколок.

— Я не хочу выставлять себя дураком, — сказал он наконец, возвращая лупу и камень.

— Продолжайте. Что это за вещество? Я не пытаюсь заманить вас в ловушку.

— Ну, доктор, либо я забыл все, что когда-либо знал, либо это вообще не обломок скалы.

— Если это не обломок скалы, то что же это?

— Изготовленный, я бы сказал, искусственный камень, если хотите, или странный сорт цемента.

— Совершенно верно.

— И что из этого вытекает?

— Неужели вам не кажется удивительным, что континент, умерший до рождения Америки, покрыт миллионами и миллионами тонн искусственного цемента, испещренного надписями? Надписи сами по себе не столь уж таинственны. Я убежден, что с начала времен жили, умирали и были забыты бесчисленные расы. Архейские скалы — это непрочитанная история. Но то, что некая раса вымостила обширные территории своего обитания невообразимой массой искусственного цемента, твердого, как алмаз, — это явление, не имеющее аналогов в истории. Это нечто уникальное.

— Вы правы, — согласился Оле. — Ни одна известная раса никогда не мостила больше десяти акров в одном месте. Древние вавилоняне...

— Заткнись, Оле. Продолжайте, доктор.

— Пожалуй, на этом все. Дрейк лучше меня изложит остальное.

— Но вы еще не сказали, что заставило вас проглотить наживку в Сан-Франциско.

— Ваша маринованная рептилия.

— Так не пойдет. Вы только что говорили, что весь ваш хлам не стоит и полцента по сравнению с реальной вещью, за которой вы охотитесь.

— Я преследую цель своей жизни. Это вас удовлетворяет?

— Совершенно. Какова цель вашей жизни?

Доктор засмеялся.

— Да вы морской юрист похитрее Оле! С тем же успехом я могу рассказать вам всю свою историю целиком и покончить с этим. А после Дрейк сможет поведать вам что-нибудь стоящее.

Лейн на миг задумался.

— Все это началось, — продолжал он, — когда мне было около десяти лет. Тетя подарила мне на Рождество экземпляр замечательного научного романа Мэри Шелли — жены поэта, — идея которого основана на искусственном сотворении жизни.

— Я читал его, — нетерпеливо перебил Оле. — Это шедевр. Прямо как в кошмарном сне. «Франкенштейн» — так называется книга.

— Большинству читателей, у которых есть хоть немного мозгов, эта история нравится. Как минимум, это полет воображения, что уже очень много в мире прозаичных, озабоченных сексом зануд. Что ж, эта книга определила ход моей жизни. Вспомните, Оле, как герой романа создает живое существо из химикатов. Это существо было не простой амебой, а сложным, высокоорганизованным чудовищем, наполовину человеком.

Я ничем не умаляю значение увлекательной истории миссис Шелли, если скажу, что такое невозможно. Сегодня мы точно это знаем. Благодаря простому смешению химических веществ, как сделал ее герой, невозможно сотворить сложное, высокоорганизованное живое существо.

С другой стороны, *не исключено*, что из химических веществ удастся создать коллоид — своего рода желе или клееподобное вещество, обладающее некоторыми из основных свойств живой материи. Хотя до сих пор ни один химик или биолог этого не сделал, это не является абсолютно невозможным. Но хочу подчеркнуть, что создание такого коллоида было бы несравненно более легким подвигом, чем тот, который лежит в основе истории миссис Шелли.

Мы можем увидеть относительную сложность этих двух методов на примере из другой области. Первые дикари убивали друг друга, швыряя голыми руками камни. Мы уничтожаем друг друга оптом с помощью различных изобретательных и дьявольских приспособлений, в том числе чрезвычайно сложных машин. Так вот, существует гораздо больший разрыв между клееподобной субстанцией, имеющей некоторое сходство с живой материей, и простейшим организованным живым существом, чем между обломком камня, летящим по воздуху, и торпедой, управляемой по беспроводной связи.

Но все это ремарки в сторону. Самым важным для меня в книге миссис Шелли было то, что в возрасте десяти лет она пробудила мое воображение. Я твердо решил стать ученым. Целью моего существования должно было стать сотворение жизни. Я считаю, что это самое главное приключение.

Затем, позже, изучая кое-что из науки, получая образование в неурочные часы, я ясно увидел, что был в миллионе миль от своей цели. А еще позднее, углубившись в естественные науки, я понял, что мой честолюбивый план был фантастической мечтой.

Я видел тогда и вижу сейчас, что если человеческим существам суждено

создать жизнь чисто искусственными средствами, то это произойдет не в нашем поколении, не в нашем столетии и, возможно, не в ближайшие два столетия. В том, что в конце концов это будет сделано, у меня нет ни малейшего сомнения. Но до сих пор нам не удалось даже точно сформулировать проблему.

Когда мы точно узнаем, что именно мы ищем, мы это найдем. В настоящее время мы не имеем даже научного определения жизни, которое было бы чем-то большим, чем схоластическая мешанина слов. Следовательно, хотя многим из нас может казаться, будто мы знаем, что ищем, на самом деле мало у кого есть подготовка, способности и научный такт, чтобы искать это разумно. Люди, которые занимаются сегодня происхождением жизни — это безнадежные чудаки того же рода, что искатели квадратуры круга и изобретатели вечного двигателя.

Рано осознав, что моя изначальная мечта была химерой, я обратился к более естественным и гораздо более полезным исследованиям. Я не жалею о времени, потерянном в тщетной погоне за недостижимым знанием. На самом деле оно не было потеряно: так я усваивал истинную науку. С тех пор основная часть моей работы была посвящена законам, управляющим развитием и угасанием животных, и, в качестве побочной темы, изучению болезней, зависящих от аномального развития. Я не стану утомлять вас всем этим.

Я сказал, что отказался от своих поисков жизни. Это не совсем верно. Невозможно искоренить из сознания надежды, желания и страхи детства и юности. Хотя в зрелом возрасте я отбросил всякую мысль о том, чтобы когда-либо напрямую атаковать проблему жизни, мои подсознательные привычки мышления были непоколебимо закреплены в моей юности. Мой психологический склад остался таким же, и я все еще вынужден против своей воли, по большей части подсознательно, постоянно думать об этой проблеме.

Иногда мне кажется, что вся моя работа была направлена на достижение моей первой цели. Я часто бываю потрясен, обнаружив, что то, чем я действительно интересуюсь в том или ином исследовании, — это не искусственное воспроизведение раковых образований, а полноценное создание живых клеток. Какой-то знакомый дух словно продолжает нашептывать мне: «Сделай это, и вопреки себе ты найдешь то, что ищешь». И я, неосознанно слыша этот шепот, поступаю так, как мне велят. Это, конечно, всего лишь реванш моих собственных подавленных желаний.

И снова я не жалею. Ибо моя работа привела по крайней мере к трем положительным открытиям, признанным компетентными специалистами как реальный и ценный вклад в наши знания о некоторых заболеваниях и борьбу с ними.

Теперь, Андерсон, вы спросите, какое все это имеет отношение к нашей

экспедиции. Самое прямое и непосредственное. Не будь моего подавленно-го честолюбия, вы никогда не получили бы от меня ни цента на расходы. Меня не интересует нефть или какая-либо другая форма заработка. Я не стал бы пересекать эту каюту, чтобы заработать миллион долларов. Денег у меня достаточно для меня самого и для Эдит. Больше богатство было бы помехой. И если бы вы пришли ко мне без этой маринованной рептилии, я бы сразу указал вам на дверь.

Вы помните, как сначала я принял вашу находку за молодой экземпляр известного доисторического животного? Верно, ни одно из обнаруженных до сих пор ископаемых не имеет одновременно чешуи и перьев. В цепочке от рептилий к птицам существует почти такое же «недостающее звено», как в цепочке от антропоидов к людям. Но, несмотря на все это, ваш монстр на первый взгляд не выглядел полной аномалией. Короче говоря, он мог являться вполне натуральным животным. Так я сперва решил.

Затем, пока вы рассказывали о своих приключениях, я задумался. Будь вы бывшим зоологом, а не бывшим горным инженером, я мог бы гораздо яснее изложить следующий момент — суть всей истории.

Размышляя над вашим образцом и присмотревшись к нему повнимательнее, я понял, что монстр действительно был монстром, то есть существом, которого природа никогда не создавала и не подвергала эволюции. Имелись поразительные различия между анатомическим строением этого существа и любым мыслимым продуктом упорядоченной эволюции.

Лягушка не превратится путем эволюции в лошадь, независимо от того, сколько времени вы дадите ей отныне и до скончания веков. Все потомки лягушек сохраняют определенные специфические особенности строения, резко отличающие их от лошадей. Они никогда не пересекутся. Через миллион лет любой опытный ученый сможет с первого взгляда сказать, что потомки наших лягушек и наших лошадей, живущие в его время или окаменевшие в скалах его времени, никогда не имели общего предка.

И так было с вашим монстром. Поначалу он мог показаться недостающим звеном между птицами и рептилиями. Более тщательный осмотр показал, что ни один из его предков не был связан с рептилиями и ни один из его потомков никогда не эволюционировал бы в птиц. Ни на каком этапе он не вписывался в схему эволюции.

Однако, речь не шла об уродстве. Трехглазый котенок — это все еще молодая кошка, несмотря на лишний глаз. Человек с шестью пальцами на правой руке все еще принадлежит к семейству людей. Простая ненормальность не исключает урода из семьи. Но ваша странная находка, Андерсон, не была ни деформированной рептилией, ни уродливой птицей, преждевременно выброшенной в мир.

Оставался только один рациональный вывод. Существо было не творением природы, а результатом сознательной попытки подражать природе.

Либо этот монстр был создан целым и живым разумными существами, либо он был потомком отдаленных предков, созданных таким образом.

О первой возможности не могло быть и речи. Будь монстр создан недавно, у нас был бы еще один Франкенштейн. Я достаточно осведомлен о современном состоянии биологии и уверен, что полное создание чрезвычайно сложного организма сегодня невозможно.

Оставалась альтернатива. Монстр был потомком невообразимо далеких предков, и эти предки, несравненно более простые по структуре, были созданы сознательными, разумными существами.

Эволюция сделала все остальное. Формируя первоначальный, простой организм на протяжении миллионов лет, время и эволюция постепенно усложнили его простоту, превратив его в организм высокоразвитый.

Первое творение, вероятно, было всего лишь частичкой живой материи, возможно, единственной клеткой, а ваш полноценно развитый монстр являлся цветком веков, медленно распустившимся из того первого, почти бесформенного семени.

К таким выводам я пришел, пока вы сидели и рассказывали о чудовищах, всплывших в нефти со дна океана. Я решил проверить вашу историю и увидеть все своими глазами.

На пляже-кладбище, как вы помните, я указал на то, что все эти мертвые чудовища, несмотря на внешнее сходство, радикально отличались от ближайших видов в слоях окаменелостей. Количество и расположение зубов одного монстра я подчеркнул как особенно важные. Не бывает так, что природа набивает рот одного человека восемьюдесятью зубами, а его соседу дает только шестнадцать. Она ничего не делает резкими прыжками, которые мог бы увидеть и слепой. Ее изменения незначительны. Это второй момент.

Еще одна мысль сильно встревожила меня на том пляже. Все эти монстры производили на меня впечатление неимоверно испорченных работ. Предположим, вы стремились создать безвредную жабу, а получили смертоносную гремучую змею. Вы бы не стали считать себя мастером техники жизни, не так ли? Что ж, как и существа, чьи научные ошибки миллионы лет назад положили начало эволюции всех этих отвратительных чудовищ на пляже.

Что намеревались сделать эти заблудшие экспериментаторы, я не знаю. Но я знаю, какой эволюции они положили начало, и я объявляю ее плоды непристойной мерзостью. Ни одно из этих огромных созданий не превосходило разумом червя, и ни одно из них никогда не могло представлять какую-либо возможную ценность для мира. Они всего лишь гигантские машины, которые кормятся, размножаются и дерутся между собой; в них есть лишь искра разумности — достаточно, чтобы сделать их чрезвычайно опасными, и не более того.

Я подозреваю, что все эти гигантские животные, как я пытался разьяснить, вышли из крошечных семян, впервые созданных и посеянных миллионы лет назад. Более того, я верю, что природа, взяв искусственно созданные семена, вырастила из них, путем бесчисленных мутаций, изменившиеся формы — улучшенные, опасные и бесполезные — которые наводняют тайные уголки этого континента. Начало было неестественным, развитие и его завершение — это работа естественных законов.

Наконец, я верю, что первоначальные создатели этих чудовищ осознали свои ошибки, когда было слишком поздно; предвидя последствия, они пришли в ужас, попытались исправить свою грубую работу и погибли в войне, пытаясь уничтожить собственные творения. Эта часть, однако, относится к расследованию Дрейка. Полагаю, он может рассказать об этом лучше, чем я.

Теперь, наконец, позвольте мне точно сказать, что я ожидаю получить от этой экспедиции. Я надеюсь, что благодаря тщательному изучению анатомии, поведения и окружающей среды этих странных существ мы сможем раскрыть тайну их происхождения. Нужно понимать, что это подразумевает. В случае успеха я смогу искусственно создать настоящее живое семя жизни. Захочу я это сделать или нет, зависит от того, что мы узнаем в ближайшие несколько дней.

Имейте в виду, я не говорю о сотворении гигантской ящерицы из мертвой слизи или о чем-нибудь таком же фантастическом. Но я действительно надеюсь вновь открыть утерянный секрет, с которого начались все эти чудовища. Простая частичка живой материи, единственная клетка, видимая только под мощным микроскопом, — это все, чего я добьюсь, если вообще чего-либо добьюсь. Ибо я убежден, что создатели тех чудовищ на пляже большего не добились. Лесной пожар начинается с одной искры; их невидимые частички искусственной живой материи вызвали стихийное бедствие, которое уничтожило их самих.

— Но, доктор, — возразил Оле, — если они создали только эти очень маленькие частички живой материи, как они были уничтожены? Вы говорите, что потребовались миллионы лет, чтобы из тех плохих семян развились опасные животные. По вашим словам, те штуковины были слишком малы и не побеспокоили бы даже блоху. Если я правильно понимаю, что вы имеете в виду, они являлись не чем иным, как кусочками желе, которые было не разглядеть невооруженным глазом. Как такие штуки могут с кем-то сражаться?

— Это я и надеюсь выяснить, определенно и в деталях. У нас с Дрейком уже начинает появляться рациональная теория.

— Вы считаете, что это были болезнетворные микробы?

— Нет, Оле, ничего столь романтического. Как я пытался объяснить, из яйца малиновки никогда не вылупится крокодил. А болезнетворный мик-

роб никогда не эволюционирует в трехметрового зверя с головой и телом, похожими на дурной сон.

— Тогда какова ваша теория?

— На этот счет, если я верно понимаю смысл вашего вопроса, у меня ее нет. Прежде, чем пускаться в гипотезы о происхождении жизни, я выясню факты.

— Послушайте, доктор. У меня есть теория. Эти штуки были впервые созданы....

— О, заткнись, Оле. — Капитан был начеку. — А теперь, Дрейк, расскажите нам свою версию.

— Уже очень поздно, — зевнул Дрейк. — На этот раз мне придется извиниться. Мы выступаем в пять утра. Всем спокойной ночи.

Покинув корабль, группа двинулась форсированным маршем и достигла северного берега нефтяного озера в ранние утренние часы третьего дня пути. Лейн, Андерсон, Оле и Дрейк отправились по суше. Эдит должна была прибыть на базу по воздуху. Пока мужчины находились в походе, она летала к кораблю и назад за различными припасами, которые сбрасывала в удобном месте недалеко от южной границы озера.

Ни одна деталь, связанная с безопасностью экспедиции, не была упущена из виду. Цепочка тайников с провизией между кораблем и северным берегом при любом исходе исключала голод. Группа из пяти человек могла бы каким-то образом втиснуться в самолет и таким образом быстрее достичь своей цели. Но по ряду причин решено было идти пешком, захватив с собой самое необходимое из легкого нефтеразведывательного снаряжения. Андерсон ожидал даже, что разведчики найдут признаки нефти, двигаясь слегка зигзагообразно вдоль линии тайников. Капитан был настроен вполне оптимистично.

На случай аварии на корабле люди Бронсона обустроили сорокамильную цепь складов параллельно северной бухте. В качестве последней меры предосторожности они выгрузили весь, до последнего галлона, запас горючего, спрятав его в глубокой яме в миле от берега. Даже если бы экспедиции пришлось срочно возвращаться пешком, провизии было бы достаточно. Каждый из мужчин мог унести на спине спальный мешок и небольшой паек из северных складов, которого хватило бы до побережья. Если в течение двух недель не появилось бы китобойное судно, Эдит или Оле должны были лететь на северо-восток и искать помощи на ближайшей китобойной станции. Никто из членов партии не ожидал, что произойдет худшее. Но Андерсон не верил в удачу, предпочитая шансу продуманную уверенность.

В этот момент капитан, потеряв дар речи от алчности, смотрел на тридцатимильное пространство пузырящейся черной нефти. Видя перед глаза-

ми сотню огромных состояний, он начал сожалеть о том, что пообещал до-лю прибыли Оле и команде. В этой огромной чаше пузырилось и кружи-лось больше потенциального золота, чем самый изобретательный распут-ник смог бы растратить за пятьдесят жизней. И все же капитан предпочел бы, чтобы Оле и команда были в этот миг где-нибудь в Галифаксе. Такова человеческая природа.

Группа ждала Эдит. Она должна была по одному с удобством перевезти всех участников похода и их рюкзаки на южный берег озера.

Оттуда они собирались сразу же направиться к колодцам, близ кото-рых Эдит и Оле видели гревшихся монстров. Целью Лейна был разрушен-ный кратер. Они с Дрейком были полны решимости лично осмотреть чер-ные скалы. Доктор надеялся также проникнуть сквозь черный дым вниз, поискать другие останки животных и добраться до уничтоженного фунда-мента.

Прямая атака на кратер была бы, конечно, самоубийством. Между неф-тяным озером и черными скалами лежали колодцы, и общительные мон-стры могли собраться вокруг них в любой момент. Изголодавшиеся чудо-вища восприняли бы партию как легкую закуску, дарованную щедростью небес в преддверии грядущего великого пира.

Но как же тогда пересечь область колодцев, взобраться на стену крате-ра и достичь цели доктора? Эта головоломка занимала умы участников по-хода в течение первых двух дней по возвращении Эдит и Оле с дьяволь-ским цыпленком.

Задача казалась неразрешимой. Из всех непрактичных существ не кто иной, как Дрейк, решил проблему посредством блестящей вспышки вооб-ражения. И то, что зажгло воображение Дрейка, было последним, что при-шло бы в голову практичному человеку. Кто, кроме Дрейка, обратился бы за вдохновением к воспоминаниям о своих страданиях в кресле дантиста? Просидев несколько часов со стеклянным крючком длинного резинового сифона под языком, он теперь с пользой вспомнил о своих муках.

В результате Эдит и Оле в течение шести последующих дней перевезли с корабля на южный берег озера каждый свободный фут шланга — пожар-ного и прочего — а также все доступные железные трубы. К обоим концам каждой секции шланга привязали тяжелые железные грузы, а конец каж-дой трубы они согнули под прямым углом. Этот неэффективно выглядев-ший хлам — клубок шлангов с двойным утяжелением и изогнутых труб — составлял весь арсенал атакующей стороны. С помощью этих приспособ-лений они надеялись одолеть армию огромных ящеров. В противном слу-чае им предстояло вернуться с пустыми руками, при условии, конечно, что их прежде не съедят.

— Вот она, — объявил доктор, указывая на крошечное пятнышко на фоне синевы далеко на севере. — Оле, вы полетите первым и возьмете наши

рюкзак.

Оле, похоже, не улыбалось остаться наедине с рюкзаками на южном берегу, пока Эдит не вернется со следующим пассажиром.

— Что, если твари выйдут погреться, пока самолет будет на этой стороне?

— Но вы сказали, что колодцы расположены довольно далеко к югу от озера, — ответил доктор. — Звери не станут убегать на несколько миль от теплого места только для того, чтобы поздороваться с вами.

— Станут, если почуют мой запах.

— Не унывайте, Оле, — сказал Дрейк. — Мы отомстим за вас.

— И много пользы это мне принесет? Летите вы первым.

— Я недостаточно толстый.

Спор был прерван посадкой самолета Эдит.

— Капитан Андерсон, — сразу же начала она, — Бронсон попросил меня передать вам, что он может быть вынужден в любую минуту спуститься вниз по заливу. Сегодня рано утром снова накатила волна теплой воды.

— Кипящей?

— Нет, просто достаточно теплой, чтобы над заливом поднялся густой туман.

— Я думаю, большой опасности нет. Если ему придется бежать, он успеет. Мы тоже в безопасности со всеми нашими складами и самолетом. Что он хотел от меня?

— Хотел узнать, должен ли он отплыть немедленно. Если он не получит от вас ответного сообщения до ночи, то останется на месте.

— Что скажете, Лейн?

— Я не вижу непосредственной опасности. Сильного землетрясения не было.

— Я тоже так считаю. Ему мало что грозит там, где он находится. Ладно, запрыгивай, Оле. Мисс Лейн отвезет тебя на ланч.

— На ланч?

— Да, идиот. Не твой, а их.

С глухим стоном Оле подчинился приказу.

Прибыв на южный берег озера, они с тревогой отметили, что с момента их визита на прошлой неделе уровень нефти повысился. Черные волны медленно напоздали на узкое возвышение, отделяющее озеро от цепочки колодцев. Если стена из камня и льда рухнет под неуклонно возрастающим давлением, состояние Андерсона улетучится через неделю. Мысль о том, что даже если стена выдержит, поток нефти может перехлестнуть через нее, распространиться по равнине и загореться, поджигая все озеро, была совсем не обнадеживающей.

Оставив Оле наедине с его мрачными теориями, Эдит вернулась за следующим пассажиром.

Вскоре после часа дня отряд собрался на южном берегу со своими рюкзаками, готовый к началу наступления. Колодцы все еще находились в состоянии покоя. Это благоприятствовало стратегии предполагаемой атаки, и партия решила немедленно воспользоваться своим преимуществом.

Сразу же возник вопрос, кто проявит инициативу. А точнее, кому из членов партии придется рискнуть жизнью, чтобы осуществить хитроумный план Дрейка. Схема требовала получасовой работы у колодцев. Увидев рабочую группу, рептилии несомненно атаковали бы всей стаей. Никакая пара человеческих ног не могла сравниться по скорости с самой медленной из ящериц. Но если рабочая группа при дневном свете отправится пешком к колодцам, их обязательно увидят. А если ждать до темноты, колодцы могут вспыхнуть в самое неподходящее время, и тогда скучное собрание ящериц у домашнего очага оживят небольшие закуски. Становилось очевидно, что придется воспользоваться самолетом.

Приземление на равнине, испещренной бездонными колодцами, само по себе являлось достаточно трудным делом, а быстрое бегство, в случае необходимости, стало бы подвигом мастерства для самого опытного летчика. О ночной посадке явно не могло быть и речи.

В результате простого процесса исключения пилотом избрали Эдит. Кто должен был лететь с ней? Для этой работы требовался ловкий, практичный человек. Хотя Дрейк умолял о чести привести свой план в исполнение, его кандидатуру отклонили при первом же голосовании. Его сильной стороной был ум, а не физическое развитие. Лейн провалился во втором туре. Оставались Оле и капитан. И поскольку Андерсон был несведущ в авиации, та честь, на которую претендовал Дрейк, досталась Оле.

До отказа загрузив самолет изогнутыми трубами и утяжеленными шлангами, Оле занял свое место. Они взлетели.

Всего они совершили десять вылетов. Они надеялись, что благодаря их усилиям сто восемь ближайших к разрушенному кратеру колодцев превратились в смертоносные машины уничтожения. Им никто не мешал. Стадо либо спало, либо же все, кроме детенышей, отправились на выходные добывать себе пищу под черным дымом кратера.

— Ну что, Дрейк, — спросил доктор, — вы уверены в своем изобретении?

— Абсолютно. Оно может уничтожить целую армию.

— Возможно, это просто оптимизм изобретателя. Как насчет вас, Андерсон? Чувствуете ли вы желание идти вперед? Или же нам стоит разбить лагерь здесь и ждать окончания атаки?

— Думаю, разумней всего было бы остаться здесь. И все-таки я хочу посмотреть на это представление. Я голосую за поход.

— Согласен. Дрейк, конечно, не упустит возможности увидеть свою идею в действии. А вы, Оле?

— Мы с мисс Лейн позаботимся о самолете.

— Хорошо, летите вперед с нашими рюкзаками и ждите нас там поблизости от района колодцев. Если рептилии увидят вас до удара, не беспокойтесь о рюкзаках. Оставьте их и летите прямо на восток, чтобы сбить зверей с толку. Тогда они не смогут случайно наткнуться на нас.

Через два часа после захода солнца Эдит услышала далекий хруст шагов по смерзшемуся снегу.

— Это они, — сказала девушка. — Оле, встретьте их и покажите им дорогу сюда.

Горячий напиток из термосов и сытный обед скрасили скуку ранней вахты. Решив в одиннадцать часов, что колодцы, вероятно, не будут извергаться этой ночью, все, кроме часового, забрались в спальные мешки. Температура была на несколько градусов выше нуля, и спать было вполне удобно.

В ослепительно чистом свете звезд черный барьер края кратера казался зловеще близким. Хотя участники похода понимали, что скрывают скалы, все они, за исключением часового, тем не менее спали как убитые. Логово тоже крепко спало или оцепенело от холода, и ни один ящер не подавал голос спросонья в тишине ничейной земли.

То был спокойный сон перед битвой. Если стратегия Дрейка окажется неудачной, атакующие не увидят рассвета. С другой стороны, если изобретение Дрейка сработает, огромные двуногие рептилии никогда больше не вернуться к черным руинам своего разрушенного рая. Их следующая встреча у веселых костров должна была стать последней. Бедные животные умерли бы счастливыми. Да, лучше последний час счастья, а после вечное забвение, чем медленная, растянутая на много лет смерть от повторяющихся холодов и усиливающегося голода. Предоставленные самим себе, они могли бы в течение полувека голодать, сражаться, замерзать и цепляться за жизнь всеми своими грубыми инстинктами. Было гуманнее уничтожить их сразу.

Полночь миновала без единого толчка. Лейна сменил Андерсон. Два часа прошли без происшествий, и Андерсона сменил Дрейк.

На протяжении первых тридцати минут вахты Дрейка стояла прежняя тишина. Вокруг неподвижно застыл мертвый мир. Чуть позже Дрейк заметил слабое шевеление среди голых скал. Огромные существа, еще не проснувшись, беспокойно дергались во сне. Что-то их потревожило.

Через несколько мгновений они могли проснуться и начать прочесывать равнину. Дрейк и другие не исключали, что эти существа могли вести преимущественно ночной образ жизни и выискивать пищу только в самые темные предутренние часы. Но на самом деле он такого не ожидал. Если монстры появятся до того, как начнется извержение колодцев, его плану конец.

Ему потребовалась всего секунда, чтобы принять решение. Он тотчас разбудил спящих.

— Убираемся отсюда немедленно. Монстры приближаются.

Не пытаясь спорить, исследователи вскочили на ноги. Все были еще порядочно одурманены сном, а новость Дрейка, обрушившаяся на их затуманенное сознание, довершила эффект. Никому из них не пришло в голову, что вся группа могла легко подняться в самолет и за десять минут добраться до безопасного места. Здравомысленно рассуждать был способен один только непрактичный Дрейк, но он, конечно, не додумался ни до чего столь простого и очевидного.

— Отвези доктора на десять миль севернее, оставь его и возвращайся за одним из нас, — велел он Эдит. — Оле, заводи.

Оле уже собирался подчиниться, когда над льдами ничейной земли разнесся сонный хор грохочущих криков. Вероятно, подумал он, им с Эдит днем просто повезло и рептилии рыскали далеко от дома в поисках пищи, пока они готовили нападение.

— Если я заведу мотор, — сказал он хриплым шепотом, — твари это услышат. Через пять минут нас разорвут в клочья.

— Они все равно проснулись, — прошептал Дрейк в ответ. — Если выберутся наружу, то увидят самолет на фоне снега.

Все еще колеблясь, Оле с любопытством прищурился, пытаясь разглядеть Дрейка в полутьме.

— Я не вижу вашего лица, — сказал он, по-прежнему хрипло шепча, — однако могу угадать его цвет. Мисс Лейн заберет вас следующим. Но что вы собираетесь делать, если твари вылезут до того, как она вернется?

— Хватит стоять там, шептать и дрожать, как желе. Если бы вы завели мотор, она могла бы уже слетать туда и обратно.

— Хорошо, генерал, — прошептал Оле. — Одну секунду. Сначала скажу вам, что лично я собираюсь делать. Как только этот пропеллер загудит, я побегу к ближайшему колодезю. Если мне удастся опередить тварей, брошусь в колодезь. Это не будет самоубийством, потому что иного выхода нет. Лучше разбиться или утонуть в нефти, чем угодить им в пасть. Послушайтесь моего совета и следуйте за мной. Я видел этих тварей, а вы — нет. И я уже однажды состязался с ними в беге. Мисс Лейн расскажет вам об этом на небесах. Второй раз мне не нужен. Ладно, генерал, поехали.

Он собрался с духом и направился к самолету.

— Подождите, — напряженно прошептал Лейн. — Я не ошибся. Начинается.

Его чувствительная нервная система обнаружила истинную причину пробуждения рептилий. Едва дыша, остальные застыли в агонии надежды. Неужели лед начал мягко раскачиваться у них под ногами? Или же страстное желание так раскачало их воображение? Шли секунды, но ощущение не пов-

торялось. Наконец, с бесконечным облегчением, они услышали, во многих милях под собой и далеко на севере, слабые, приглушенные удары подземного грома. Сотрясение стало явственным. Через мгновение покрытая льдом равнина задрожала, как стальная плита под ударом тяжелого молота.

В полумиле к югу колодцы начали со свистом засасывать воздух. Затем, когда лед начал вздыматься, как морская волна, люди увидели черный барьер разрушенного рая, кишаций гигантскими телами, которые на миг заслонили низкие звезды и исчезли.

Мгновение спустя глухой удар в верхних слоях воздуха возвестил о возгорании бесчисленных конусов пламени, лед на двадцать миль вокруг окрасился в тускло-малиновый цвет, и они разглядели целое стадо гигантских монстров, мчащихся с невероятной скоростью прямо к ним.

Ближайшие десять минут должны были решить, принесет ли изобретение Дрейка победу или смерть. Конусы пламени опустились, на секунду зависли в воздухе, с оглушительным ревом удлиннились вниз и превратились в столбы огня.

Чудовища снова позабыли о страданиях своего мерзлого бытия. Сбравшись вокруг успокоительного пламени с нелепыми, но трогательными восклицаниями восторга, они отдались благодатному теплу. Десятки зверей свернулись на безопасном расстоянии от ревущих костров кольцами блаженного наслаждения. Быстро оттаивая в невыносимой жаре, они облизывали свои бока, переворачивались на спину и с наслаждением ловили лапами теплый воздух.

Их довольные звуки и невнятные возгласы благодарности вызвали бы жалость в самом зачерстневшем сердце. Невинные шалости колоссальных зверей были неотразимо притягательны.

Огромные хвосты, способные нанести сильный и жестокий удар и оставить вмятину на толстой стальной пластине, безвредно шлепали по тощим бокам. Ребра зверей торчали, как шпангоут недостроенного судна. Они умирали с голоду; и все же сейчас они резвились, наслаждаясь другой своей великой потребностью — теплом.

Их медлительные мозги не размышляли и не мечтали. Когда пламя снова исчезало в недрах земли, они уползали обратно в свои замерзшие пещеры. Наяву или во сне, они ничего не помнили о своем мимолетном счастье. Только при отдаленном раскате грома следующего подземного прилива инстинкты заставляли их вновь вырываться из железных оков беды. Без памяти всякая боль была чудом, всякое удовольствие — случайностью без причины или следствия. Без осознания прошлого их будущее было пустым, их существование — пустотой. Не помня ни о каких наслаждениях, они не могли ожидать их повторения.

Они были прокляты жизнью. Разве не было бы проявлением милосердия благословить их смертью?

Наблюдая за их счастьем, виновник гибели чудовищ не испытывал сожаления. Они погибли безболезненно в свою самую счастливую минуту.

— Смотрите, — сказал он, указывая колодец, у которого грелись в тепле четыре огромные ящерицы. — Там уже началось.

Люди увидели, как четыре гигантских тела перевернулись, словно собираясь уснуть. Монстры неподвижно лежали на боку, их громадные хвосты вяло простерлись по льду, а длинные шеи покоились на боках друг друга.

Дружеские компании чудовищ засыпали одна за другой. Через пятнадцать минут все были мертвы.

А веселое пламя тем временем с треском разгоралось, не ослабевая. Теперь начали прибывать опоздавшие детеныши спящих монстров. Слабо подпрыгивая, они присоединились к своим матерям и уселись в гостеприимном сиянии. Вскоре они тоже уснули навеки.

Внезапно воздух вокруг спящих взорвался с глухим грохотом, превратившись в завесу огня. Мгновенное пламя прожило всего секунду. Только веселые огни шелестели и сияли над мертвыми.

Глава IX

БЛИЖНИЙ БОЙ

За час до восхода солнца лед снова начал трястись. Участники похода услышали, как по подземным коридорам пронеслась возвратная волна. Миг сопротивления — и столбы пламени нырнули в колодцы. Лишь утренняя звезда проливала свои холодные лучи на спящих монстров, теперь таких же холодных, как голый лед, на котором они лежали. Стирая саму память об их последнем счастье, проходящая волна со свистящим отголоском втянула теплый воздух, окружавший спящих.

Группа прождала два часа после восхода солнца, прежде чем отправиться к мертвецам. До спуска в разрушенный рай оставалось выполнить одну простую задачу — иначе по возвращении их могла постигнуть та же участь, что и монстров.

Чтобы сэкономить время, мужчины заранее загрузили свои рюкзаки. Накануне днем Эдит и Оле привезли из одного из тайников на южном берегу нефтяного озера четыре пятидесятифунтовых ящика динамита. Теперь люди взвалили на спины эти ящики, спальные мешки и запас еды, которого хватило бы каждому на два дня, а при ограниченном рационе — на четыре. Кроме того, Оле взял с собой пятифунтовую стальную дрель и тяжелую кувалду.

Эдит должна была управлять самолетом. Поскольку посадка в разрушенный кратер исключалась, ей предстояло кружить над остальными во время спуска, отмечать их маршрут и ждать, пока они не выйдут из дыма. Если же они не появятся до наступления темноты, она должна была улететь в безопасное место, разбить лагерь и вернуться на рассвете, чтобы снова дожидаться их. По их возвращении ей требовалось, выбрав самый легкий маршрут восхождения по скальной стене кратера, подлететь к нему и тем самым указать его группе; если же до полудня группа не покажется, девушка должна была немедленно лететь к кораблю и затем направлять поисковую группу Бронсона.

Четверо мужчин не собирались спускаться в кратер глубже необходимого. Андерсон и Оле хотели лишь узнать, можно ли обнаружить там нефть, Лейн и Дрейк — осмотреть черный цемент на месте.

Вначале все, включая девушку, двинулись пешком к колодцам. Пробираясь между огромными тушами, группа методично уничтожала следы недавней работы Оле и Эдит. Ставшие ненужными шланги и трубы бросали в колодцы; при этом не было слышно никакого эха.

— Как, черт возьми, вам вообще пришло это в голову? — спросил Ан-

дерсон Дрейка, когда тот опускал в колодец последнюю согнутую трубу.

— Как я и говорил, — скромно ответил Дрейк, — на идею меня натолкнула сифонная система, которую используют стоматологи, чтобы рот пациента оставался сухим во время работы.

Я заключил, что если бы мы могли просунуть в колодец один конец трубы, согнутой под прямым углом, а другой проложить на поверхности льда, часть газа, выталкиваемого вверх, вытекла бы окружающий лед. Наблюдая за пламенем в первый раз, я понял, что газ воспламеняется только при соприкосновении с воздухом. Столбы газа загорались сверху. Огонь перемещался вниз по колонне только по мере уменьшения восходящего давления газа. По этой и другим очевидным причинам было ясно, что пламя не загоралось в колодцах, по крайней мере, до тех пор, пока давление заметно не снижалось и огонь всасывался и гас. Таким образом, можно было ожидать, что значительный объем газа будет выброшен через трубы и шланги на лед, прежде чем огонь опустится достаточно низко, чтобы воспламенить смесь воздуха и газа вблизи поверхности.

Что касается остального, я доверился природе. Газ, как я знал из школьных уроков химии, должен был содержать большое количество окиси углерода. А угарный газ даже в ничтожных количествах смертельно опасен для любых животных. Учитывая огромное давление, количества вытекшего даже за минуту газа хватило бы, чтобы удушить целую армию монстров. Задолго до того, как концентрации окиси углерода в газе станут достаточно для взрыва, смесь газа и воздуха должна была достичь смертельной для животных точки. Вы видели, что произошло.

— Монстры, вероятно, умерли только после вспышки, — добавил Лейн. — Газу, который они вдохнули, требовалось несколько минут, чтобы полностью выполнить свою работу.

— Что ж, — сказала Эдит, печально глядя на жалкие кучи чудовищ, — я рада, что это было безболезненно. Они просто уснули.

— Я не стал бы плакать, если бы они немного подергались, — злобно заметил Оле.

— Никогда больше не назову тебя непрактичным, — сказала Эдит Дрейку. Просто избавив этих бедняг от страданий, ты оправдал свое существование.

Дрейк взвалил на плечо свой тяжелый рюкзак и зашагал вслед за остальными.

— Из-за того, что человек предпочитает использовать голову вместо ног и не скачет, как бабуин, — бросил он на ходу, — ты называешь его непрактичным. Ты так же близорука, как рабочие с кирками и лопатами на улице.

— Осторожней, не то твоя голова раздуется от избытка ума, как воздушный шарик, — крикнула она ему вслед, — и ты взлетишь и лопнешь. До свидания. Я заберу тебя, когда ты поранишь пальчик на ноге.

Все четверо полностью сознавали опасность задуманного предприятия. Хотя они, вероятно, уничтожили одно логово огромных монстров, в разрушенном кратере могли обитать еще сотни. Поэтому был выбран маршрут спуска, максимально близкий к уничтоженному логову. Этот спуск по беспорядочно разбросанным обломкам скальной породы и сам по себе был нелегким делом, а груз в двести фунтов динамита ничуть не повышал его безопасность. Стоило поскользнуться на коварных камнях, и могло начаться небольшое извержение. Лишь одна утешительная мысль придавала им смелости: если бы один из них споткнулся и взорвал свой заряд, ни он, ни остальные никогда бы об этом не узнали.

К полудню они благополучно спустились примерно на тысячу футов. Еще тысяча футов — и они окажутся у катящихся черных волн. Зловоние горячей нефти уже ударило им в ноздри. Оле и капитан, глубоко дыша, наполнили свои легкие запахом богатства.

— Вот вы где, Андерсон, — сказал доктор. — Ударьте по камню и увидите, как хлынет нефть.

Они отдыхали на каменном выступе у основания двухсотфутового обрыва в стене кратера. По обе стороны от сплошного цементного пространства в разрушенной стене того, что до уничтожившего его взрыва было зеленым раем, подобным открытому Эдит и Оле, зияли огромные пустые карманы и туннели. Вся стена, вероятно, была пронизана галереями, туннелями и обширными камерами, заделанными до извержения толстыми слоями цемента. Объяснение этого, которое дал позднее Лейн, является разумным и, вероятно, правильным.

— Где же моя нефть? — осведомился Андерсон.

— Я бы сказал, почти везде за этими скалами, если зайти достаточно далеко. В течение некоторого времени я замечал признаки. Видите это пятно там, наверху? (Капитан кивнул.) Это нефть. Вероятно, она сочится из трещины в скалах. Найдите другой конец трещины, и вы нацедите свою первую бочку.

— Но на днях вы сказали, что нефть в таком виде породы — или цемента — не встречается.

— И это правда. С тех пор я кое-что обдумал. Нефть просачивается через дыры и трещины в руинах этой искусственной стены. У меня есть веские основания предполагать, что стена была построена много тысячелетий назад частично для того, чтобы преградить доступ сырью, которое в конечном итоге превратилось в нефть.

— Какова толщина цемента?

— Не имею ни малейшего представления. Может, фут, а может, сотня миль. На вашем месте я бы рискнул попробовать.

Капитан уже был занят своим динамитом.

— Лучше отойдите в сторону, когда будете это делать, — посоветовал

Лейн. — Нефть может отправить вас в лучший мир.

Под уверенными замахами Оле в скале вскоре возникло отверстие для динамитной шашки. Он отступил на несколько футов, вытирая пот с лица, пока Андерсон устанавливал заряд с трехминутным фитилем. Оле шагнул вперед, чтобы посмотреть на работу капитана — и сделал это вовремя. Пятидесятитонный блок черного цемента сорвался с края утеса, пролетел там, где только что стоял Оле, отскочил от края уступа и разлетелся на куски, падая в дым по крутому склону.

— Кто, черт возьми, это сделал? — закричал Оле, побелев от ярости.

— Я не виновен, — сказал Дрейк, прижимаясь к стене как раз в тот момент, когда сверху упал следующий громадный снаряд. Вниз посыпались осколки помельче, забрызгивая выступ энергичными кусками цемента, которые жалили тела потенциальных динамитчиков и оставляли на них синяки.

— У меня есть теория, — объявил доктор с кривой улыбкой, когда обстрел наконец прекратился. — Простите меня, Оле, за то, что я вас опередил. Там, наверху, что-то живое сдвигает незакрепленные блоки. Конечно, могло случиться, что тот первый пятидесятитонный кирпич едва держался и понадобился лишь легкий толчок. Альтернатива заключается в том, что наш друг там, наверху, весит двести или триста тонн. Выбирайте.

— Что нам делать? — спросил Андерсон, побледнев.

— Продолжать нашу работу. Если зверь спустится за нами, мы сможем проползти вдоль подножия утеса и забраться в один из этих пустых карманов. Выступ удачно обрывается вон там, справа. Если этот зверь такого размера, как я себе представляю, он сможет развернуться разве что на широкой автостраде.

— Да, — сказал Дрейк, — и этот выступ как раз достаточно широк для крупа животного. Зверь будет стоять здесь лагерем неделю, если потребуются, и ждать, пока мы не выйдем к ужину.

— Вы предпочли бы мчаться наперегонки до самого низа? Я подозреваю, что там, в дыму, скрывается немало падальщиков, пожирающих мертвых.

— Все не так плохо, — с надеждой сказал капитан. — Мы можем взорвать динамитные шашки, чтобы отпугнуть зверя.

— После взрывов, которые он должен был слышать вокруг этой дыры, наши хлопушки для него — пустяк, — возразил Дрейк. — Но идея неплохая. Эдит услышит и приведет помощь.

— Вы имеете в виду десерт, — сухо поправил его Лейн. — Вперед, капитан, взрывайте. Попробуем узнать все, что можно, об этом месте, раз уж нам придется здесь умереть.

— Если я добуду нефть, — мрачно заметил капитан, — то продам акции самому дьяволу.

Он поджег фитиль и последовал за остальными в безопасное укрытие у

стены.

Взрыв отколол толстую цементную плиту, обнажив не то глубокий карман, не то вход в туннель, похожий на другие проходы в стене. Оттуда не вытекло ни капли нефти.

— Все распродано, — и капитан от души выругался.

Остальные подошли вслед за ним к дыре. Высокий вход позволял рослому человеку войти, не сгибаясь. Андерсон вошел внутрь. Его шаги подняли облако зеленовато-серой пыли.

— Пусто, — сказал он остававшимся снаружи.

Он собирался продолжить свои ворчливые наблюдения, но тут с вершины утеса обрушился каскад щебня. Не дожидаясь приглашения, остальные присоединились к капитану в темной нише. Их поспешное отступление подняло облака едкой, удушливой зелено-серой пыли.

— Приближается, — сказал доктор. — Спускается вниз по склону слева так быстро, как позволяет его тоннаж. Наш фейерверк привлек его внимание.

— Надеюсь, тварь поскользнется и сломает свою мерзкую шею, — злобно заметил Дрейк.

— О, едва ли, — ответил доктор. — После того, как здесь произошел большой взрыв, зверь, вероятно, приобрел большой опыт в ползании по этой дыре. Скорее всего, обедает он в ресторане «Туннель Оле», а сюда приходит размяться и закусить. Мы как раз успеваем к ланчу.

— Мне не верится, что вам наплевать, будете вы жить или умрете, — огрызнулся капитан.

— За исключением того, что ради Эдит умирать я не тороплюсь. Однако я бы многое отдал, чтобы увидеть одного из этих зверей живым и с близкого расстояния.

— Через пять минут сможете пожать ему руку.

— Если он станет слишком общительным, я постараюсь избежать неприятностей. Предпочитаю кратчайший путь. Дайте мне одну из ваших шапок с колпачком и фитилем примерно на десять секунд.

— Вы это серьезно?

— Конечно. Если я должен умереть, я не вижу ни добродетели, ни мужества в том, чтобы сознательно выбирать отвратительную смерть. Я не стану целовать смерть, пока ад не посмотрит мне в лицо.

Капитан протянул ему приготовленную динамитную шашку.

— Если вы пойдете этим путем, — сказал он, — остальным так или иначе придется последовать за вами. Вы же понимаете.

— Не обязательно. Карман довольно длинный. Вы, безусловно, сможете убрать динамит подальше, чтобы он не сдетонировал от моего взрыва.

— Я за короткий путь, — сказал Дрейк.

— Как и я, — отозвался Андерсон.

— Тогда придется и мне, — сказал Оле. — В моем случае это не будет самоубийством. Я делаю это против воли.

Сняв рюкзак, он опустился на колени и стал беззвучно молиться. Остальные почтительно отвернулись, прислушиваясь к грохоту падающих камней, возвещающему о приближении монстра. Андерсон начал нервничать.

— Мы могли бы с тем же успехом отойти подальше, — предложил он.

— Хорошо, — ответил Лейн. — Оставьте свои рюкзаки и отходите в заднюю часть пещеры. Я возьму три шашки: так я буду уверен, что все получится. Это быстро закончится, вы и заметить не успеете.

— А вы?

— Как-нибудь постараюсь. Не бойтесь. Я не собираюсь сдаваться раньше времени.

Оле поднялся с колен. Их гигантский враг, судя по звукам, теперь медленно продвигался по уступу. Оле заговорил.

— Господь мне ответил.

— Давайте послушаем, что Он сказал. — Капитан был полон сарказма. Он не верил в частные переговоры Оле со штаб-квартирой. — Скорее всего, это будет Его последнее сообщение.

— Этот зверь, возможно, слишком крупный и не сумеет пролезть в дыру.

— Тогда он усядется снаружи и будет ждать.

— Я понял, о чем вы, — воскликнул Дрейк. — Когда животное остановится, мы можем пощекотать его зад и заставить двигаться дальше. Капитан, дайте-ка шашку с трехминутным фитилем.

Андерсон работал быстро, как никогда. Фантастические видения эвтаназии развеялись, словно дым болезненного сна. Исследователи снова стали такими, какими их создала природа: находчивыми, уверенными в себе и полными инстинктивной решимости сражаться до последнего вздоха.

— Я больше никогда не буду насмехаться над тобой, Оле, — торжественно поклялся капитан. — Ты вернул нам мужество. Отнеси свой динамит в заднюю часть туннеля — и мой тоже. Быстрее! Дрейк, тащите туда ваш груз и динамит доктора.

Дрейк и Оле присоединились к остальным как раз в тот момент, когда колоссальная туша монстра закрыла отверстие. Все еще тупо ковыляя вперед, он миновал вход. Дневной свет снова проник в пещеру, и все четверо подкрались к входу.

Лейн выглянул наружу. Безмозглый монстр достиг конца своего пути. Дальнейшее продвижение по сужающемуся выступу было невозможно, и зверь присел на корточки. В своей глупости он зашел так далеко, что теперь не мог безопасно развернуться. Кошка, оказавшаяся в подобном затруднительном положении, немедленно попятилась бы. Очевидно, такое решение проблемы было за пределами возможностей бесконечно малого разума монстра. Он просто сидел.

Доктор заворуженно глядел на чудовище. Он видел только похожую на гору спину существа, одну огромную заднюю лапу с пятидесятидюймовыми когтями и толстый сорокафутовый хвост, сужающийся к тупой шишке на конце. Какой праздник для глаз! Доктор рассматривал неровный гребень мясистых горбов монстра и толстую, как у слона, кожу, лишенную брони из роговой чешуи и прогнившую от гноящихся колоний паразитов. Ему страстно хотелось соскрести с этой шкуры живой образчик болезней, поживавших чудовище с головы до кончика хвоста. И он это сделал.

Опустошив свою коробку из-под табака, Лейн осторожно выбрался из пещеры. Затем доктор приблизился к ближайшему очагу болезни на хвосте животного и поскреб его острым краем открытой коробки. Огромный зверь никак не отреагировал. Бережно закрыв коробку, Лейн оценил на глаз расстояние до входа в пещеру, изо всех сил пнул самое болезненное на вид место на хвосте и рванул с места. Он юркнул в пещеру в тот миг, когда хвост ударил по скале с грохотом пушечного залпа линкора.

— Какого дьявола вы это сделали? — набросился на доктора Андерсон.
— Вы с ума сошли?

— Мы хотели заставить существо двигаться дальше, не так ли? — невинно спросил доктор.

— Но не таким же образом! Если бы не ваша чертова глупость, мы могли бы выбраться отсюда незамеченными.

— По правде говоря, я хотел посмотреть, сколько времени потребуется нервному импульсу, чтобы преодолеть расстояние от хвоста животного до его головы.

— Вот и увидели, черт возьми. Теперь вы запустили механизм. Выйдите и прекратите это.

— Я сделал очень интересное открытие, — восторженно произнес Лейн.
— Зоологи давно подозревали, что у самого большого из доисторических чудовищ было два главных нервных центра: один в голове, другой где-то сзади. Один известный палеонтолог даже утверждал, что рептилии, примерно подобные этой, могли рассуждать одновременно *a priori* и *a posteriori*. Его теория блестяще подтвердилась. Этот безмозглый тупица зафиксировал мой удар своим хвостом. Потребовалась бы неделя, чтобы новость дошла до его сознания.

— О, к черту ваши теории!

У капитана были веские основания для раздражительности. Энергичный удар Лейна решил проблему монстра. Вся тупая масса теперь медленно отступала. Через несколько мгновений безмозглая голова зверя должна была оказаться против входа.

— Отойдите подальше, — посоветовал Лейн. — Он, вероятно, захочет заглянуть внутрь. Своего рода обратное рефлекторное действие, знаете ли. Куда движется хвост, туда последует и голова.

Доктор был прав. Последние несколько ярдов костлявой шеи скользнули мимо, и плоская голова рептилии загородила вход. Чудовище наклонило голову вбок и просунуло ее внутрь. За ней медленно, оставляя достаточные промежутки между собой и стенами, тянулась тридцатифутовая шея. Слышалось тяжелое, медленное дыхание.

Затем монстр заметил в тусклом свете людей. В мгновение ока летаргия зверя исчезла. Напряженная шея моталась из стороны в сторону и рассекала воздух, как хлыст. Вся огромная туша гиганта бешено билась о выступающие камни в попытке последовать за головой.

Огромные хлопья черного цемента начали осыпаться по обе стороны быстро расширяющегося входа, когда сдерживаемый голод монстра перерос в вопли ярости.

Его оглушительные крики, похожие на пронзительный вой стада диких верблюдов, сотрясали пещеру ужасающими раскатами грома, а прерывистое дыхание поднимало удушливые облака серо-зеленой пыли.

Сейчас или никогда! Пока Дрейк чиркал спичками, Андерсон быстро, но хладнокровно приготовил еще две динамитные шашки. Дождавшись удобного момента, он зажег все три фитиля сразу и ловко раскатал шашки по полу пещеры так, что одна оказалась посередине, а другие — на обоих концах дуги, в центре которой находилась огромная змеиная голова. Он догнал остальных прежде, чем они достигли конца пещеры.

Когда ужасающий грохот взрывов наконец прекратился и исследователи поняли, что их груз динамита остался цел, они в онемении, спотыкаясь, вернулись через темноту к входу. В замешательстве они наткнулись прямо на обезглавленный обрубок шеи, из которого, как из гидранта, хлестала кровь.

Они взорвали проем. Когда кровавая работа была закончена, они были алыми от ботинок до волос. Выползая из-под дымящихся плеч растерзанного гиганта, они увидели, как Эдит кружит в опасной близости от скал, рискуя собой и самолетом в стремлении помочь, если представится такая возможность. Они просигналили, что все в порядке, и она отлетела подальше от разрушенной стены.

Во время их долгого спуска Эдит потеряла четверку из виду среди огромных глыб, усеивавших стенки кратера. Она вновь заметила их через секунду после того, как увидела монстра — тот пятился после удара ее отца. В бинокль она разглядела Лейна, выглядывавшего из пещеры. Надо сказать, что до этого момента она просто не видела монстра — с высоты он был незаметен, как муравей в нагромождении камней, и необходимо было точно знать, куда смотреть.

Можно представить себе чувства Эдит, когда она наблюдала за гигантским зверем, пытавшимся прорваться в пещеру. Последовавшие один за другим три приглушенных взрыва, третий из которых снес чудовищу голову, успокоили ее. Люди в пещере были живы и сражались. Она увидела, как

животное в приступе невероятной боли рухнуло на выступ с глухим шлепком, эхом разнесшимся по кратеру; огромная задняя нога массивной туши конвульсивно задергалась, мощный хвост ударил по разлетающимся цементным блокам, и с последним содроганием от плеч до крупа монстр замер. Шея существа по-прежнему тянулась в пещеру. Догадавшись, что произошло, Эдит благодарно вздохнула и принялась кружить рядом.

— Ну что, — спросил Андерсон, — работа на сегодня закончена? Кто-нибудь хочет спуститься еще ниже?

— Давайте спустимся еще на сотню футов, — предложил Дрейк. — Пока что мы видели всего полдюжины цементных блоков со следами надписей. Я хотел бы, если возможно, получить фотографию цельной надписи. У Оле есть с собой карманный фотоаппарат.

— Очень хорошо, — согласился капитан. — Только не забирайтесь далеко. Мы с Лейном пока что осмотрим пещеру. Кажется, в задней ее части просачивается нефть. Разве вы не почувствовали запах, доктор, когда мы ждали взрыва?

— Трудно сказать, мои мысли были заняты другим... Дрейк, почему бы вам не попробовать тот откос слева? Если наша теория верна и надписи вообще сохранились, вы найдете их либо на тех плоскостях, что представляют собой изначальную поверхность цемента, либо на скрытом слое на несколько дюймов глубже. Неповрежденный участок даст вам новые данные о доисторической битве. Нам нужно оригинальное описание. Ищите место, где после взрыва отслоилось всего несколько дюймов внешнего пласта.

Пока Лейн и Андерсон исследовали пещеру, Дрейк и Оле спустились ниже в поисках надписей. Эдит парила над альпинистами, как встревоженная малиновка над своими птенцами.

— Это все ради вас, — с усмешкой заметил Оле.

— Не лезьте не в свое дело, — отрезал Дрейк.

Добравшись до откоса, на который указал Лейн, они не обнаружили никаких надписей.

— Там есть еще один, — с надеждой заметил Оле, указывая на гладкую вертикальную поверхность примерно в тысяче ярдов слева.

— Да, но если мы направимся туда, нас не будет видно с уступа.

— Это достаточно безопасно. — Оле взглянул на кружащий самолет. — Только послушайте моего совета и не попадайтесь ей на глаза.

С невнятным комментарием по поводу назойливой глупости норвежца, Дрейк начал перепрыгивать через попадавшиеся на дороге камни, как возбужденный краб. Его порывистость была вознаграждена.

— Поторопитесь с вашей камерой, — крикнул он. — Это как раз то, что нам нужно.

Оба страшно сожалели, что Оле не упаковал вместо динамита сто фунтов пленок. Пять или шесть акров скалы были покрыты изображениями чудо-

вищ во всех мыслимых позах. Очевидно, это была важная хроника.

На скале сохранились оба слоя надписей. В нескольких местах под ударами падавших во время извержения блоков от внешнего слоя цемента откололись большие пластины, обнажив первоначальные надписи. На неповрежденном пласте видна была исправленная версия. Посоветовавшись, они решили сфотографировать весь утес, разбив его на три десятка участков — на большее пленок Оле не хватило бы. Это казалось более удачным вариантом, чем концентрироваться на отдельных надписях. Дрейк надеялся, увеличив три дюжины снимков, получить изображение каждого знака на откосе.

Андерсон и Лейн тем временем осматривали пещеру. К большому разочарованию капитана, они не обнаружили никаких следов нефти.

— У вас есть то озеро за колодцами, — заметил Лейн. — Разве этого не достаточно?

— Нет. Я хочу загарпунить косяк китов.

— За этот гнилой каламбур вы заслуживаете потерять все, от последней рубашки до души. Давайте выйдем на свежий воздух. Я задыхаюсь от этой омерзительной пыли.

— Пахнет плесенью, не так ли?

— Вы правы, — согласился доктор. — Любопытно, что это такое.

— Возьмите немного с собой и посмотрите при дневном свете. Эти дьявольские спички только обжигают мне пальцы.

Лейн зачерпнул двое пригоршни пыли и поспешил ко входу.

— Споры, — взволнованно объявил он.

Еще не сознавая этого, он встретил врага.

— Я что-то не стал мудрее, — отозвался капитан.

— Это массы семян какого-то похожего на папоротник растения. Господи, как бы я хотел иметь сейчас под рукой микроскоп. Вы что, никогда не видели изнанку листа папоротника? Так вот, коричневое вещество на нем — это миллионы семян, более мелких, чем пыль.

— Понимаю. Но это вещество серовато-зеленого цвета.

— Что делает его еще более интересным. Это споры, зародыши жизни какого-то неизвестного растения. Я уверен в этом. Мы должны забрать все, что сможем унести. Набейте карманы.

Лейн нырнул в пещеру и подал пример. Андерсон довольно неохотно последовал этому примеру.

— Там, у стены, где мы все не растоптали, должно быть хорошее место, — продолжал Лейн. — Просейте споры сквозь пальцы и оставьте все частицы не больше пылинок.

Вскоре Лейн вскочил на ноги с возгласом восторга.

— Смотрите, что я нашел!

Андерсон вышел вслед за ним на свет. Доктор был погружен в созерцание крошечного высохшего листика какого-то растения, которое напоми-

нало папоротник, но совершенно определенно им не являлось. Высохшие листья, больше похожие на гнилую плесень, чем на листву уважающего себя растения, были тоньше волоса.

— Где же я видел нечто подобное раньше? — забормотал Лейн себе под нос. — Оно было живым. Где же, черт возьми, это было?

— На небесах, до того, как вы родились, — предположил капитан. Прочитав потрепанную «Синюю птицу» Оле, он также стал поклонником Метерлинка.

— Гниль, — сказал доктор. Он не восторгался романтичным бельгийцем. — Закон гласит, что действие и реакция равны и противоположны, и ваше предположение напомнило мне место, где я видел это растение. Это было в гнили, по соседству с адом.

— Сан-Франциско? — снова рискнул предположить капитан.

— Нет. На этом пляже монстров. У одного Оле вскрыл живот; в процессе желудок разорвался и наружу выпал ком листьев этого растения, свежих, как только что срезанный салат. Да, теперь я вспомнил. Мы планировали собрать немного на обратном пути к кораблю. Но по возвращении у нас оказалось слишком много груза, и к тому же начинало темнеть. Так что нам пришлось отложить это мероприятие до следующего дня. К утру нефть и грязь просочились в ледяную яму, где лежало растение, и превратили все в суп. Что ж, это более чем компенсирует нашу потерю. У меня будет шанс установить, может ли жизнь при правильных условиях неопределенно долго сохраняться в покое.

— А, ваша теория о бессмертных китах?

— Смеяться я буду над вами, когда заставлю эту зеленоватую пыль расти. Ведь живое растение, вероятней всего, исчезло с лица земли миллионы лет назад.

Первое утверждение Лейна было ошибочным. Менее чем через двадцать четыре часа он обнаружил, что мироздание посмеялось над ним. И то был мерзкий, сардонический смех.

Он не обладал достаточными знаниями.

Вдвоем они с Дрейком реконструировали историю исчезнувшей расы, чьи записи сохранились в суровых условиях антарктического безлюдья. Дрейк как дешифровщик и Лейн как биолог, работая вместе, представляли, что располагают сведениями о всех существенных деталях катастрофы, которая унесла разум с Земли, когда полюса были областями вечного лета. Но в свете того, что произошло менее чем через сутки после обнаружения Лейном зеленоватых спор, ни он, ни Дрейк сейчас не желают заявлять об окончательности своих выводов.

До схватки, чуть не погубившей всю экспедицию, оба были уверены в правильности своей теории. Она рационально объясняла все известные им факты.

Отчаянная борьба за жизнь показала им, что они не представляли себе и половины правды. То, о чем они догадались, было самым очевидным. Неспособность восстановить хотя бы одну менее очевидную деталь научила их скромности. Ни Дрейк, ни Лейн теперь не признают, что знают больше, чем малую часть этой стертой с лица земли истории.

Более того, Лейн в настоящее время не склонен размышлять о темной науке, стоящей за этой историей. Фундаментальные теории и объяснения он предпочитает оставлять Оле. И можно мимоходом сказать, что самая амбициозная теория Оле уже привлекла многочисленных последователей. Однако его слава довольно неоднозначна. Да, последователей у него немало, но за Лейном идут избранные. Ибо пресловутый консерватизм профессиональных ученых удерживает их от вылазок в те сферы, куда радостно бросается более предприимчивый дилетант.

Лейн был так поглощен своими зеленоватыми спорами, что не заметил исчезновения Оле и Дрейка. Они появились в поле зрения как раз в тот момент, когда Андерсон начал ругаться. Все решили, что поработали достаточно, крепко пристегнули свои рюкзаки и начали тысячефутовый подъем к краю кратера. Достигнув цели незадолго до захода солнца, они двинулись быстрым маршем и оказались на месте своей последней ночной стоянки еще до наступления сумерек. Затем к ним присоединилась Эдит.

— Мы разобьем лагерь здесь? — спросила она.

— Почему бы и нет? — ответил Андерсон. — Отсюда близко до кратера. Есть ли у вас какие-либо причины желать отправиться дальше, к нефтяному озеру?

— Возможно, и нет. Вам виднее. Кажется, ветер усиливается. На высоте трех тысяч футов дует слабый штормовой ветер — тридцать миль в час с севера. Здесь, на открытом месте, у нас могут возникнуть проблемы с самолетом, если воздушный поток ночью спустится ниже.

— В настоящее время мы видим только четырех- или пятимильный бриз с юго-востока, — отметил капитан. — Насколько я могу судить, погода точно такая же, какой была последние девять дней.

— Хорошо. Если вы удовлетворены, то и я тоже. Просто я подумала, что было бы предпочтительней поставить самолет в укрытие на южном берегу нефтяного озера, если существует какая-то опасность, что ночью ветер усилится.

— Я уверен, что никакой опасности нет. Этот бриз не превысит шести миль в час на протяжении всей ночи. Кстати, разговор об озере мне кое о чем напомнил. Не слетаете ли вы с Оле к тайнику на южном побережье за новыми спичками? Он поможет их откопать.

— Конечно. Мы вернемся через полчаса.

— И пока ты там, — взмолился доктор, — найди для меня что-нибудь вроде консервной банки. Только с крышкой. Я хочу надежно упаковать эти

драгоценные споры.

— Очень хорошо. Я привезу свежую банку галет, и мы сможем устроить настоящий пир. Я знаю, как приготовить божественную похлебку с галетами и солониной. А ты получишь банку.

— Я получу банку, а все остальные похлебку?

— Если поделитесь своими благословенными спорами, — засмеялась Эдит, — мы поделимся похлебкой.

Когда она вернулась, Андерсон с благодарностью освободил свои карманы от зеленовато-серого месива.

— Будьте осторожны, — предупредил Лейн, взволнованно суетясь вокруг на замерзшем снегу. — Вы теряете половину спор. Ветер уносит их прочь, как дым.

Капитан действительно потерял примерно фунт и три четверти. Наконец, вывернув карманы наизнанку, он тщательно вытряхнул их на ветру. Хотя Лейн был более осторожен, он также потерял из-за ветра полфунта спор.

— Что ж, — сказал он, — у меня в любом случае достаточно. — Он хлопнул крышку. — С помощью этого я смогу установить, может ли жизненный принцип оставаться в бездействии неопределенно долго.

— Великий шведский химик Аррениус* близок к утверждению, что это возможно, — сообщил всем Оле. — У него есть теория, согласно которой жизнь на планетах зарождается благодаря семенам жизни с других планет. Семена дрейфуют по пустым космическим пространствам целую вечность, пока не попадают на планету, достаточно прохладную для жизни. А когда семена жизни оказываются слишком близко к Солнцу или какой-либо другой звезде, жар разрушает их.

Лейн воспринял знаменитую теорию Аррениуса с неуважительным молчанием. Он уже был знаком с этой теорией как с предположением известных физиков Тэйта и Стюарта**. Для него она всегда была великолепным примером некомпетентности среднестатистического ученого, вторгающегося в специальную область других. Капитану показалось, что он понял суть.

— Снова курица и яйцо, не так ли? С чего начинается жизнь на первой планете? Как изначально зарождаются твои драгоценные семена жизни?

— Они не мои, — возмущенно возразил Оле. — Их изобрел Аррениус. Жизнь пришла на первую планету с другой планеты.

* Сванте Аррениус (1859-1927) — шведский ученый, один из основателей физической химии, лауреат Нобелевской премии по химии (1903). Пытался обосновать принципиальную возможность переноса бактериальных спор с планеты на планету под действием давления света.

** П. Тэйт (1831-1901) — шотландский математик и физик; Б. Стюарт (1828-1887) — шотландский физик и метеоролог; совместно они написали книги «Невидимая Вселенная» (1875) и «Парадоксальная философия» (1879).

— Точно, — усмехнулся капитан. — И когда цепочка завершена, у тебя появляется вечный двигатель. Иди и запатентуй его.

Спор грозил перейти на личности. Вмешался миролюбивый Дрейк.

— Вы оба правы. Оле не может нести ответственность за любую глупость, кроме своей собственной. Вы же, капитан, имеете полное право критиковать научную теорию. Все те, на которые я обращал внимание, похожи на нее. Они предполагают существование яйца, чтобы произвести курицу, которая объясняет появление яйца.

— А вы, — с горячностью вмешался доктор, — будучи подслеповатым археологом, конечно же, являетесь компетентным критиком науки. Вы умеете читать доисторические книжки с картинками, но не смогли бы понять разницу между эволюцией и теорией относительности. Вы копаетесь в окаменелых фактах и поэтому выставляете себя судьей современной науки.

— Вовсе нет, — возразил Дрейк. — Я только говорю, что мое образование в области древностей позволяет отличить свежие яйца от протухших китайских деликатесов. И у меня достаточно чутья, чтобы увидеть в этой теории вечного двигателя жизни по Аррениусу научное яйцо по-китайски. Всякому ясно, что он зашел слишком далеко.

— Эй, вы двое, — сказала Эдит, встряхивая каждого из них, — ешьте хлебку, пока она не остыла. Подраться сможете потом.

— Вряд ли нам захочется, — усмехнулся Дрейк, — с галлоном похлебки в животе.

— Верно, — согласился доктор. — Если бы бедных монстров как следует кормили, из них могли бы получиться отличные домашние животные. Борьба за пропитание испортила их характер.

— Интересно, состоится ли сегодня вечером концерт колодцев? — спросила Эдит.

— Нет, — уверенно заявил Оле. — По моей теории, они не проснутся до завтрашнего утра.

— Будь проклята твоя теория, — прорычал завистливый капитан. — Ты вечно теоретизируешь и всегда ошибаешься.

Но Оле оказался прав. Вспышки не было до девяти часов следующего утра.

Глава X

В ОТЧАЯНИИ

После еды все с наслаждением забралось в свои теплые спальные мешки и целый час лежали, разговаривая. Уничтожив соседнее логово монстров, они не видели необходимости выставлять дозор. Шансы на то, что какое-нибудь предприимчивое чудовище выберется из глубины кратера ради поисков пропитания в ледяной пустыне, были ничтожно малы.

Путешественники решили хорошенько выспаться ночью и утром со свежими силами совершить более глубокий спуск в кратер. На следующий день Эдит собиралась показать отцу нетронутый рай, который открыли они с Оле. Остальные должны были отправиться к нефтяному озеру и ждать там, пока Эдит не перевезет их на другой берег. Затем они должны были вернуться на корабль для второй попытки достичь черного барьера, главной цели Андерсона. Хотя они еще не придумали способ преодолеть опасную впадину с колодцами, на которую наткнулись во время первой вылазки, они были уверены, что необходимость подтолкнет их изобретательность к разработке безопасного плана.

Андерсон был полон решимости, как никогда. Не было никаких сомнений в том, что черный каменный барьер за впадиной был стеной другого огромного разрушенного рая. Следовательно, утверждал он, поблизости от него должна быть нефть — ибо то, что верно для одной дыры во льду, должно быть верно и для другой. Лейн существенно изменил свое мнение о возможности найти нефть в подобном пласте. Решающим фактором стало недавнее открытие, касавшееся искусственного происхождения черного цемента.

— Что вы обо всем этом думаете, Лейн? — спросил капитан из своего спального мешка.

— Я уже говорил вам на днях. Мы обнаружили конечный продукт разума, который исчез с лица земли еще до того, как Америка стала континентом. Я полагаю, что этот разум намеренно или случайно решил проблему сотворения жизни. По некоторым причинам я считаю наиболее вероятным, что с самого начала был допущен грубый просчет.

Виновные в ошибке оказались бессильны. Все, что мы обнаружили, указывает на их неспособность контролировать свое творение. Как я недавно говорил, они осознали, что содеяли, только когда было слишком поздно; предвидя возможные последствия, они в попытке свести ошибку на нет уничтожили всю свою цивилизацию. То, что они не смогли полностью осуществить свою разрушительную цель, самоочевидно. Если бы им это удалось,

ни один из тех мертвых монстров никогда бы не появился на свет.

— Если они знали достаточно, чтобы создать жизнь, — возразил Оле, — они должны были знать, как ее уничтожить.

— Не обязательно. Идиот с нужным сортом микробов в пробирке может вызвать эпидемию, с которой не справятся все врачи мира. То же самое и здесь. Мельчайшие частицы живой материи, которые они создали — я описываю этот процесс только в качестве иллюстрации — размножились подобно бактериям. Каково последнее средство, если мы имеем дело с деревней, зараженной чумой? Ясно, сжечь ее дотла. Так что, возможно, эти опрометчивые экспериментаторы все же научились уничтожать жизнь. Но семена жизни — опять же, я просто предполагаю — были рассеяны ветрами по всей их стране.

Что нужно было делать? Поджечь все кругом? Это было бы бесполезно, ибо невозможно прожарить тысячи квадратных миль почвы на глубину в несколько футов (исходя из материальных свидетельств, я предполагаю, что сама почва была пропитана микробами вышедшей из-под контроля чумы жизни).

Что они сделали? Что они могли сделать, кроме как очистить каждую милю зараженной почвы? Никакой воздух не должен попадать к спорам жизни. Свет должен быть исключен. Они систематически пытались похоронить плодородную почву своего континента под миллионами тонн герметичного цемента.

— Но зачем им было навлекать на себя медленную смерть от голода, — возразила Эдит, — если, как ты говоришь, они не создали никаких опасных животных, которые могли бы охотиться на них, а только зачатки жизни?

— По одной очень веской причине, мое дорогое дитя. Мы можем предположить, что их интеллект был выше нашего. Иначе они не смогли бы создать жизнь. Зная достаточно для того, чтобы даже случайно проникнуть в тайну жизни, они, безусловно, были компетентны решить, соответствовало ли их творение упорядоченной, нормальной эволюции. Обнаружив, что все их искусственные споры жизни были всего лишь потенциальными предками мерзостей, которые в будущем, через миллионы лет, достигнут эволюционной зрелости, они задались вопросом, каким будет вероятное состояние мира в результате их ошибки. Они провидели ад на земле.

Непосредственной опасности не было. На протяжении миллионов и миллионов лет не ощущались бы даже никакие неудобства. Но у них была абсолютная уверенность в том, что в конце веков возникнет мир, где не сможет жить ни один порядочный зверь. Они сравнили одно с другим — несколько миллионов лет счастливого существования их расы против равной уверенности в вечном аде на земле после этого. И они решили, что их долгое счастье, даже их продолжающееся существование, не стоят отсроченных затрат.

Я уже говорил, что они были умны. Они сознательно пожертвовали собственным счастьем ради будущего, которое едва ли узнало бы об их существовании; эта сознательная жертва подтверждает мои слова. Эгоистичен, как свинья, только глупец. Теперь продолжайте вы, Дрейк.

— Позвольте мне сначала опровергнуть одну из многочисленных теорий Оле, — начал Дрейк. — Тогда я смогу продолжить с того места, на котором остановился доктор. Оле утверждает, что разумные существа — я не стану называть их людьми, поскольку они были слишком бескорыстны — создавшие все эти акры изображений фантастических монстров, на самом деле видели чудовищ, чьи контуры они вдавливали во влажный цемент. Он утверждает, что художники рисовали с живых моделей. Это я категорически отрицаю. Я признаю, что они видели модели, которые их вдохновляли, но видели их только мысленным взором. Лейн, я полагаю, прав. На самом деле они не создали ничего более ужасающего, чем крошечные кусочки желе.

— Вы должны доказать вашу теорию, — взорвался Оле, привстав в спальном мешке и бросаясь на защиту своего детища.

— Это подтвердилось, когда я впервые увидел ваши драгоценные фотографии. Из всех этих тысяч различных монстров, представленных на ваших фотографиях, ни один не был изображен в позе, которую хоть приблизительно можно было бы назвать естественной. Каждый из них нарисован в какой-то гротескной позе; при виде их вдохновленный природой художник заскрежетал бы зубами. Налицо преднамеренная и успешная попытка сделать каждую позу неестественной по крайней мере в одной детали. Эти вариации — не просто условности. Они систематичны, бесконечно разнообразны и чрезвычайно изобретательны.

Это дало мне первую подсказку. Какая бы раса ни создала эти надписи, она сделала все возможное, чтобы эти звери определенно воспринимались как воображаемые. Они не были вымышленными в том смысле, в каком вымышлен огнедышащий дракон. С помощью полутонны книг я узнал, что подобные существа, сотканные из плоти и костей, вполне могли бы появиться на свет, если бы естественная эволюция исходила из иных начал. Лейн очень помог мне в этом. Мое собственное первое предположение было просто прыжком в темноте.

Что могли означать идеальные изображения несуществующих, но возможных существ? Ответ тотчас пришел ко мне: это результаты тщательно разработанного научного пророчества.

Даже я, мало сведущий в точных науках археолог, слышал об астрономах, которые безошибочно предсказали, в каком месте на небесах планета Нептун, которую никогда не видел человеческий глаз, будет найдена в такой-то час определенной ночи.

И, несмотря на то, что Лейн так сурово осудил мою научную некомпе-

тентность, я также восхищаюсь великолепным открытием шотландского математика, который на основе своих уравнений предсказал наши беспроводные волны и описал их поведение за поколение до того, как беспроводная связь стала применяться на практике.

Зная эти антикварные обрывки научной истории, я дал волю своему воображению. Если мы способны предсказывать движение невидимых планет и предвидеть в деталях великие научные достижения, почему бы более разумной расе не победить нас в нашей собственной игре? Мы предсказываем только физические вещи. Почему бы Лейну, если бы у него хватило мозгов, не предсказать дальнейший ход жизни курицы, изучив яйцо?

— И действительно, — засмеялся Лейн. — Когда-нибудь мы добьемся и большего. Вам следовало дать полную волю своему воображению.

— Тогда оно могло бы никогда не вернуться на землю. Итак, я выдвинул рабочую гипотезу. Я предположил, что авторы этих надписей предсказывали отдаленную эволюцию некоей формы жизни. Приняв это за основу, я посмотрел, что можно отсюда вывести.

Вы помните, что я отмечал полное отсутствие человеческих фигур. Надписи представляли тысячи созданий, но при любом полете воображения ни одно из них нельзя было наделить чем-то выше самого грубого разума. Художники приложили немало усилий, чтобы в каждом случае изобразить дикую, почти безмозглую глупость.

Я также сразу обратил внимание на яркие и реалистичные пиктограммы кровавых сражений. Сопоставив эти два факта — полное отсутствие всякого высшего разума и повторяющееся описание ужасных конфликтов — я пришел к тому, что казалось очевидным выводом.

Авторы надписей, как я предположил, предсказывали свое собственное уничтожение еще не полностью сформировавшимся врагом. Вслед за этим, считали они, воцарится жестокая анархия и неразумность. Надписи говорили о том, что должно было произойти в ходе эволюции. Они предсказывали, что разум неизбежно исчезнет с лица земли. Грубая сила, сошедшая с ума природа и хаос живых существ будут править вместо свергнутого порядка.

Вот и все о пророчестве. Теперь перейдем к исторической части.

Практически сразу я понял, что в надписях представлены два различных периода искусства, разделенные огромным промежутком времени. Между более ранним и более поздним техника графического дизайна коренным образом изменилась. Искусство обоих периодов развито почти до совершенства и принадлежит одной и той же расе; однако, две школы разделяют тысячелетия. Мне не к чему утомлять вас доказательствами. Я использовал того же рода метод, что позволяет археологам с первого взгляда определить, является ли скульптура греческой или египетской, и затем датировать ее относительно какого-либо стандартного объекта.

Обратите теперь внимание на необычную и значительную деталь. Эти

два периода искусства, хотя и были сильно разделены во времени, отличались одинаковым блеском. В течение веков, прошедших между первым и вторым, не наблюдалось никакого упадка. В известной нам истории нет параллели этому. Через несколько столетий, самое большее через две-три тысячи лет, происходит подъем к приблизительному совершенству и уверенное падение к посредственности.

Этот факт озадачил меня больше, чем все остальное вместе взятые, и он все еще сбивает меня с толку, хотя и в меньшей степени. Я был совершенно не в состоянии решить, какие надписи были более ранними. Надписи обоих периодов изображали борьбу и, насколько я мог видеть, борьбу почти идентичного характера. Каков мог быть очевидный вывод? Более ранние надписи предсказывали ужасный конфликт, более поздние зафиксировали его возникновение. Я убедился, что забытая раса рано начала предвидеть свое вымирание в туманном будущем, веками жила с неослабевающей энергией, ожидая уничтожения, и, наконец, была сокрушена на пике своего могущества, продержавшись ровно столько, чтобы оставить запись о надвигающемся и абсолютном поражении.

Затем я попробовал приложить эту гипотезу к вопросу о том, какой набор надписей был более ранним. Чистый результат оказался нулевым. То ли проблема была мне не по силам, то ли мой ум совсем зачерствел.

Однако тщательное изучение надписей не было пустой тратой времени. Подозрение, давно зародившееся в моем подсознании, постепенно переросло в уверенность. Один набор надписей несомненно был зашифрован; возможно, зашифрован был и другой. Изображенный конфликт являлся всего лишь символом более фундаментальной войны. Не зверь шел против зверя, а зверь против разума. Битвы в одном наборе надписей безусловно выступали как символы конфликта, который не был материальным. Какова же тогда могла быть его природа?

Применив процесс исключения, я решил, что единственным рациональным предположением была борьба с законами природы. Конфликт не был материальным и не мог быть направлен против духов. Поэтому, скорее всего, это был неизбежный конфликт с грубой природой, бесконечная борьба разума за то, чтобы быть хозяином самого себя и творцом своей собственной судьбы. Я заключил, что символический набор надписей отражал попытки давно вымершей расы подчинить себе природу. Короче говоря, надписи должны были представлять собой краткое изложение наиболее важных научных открытий и технических достижений этой расы.

Я перешел к следующему вопросу: почему они скрывали свои научные знания? Ответ не заставил себя ждать, хотя теперь я убежден, что он был неадекватным. Вероятно, рассуждал я, научные знания расы были доверены определенному культу, чьим делом было преумножать и использовать запас мудрости. Стремясь предотвратить возможные катастрофы, служите-

ли этого культа с помощью иероглифов и символического языка скрывали от непосвященных все опасные открытия. Записывалась только история суровой борьбы за овладение секретами жизни и материальной вселенной, чтобы последующие поколения искателей не повторяли сомнительные эксперименты и не сталкивались с теми же опасностями.

Теперь было естественно отнести чисто символические или научные сочинения к более раннему периоду. Поздние надписи я воспринял как свидетельство уничтожения расы созданиями ее собственной науки. Гибель, которую их ученые предсказали ранее, настигла их, и погибающая раса оставила предупреждение разумной жизни, если таковая когда-либо снова населит мир. Разум не должен был повторить неконтролируемую ошибку, которая уничтожила его предшественников.

Эта гипотеза получила поразительное подтверждение, когда мы обнаружили тот кусок черного цемента с надписями внутри. Зацементированные надписи относились, как я решил, к более раннему периоду; надписи на верхней стороне фрагмента — к позднему. Очевидно, попытка сокрытия научных познаний была гораздо более доскональной, чем я предполагал. Древняя раса не только замаскировала свои опасные научные познания двусмысленной символикой; она фактически похоронила отвратительную мудрость под несколькими дюймами цемента, твердого, как алмаз.

Что могло подтолкнуть их к таким крайним мерам? Только отчаянная решимость уничтожить последние следы своих научных знаний. И почему? Потому что в последнем конфликте они обнаружили, что знания эти ведут к невообразимо ужасным последствиям.

В том, что касается природы их опасного знания и порожденной им чудовищной катастрофы, я могу только следовать за предположениями Лейном. Эта раса наткнулась на тайну жизни. Создавая жизнь, они посеяли семена мерзости. Это они поняли. И они предвидели, что по прошествии миллионов лет эволюция породит из сотворенных ими зародышей, достаточно безобидных в то время, кишашую, беспорядочную орду лишенных разума чудовищ.

Лейн изложил вероятные мотивы, по которым они выбрали для себя массовое уничтожение. В остальном, пока мы не потратим несколько лет на изучение надписей, мы не можем выдвинуть никакой теории относительно того, как именно они создали жизнь.

— У меня есть теория! — взорвался Оле. Он страдал уже двадцать минут.

— Заткнись, — приказал капитан. — Лейн, как вы объясняете всех этих мертвых монстров там, у колодцев? И тысячи туш на пляже, не говоря уже о полумиллионе, что на моих глазах поднялись со дна океана?

— Объяснить все это не так трудно. Как я уже говорил, создатели жизни уничтожили свое творение, похоронив плодородную почву континента под миллионами тонн герметичного цемента. Такая работа требует време-

ни. Чем дольше они трудились, тем медленнее продвигались вперед. Причина очень проста: по мере увеличения зацементированного региона запасы продовольствия сокращались. Конечно, они позаботились о том, чтобы сначала зацементировать самые опасные места, оставив более легкую работу для последних выживших представителей расы.

— Но откуда они взяли камень и другие материалы для изготовления неисчислимых миллионов тонн самого твердого цемента?

— Из-под земли, конечно. Шахты. Тот кратер, где мы были сегодня, — это развалины одной из их шахт. Обширная круглая впадина, которую посетили Оле и Эдит, — еще одна. К счастью, она до сих пор не разрушена. Тот черный барьер, что вы так решительно намерены исследовать, — это разрушенные нижние выработки третьей, поднятые взрывом огромного количества нефти и природного газа. Сколько еще шахт может быть разбросано по этому замерзшему континенту? Это я надеюсь когда-нибудь открыть.

Итак, как я понимаю, они вырыли эти огромные ямы, чтобы добыть материал для своего цемента. Выполнение такого масштабного проекта требовало высочайшего интеллекта и экстраординарного инженерного мастерства. Я подозреваю, что они вкапывались так глубоко, чтобы использовать внутреннее тепло земли. В их времена, миллионы лет назад, жар на сравнительно небольших глубинах, должно быть, был намного сильнее, чем сегодня в наших самых глубоких шахтах. С той же целью, а также, возможно, в поисках более редких минералов, необходимых для изготовления долговечного цемента, они на каждом этапе своей работы прокладывали глубоко в скалах огромные туннели, галереи и обширные карманы. Мы слышали, как в них бушуют под нашими ногами приливы нефти и воды.

Теперь о ваших животных. Находясь в самом расцвете сил, древняя раса зацементировала все наиболее опасные регионы, и выжившим оставалось только завершить проект, зацементировав более доступные места. Их задачей было запечатать шахты и подземные камеры. Те самые огромные дыры в этой заброшенной дикой местности. Та, которую мы исследовали сегодня утром, определенно была покрыта цементом. Они проделали тщательную работу. Черная стена, вероятно, была толщиной в несколько ярдов — но затем взрыв газа разнес всю внутреннюю часть шахты на куски.

Первые инженеры, предвидя, что последние выжившие погибнут от голода до завершения своей работы, приняли меры предосторожности, сделав стенки своих шахт перпендикулярными. Едва ли можно было ожидать, что каждый квадратный ярд полов, стен и крыш открытых шахт и подземных галерей будет надежно зацементирован до того, как погибнет последний рабочий. Сотни, возможно, тысячи акров свободной почвы должны были остаться открытыми для света, воздуха и влаги. Опасные семена жизни, загрязняющие эти обширные незацементированные территории, жили бы и развивались, а с течением веков превратились бы в уродства. Вот по-

чему они снабдили эти ямы глубиной в три мили перпендикулярными стенами, гладкими, как стекло. Что бы ни размножалось в этих шахтах и галереях, рассудили они, оно будет жить и умрет там. Почва и тепло в конечном счете истощатся, и последние остатки жизни в шахтах и туннелях погибнут. Случилось так, что мы прибыли до их естественного конца; гибель всего живого в шахтах, не исключено, растянется на миллионы лет.

Почему мы не обнаружили могучие двигатели, которые, должно быть, использовали эти великие работники? Те, что остались на открытом воздухе, проржавели и рассыпались миллион лет назад. Но камень всегда переживет железо, а этот цемент, твердый, как алмаз — самую лучшую сталь. Поэтому я уверенностью ожидаю найти следы машин, которые они применяли в своих туннелях и пещерах, а возможно, даже один или два целых двигателя. Ибо я намерен тщательно исследовать каждую милю этих подземных галерей отсюда до Южного полюса, если потребуется, и оттуда до дна антарктического океана.

Я убежден, что многовековое воздействие тепла и воды постепенно расширило туннели и распространило их далеко под океаном. Свод одного из них ослабел и поддался, впуслав океанские воды. Вы видели обратный поток нефти и мертвых животных, выброшенный паром в том момент, когда возвратная волна прорвалась к подземным пожарам. Монстры, я подозреваю, явились из некоего райского уголка, подобного тому, что открыли Оле и Эдит. Я не удивлюсь, если им окажется та самая шахта, которую вы намереваетесь посетить.

У меня также есть теория, как сказал бы Оле, относительно происхождения вашей нефти. Чудовища жили, эволюционировали, размножались и умирали в галереях и незацементированных шахтах в течение миллионов лет, буквально на протяжении эонов геологического времени. Их постоянно разлагающиеся останки и создали озера и океаны нефти, что катят свои черные приливы глубоко под этой полярной ледяной шапкой.

Теперь последнее, и я закончу. Мы проговорили целый час, и нам всем пора спать. Думаю, что послезавтра, когда мы с Эдит посетим уцелевшую шахту, мы не найдем на ее стенах ни единой надписи. Я готов поставить на это все свои образцы, включая несравненного дьявольского цыпленка, против вашего нефтяного озера. Я убежден, что ни в одной другой шахте, кроме той, где мы побывали сегодня, не будет обнаружено никаких следов надписей. Авторы их справедливо предположили, что одной записи будет достаточно. Так зачем тратить лишний труд? Первая запись, та, которую они позже зацементировали, была сделана ближе к началу их гигантского труда. Они как раз собирались зацементировать стены первой обширной шахты, ставшей громоздкой и неуправляемой, и решили оставить запись о суровом научном уроке, который довел их до самоубийства.

При работе они вдавливали в незатвердевший цемент тайный символизм

своих роковых открытий. Эту запись в шахте они задумали как предупреждение своим преемникам на случай, если разум когда-либо снова посетит Землю. Тысячи лет спустя, все еще трудясь над своей колоссальной задачей, они в полной мере осознали ее сокрушительный размах и весь ужас того апокалипсиса, который они старались свести на нет. До их собственного конца оставались еще тысячи лет, однако они решили навсегда стереть записи о знаниях, что направили их расу по долгому, медленному пути к смерти. Вернувшись на первую шахту, они покрыли новым слоем цемента сведения о погубивших их научных открытиях. А сейчас — спать.

— Еще нет, — запротестовал Оле. — У вас нет теории о том, как они создали жизнь. Здесь ваша наука заходит в тупик. Но у меня есть теория...

— Заткнись, Оле, — прорычал капитан. — Мы хотим спать.

— Сами заткнитесь! — взревел Оле, с трудом поднимаясь на ноги в спальном мешке. — Почему всегда «заткнись, Оле»? Все остальные болтают дни и ночи напролет. У меня никогда не бывает шанса что-нибудь сказать. Теперь вы выслушаете меня и хоть раз узнаете кое-что полезное. У меня есть теория, — крикнул он, — и вы должны принять ее, потому что она основывается на здравом смысле и является единственно верной теорией жизни.

Все уже крепко спали.

Но Оле это не могло остановить. Он обратился к рюкзакам и, произнеся свою речь, присоединился к остальным в дремоте.

Эдит проснулась первой и первой ощутила гнетущее тепло. Еще не полностью проснувшись, она перевернулась на бок, чтобы еще немного поспать. Чувство дискомфорта усилилось. Кажется, волосы упали ей на лицо, когда она повернулась, а несколько прядей, очевидно, попали в рот.

Она лениво попыталась вытолкнуть предполагаемые волосы языком. Потерпев неудачу, сжала прядь пальцами. Ощущение было каким-то необычным, и она поднесла волосы к глазам. В полумраке она увидела, что они были зелеными. Пораженная, Эдит присмотрелась внимательнее. То, что она увидела, было массой тонких волосяных отростков, похожих на листву папоротника. Это был враг.

Крики Эдит заставили остальных зашевелиться в своих спальнях мешках. Люди дергались, пытаясь выбраться. Горловины мешков были затянуты густыми зарослями волосяной растительности.

Освободив головы от опутывающих их сетей, они уставились на плотные, спутанные джунгли зеленых волос высотой в пять футов. На юге многочисленные яркие холмики отмечали густо поросшие зелеными листьями туши задохнувшихся монстров. К северу простирался густой ковер непроходимой растительности, исчезающий в темно-зеленом облаке на горизонте.

В сотне ярдов за грудой чудовищ спутанная зеленая масса резко обры-

валась, за исключением единственной полосы шириной в сто ярдов, достигающей до основания черных скал. Она отмечала путь, по которому четверо мужчин возвратились из кратера.

Не обманулся ли их слух? Они стояли неподвижно, как пять ошеломленных колонн, увешанных огромными лентами и венками буйных, чем-то напоминавших грибницу зеленых сорняков, и в страхе прислушивались к шуршащему шевелению. Вся масса с громким шорохом росла.

Вслед за этим они заметили, что лед на западной стороне широкой полосы между колодцами и скалами приобрел темно-зеленый цвет. Края полосы не были острыми, как границы посадок кукурузы — зеленая масса, сужающаяся к краям, сливалась со льдом и снегом. Зеленый окрас льда, далеко за пределами растущей массы, был вызван пылью бесчисленных спор, сдутых с живых растений восточным ветром, поднявшимся с рассветом.

Попытавшись пошевелиться, исследователи обнаружили, что связаны от ступней до подмышек живыми веревками, сплетенными из тысяч растущих, похожих на волосы прядей. Они полностью осознали свое отчаянное положение только тогда, когда Эдит испуганным криком привлекла внимание остальных к самолету. Он исчез под спутанной кучей зеленых веревок. Даже если бы им удалось освободить машину, подняться было бы невозможно. Трактор мощностью в тысячу лошадиных сил не преодолел бы и сотни ярдов этой спутанной растительности.

— Это те адские споры, — тихо сказал доктор. — Посмотрите, весь наш путь от скал к колодцам отмечен мерзкими сорняками. Все это началось с пыли, осыпавшейся во время марша с нашей с Андерсоном одежды и ботинок. Море зелени между нами и горизонтом выросло ночью из спор, унесенных из лагеря ветром. Очевидно, сначала эта гадость растет очень медленно, а потом распространяется, как огонь, иначе мы заметили бы это нашествие перед сном. Вот и вся теория. Есть у кого-нибудь план, как нам выбраться? Не впадайте в панику. Не торопитесь.

— Мы могли бы попробовать прорваться к чистому льду на восток от полосы растений, — предложил капитан, — и затем их обогнать.

— Боюсь, шансов добраться до корабля не так уж много. Тем не менее, это все-таки план. Еще предложения?

Ответа не последовало.

— Что ж, — сказал Лейн, — полагаю, мы двинемся вперед. Не то что бы я особенно стремился вернуться к цивилизации с этим промахом на совести. Моя глупость выпустила на свободу одного из врагов, в борьбе с которыми забытая раса пожертвовала своей жизнью. Теперь я вижу, как можно было этой глупости избежать. По всей видимости, для роста споры нуждаются в холоде и влаге. Вероятно, именно низкая температура приводит к росту, превосходящему все природные возможности. В сухих, теплых карманах в цементе, защищенных от света и влаги, споры могли бы находиться в

состоянии покоя неопределенное время.

Я полагаю, что мы обнаружили массу спор с некогда заросшего участка; видимо, их стряхнули с себя последние рабочие. Когда сорняки исчерпали почву и влагу в кармане, они перестали расти. Думаю, в тепле их рост был медленным и естественным. Споры сохраняли свою жизнь все эти миллионы лет, ожидая, пока такой дурак, как я, не переправит их в идеальную для пышного роста и размножения среду. Предвидели ли эти мертвые рабочие грядущие ледниковые периоды? Запечатали ли они пещеры, чтобы в них не проник стимулирующий рост растений холодный воздух? Я не знаю. Такова моя теория, и она — моя последняя. Куда направимся, Андерсон?

— На северо-восток. Оле, ты самый сильный. Иди первым, пока не сдашься. Мы должны опередить эту дрянь, пока она не выросла вон в том заливе у скал слева. Тогда мы сможем подняться по скалам и обогнать ее на востоке, если сможем. За эти несколько минут разговоров растительность уже поднялась на дюйм выше.

Оле прошел около двадцати футов. Тяжело дыша и обливаясь потом, он остановился, чтобы перевести дух, прошел еще два фута и рухнул в зеленое море.

— Хорошо, Оле, — сказал капитан, занимая его место. — Оставайся позади, теперь я попробую.

Андерсон сдался на третьем ярде.

— Дрейк, ты следующий.

Дрейк прошел меньше ярда. Лейн последовал за ним и прошел полтора ярда. Эдит задыхалась. Так продолжалось до тех пор, пока полное изнеможение не настигло их менее чем в ста футах от места старта. К этому времени зеленая масса поднималась высоко над их головами.

— Я больше не могу, — выдохнул Андерсон. — С таким же успехом мы могли бы сдаться.

Остальные молча бросились ничком на затоптанное их ногами зеленое месиво. Вскоре Эдит поднялась на ноги и поманила Дрейка. Он последовал за ней обратно по зеленому туннелю. Стена похожих на волосы растений в дальнем конце была уже в фут высотой. То была вторая поросль, быстро выросшая из растоптанной слякоти первой.

— Я хочу, чтобы ты знал, — начала Эдит, когда они дошли до конца, — что я всегда любила тебя. Сейчас, когда я знаю, что мы не выберемся отсюда, мне не стыдно сказать это тебе.

— Почему ты не призналась мне раньше? — сказал он, тронутый до глубины души. — Я никогда не подозревал, что ты испытываешь ко мне такие чувства, хотя и надеялся, что однажды это случится, дорогая. Да, мы умрем здесь. Давай же забудем прошлое и отринем мысли о холодной вечности, что ждет нас впереди. Настоящего достаточно.

И они провели свои бесценные мгновения так, как умеют только влюб-

ленные. Смерть могла задушить их еще до наступления ночи, и уж точно до наступления утра. Эти несколько мгновений были для них вечностью.

Казалось, годы спустя они услышали, как кто-то продирается сквозь молодую поросль в туннеле. Это был Оле.

— Доктор послал меня за какой-нибудь едой, — виновато извинился он.

Сердце Эдит усиленно забилося. Пока есть аппетит, есть и надежда. Голова ее отца снова начала работать.

— Похоже, — сказала она Дрейку, — мы все-таки поженимся.

Они нашли Лейна и капитана сидящими в тишине. Лицо Андерсона ничего не выражало. Доктор взглянул на счастливое лицо Эдит, и спазм боли сжал его душу. Лейн послал Оле не за едой, а за сотней фунтов динамита. Он надеялся положить конец страданиям всей партии безболезненно и мгновенно — и без ведома Эдит.

— Ты уже придумал выход? — с надеждой спросила она.

— Да, — сказал доктор. — Но при виде тебя у меня не хватает смелости к нему прибегнуть.

Она догадалась.

— Мы с Джоном, — сказала она, кладя руку на плечо Дрейка, — снова вернемся в конец туннеля, где ты не сможешь нас видеть. Я не боюсь.

— Но я боюсь, — сказал он.

Она стояла и смотрела на него сверху вниз, и в ее глазах была вся любовь и привязанность ее прошлой счастливой жизни.

— Не стоит. Я никогда не боялась темноты.

Оле присоединился к ним, волоча свой поросший волосяной растительностью рюкзак. Андерсон впился в него взглядом.

— Почему ты не сделал этого там? Зачем ты явился сюда и напугал девушку до смерти?

— Я не собираюсь ничего делать. Делайте сами. Самоубийство и убийство противоречат моей религии.

— Взорвать тебя к чертям — единственная радость во всем этом деле. Дай мне колпачок и отрежь трехдюймовый фитиль.

Невольно Оле подчинился. Его полузамерзшие пальцы отказывались сжиматься вокруг детонатора. Затем он стал искать свой нож, чтобы отрезать фитиль, и вспомнил, где его оставил. Он посмотрел на Эдит.

— Вы ведь не сможете принести мой нож?

— Нет, глупый, — засмеялась она. — Как я могу полететь обратно в кратер?

— Ладно, — воскликнул капитан, нетерпеливо отодвигая его в сторону, — я сам разберусь, если у тебя не хватает мозгов пустить в ход зубы.

Вытащив свой нож, он открыл лезвие и бросил на Оле кислый взгляд.

— Очень хочется перерезать твою жирную глотку, — сказал он. — Повесть меня за это не смогут.

— Тогда вы точно попадете в ад, — уверенно заявил Оле.

Андерсон молча и методично принялся за дело. Лейн все еще восседал в зеленом месиве, стараясь не думать об Эдит. Вскоре он поднялся на ноги.

— Через мгновение начнется извержение колодцев, — сказал он. — Я почувствовал что-то похожее на дрожь.

Андерсон машинально прервал свою работу.

— Вы правы. Что ж, через минуту или две мы присоединимся к общему веселью.

Сильное сотрясение земли началось и закончилось с неожиданной внезапностью, швырнув их в гущу растений. Глухой удар в воздухе возвестил о возгорании конусов пламени.

— Газ, нефть! — воскликнул Лейн.

Он был так возбужден, что никак не мог связно выразить ассоциации идей, промелькнувшие в его сознании. Остальные отшатнулись от него. Даже Эдит в тревоге отступила назад: хотя их ждала скорая смерть, казалось ужасным, что одному из них придется уйти из жизни сумасшедшим.

— Разве вы не помните, Оле? — продолжал Лейн, от волнения с трудом произнося слова. — Нефть из сланца на пляже просачивалась в яму, где лежала зеленая масса. То растение было таким же, как это. Что его уничтожило? Нефть! Утром мы увидели, что вся масса растворилась, превратившись в коричневую жижу. Нефть — естественный враг этого растения, и газовое пламя заставило меня подумать о нефти. Слава Богу, что память меня не подвела!

Остальные все еще считали, что он утратил рассудок.

— Азотная кислота может быть для него таким же естественным врагом, — заметил Дрейк, — а нам принести большую пользу. Где мы возьмем нефть?

Дрейк еще не понял, что гениальность — это дар максимально использовать сложившиеся обстоятельства.

— Где? — вскричал доктор. — Нам поможет бак самолета, конечно. Эдит, если ты выделишь двести галлонов, у тебя останется достаточно бензина, чтобы перевезти нас на южный берег нефтяного озера?

— Да. Это меньше десяти минут лета. Я могу дать триста галлонов, если вам нужно, и у нас будет достаточно, чтобы долететь до склада возле корабля.

Но Лейн пока не заходил в мыслях так далеко. По правде говоря, он не думал ни о собственном возможном спасении от смерти, ни о спасении отряда.

Он планировал великое избавление.

— Прорывайтесь к самолету, Оле, — приказал он. — Я пока что достану банку.

Двенадцать футов, отделявшие их от бака с горючим, отняли всего пол-

часа. Надежда утроила их силы. Первый откачанный бензин был использован для пропитки спор в банке. Затем они были выброшены в туннель, а банка вымыта дочиста.

— Снимайте эту зеленую дрянь с самолета, — распорядился Лейн, — пока я буду разливать бензин по туннелю.

Они набросились на работу, как тигры.

— Смотрите, — крикнул Лейн из туннеля. — Только поглядите, что сделали пропитанные бензином споры.

Поспешив обратно, они обнаружили его стоящим в луже коричневой жижи. Как горящее поле сухого льна, восьмифутовая стена зеленых волос таяла по краям лужи. Почти мгновенное разложение, подобно пламени, вгрызалось в непроходимую чащу.

Лейн осторожно нацелил свою банку на сплетение растений вдоль левой стороны туннеля. Когда он вернулся со второй порцией, полоса коричневой жижи шириной в два фута отмечала разрушения, причиненные первой.

Четыре часа спустя они освободили самолет и расчистили прямую аллею в спутанных зарослях, достаточно широкую и длинную, чтобы послужить взлетной полосой.

— Забирайте весь динамит, — велел Лейн. — Я принесу банку. Все остальное оставим.

Оле и Эдит забрались на свои места, Дрейк прижался к спинке сиденья, обхватив Оле за шею, в то время как Лейн и капитан, расположившись по обе стороны от Дрейка, держались за него и друг за друга. Нагрузка, хотя и значительная, была намного ниже грузоподъемности самолета. Эдит провела машину по длинной аллее и подняла ее в воздух из коричневой жижи с запасом в тридцать футов.

Бросив последний взгляд на колодцы, они увидели зеленые холмики вокруг отверстий.

Самолет поднялся на высоту тысячи футов, и глазам отряда открылась зеленая полоса шириной в двенадцать миль, извивающаяся, как река, и уходящая на север, к нефтяному озеру.

— Вот что ветер сделал со спорами, которые мы потеряли прошлой ночью. Эта штука умножается сама на себя, как сложные проценты. Если мы сейчас не остановим ее рост, весь континент через месяц покроется толстым слоем растительности, — сказал доктор.

— А затем споры унесутся через океан в Южную Америку.

— Нет, если я смогу что-то с этим поделать. Мы пока не знаем, может ли растение так быстро размножиться в более теплом климате. Температура замерзания, по-видимому, действует на него как сильный стимулятор. Возможно, оно остается управляемым при десяти градусах и погибает при пятидесяти. Но я не собираюсь это выяснять. Эта чума никогда не распространится дальше нефтяного озера. Приземляйся рядом с тайником, Эдит.

Нам понадобится весь динамит, который у нас есть.

Андерсон, догадавшийся о плане доктора, не стал возражать. За ночь уровень нефти в озере поднялся очень высоко. Еще шесть дюймов, и нефть начала бы переливаться через южный барьер озера. Но исследователи не могли ждать, пока природа возьмет свое. Зеленая река чумы расширялась у них на глазах. За полдня она преодолела бы три мили до нефтяного озера, окружила его и хлынула бы на пустынную равнину за озером в своем все более стремительном движении к океану.

Оле вытащил из самолета кирку и начал яростно крушить лед под самым узким местом барьера.

— Сколько времени потребуется, чтобы перелететь озеро, Эдит? — спросил Лейн.

— Самое большее, двадцать минут.

— Тогда поставьте двадцатиминутный запал, — распорядился Лейн. — Мы не останемся смотреть представление. Озеро может загореться при взрыве динамита. Прошу всех облиться нефтью. Мы не должны завезти эти адские споры в новое место.

Подавая пример, Лейн набрал несколько банок нефти и облил себя с головы до ног. Затем он сделал то же с самолетом. Закончив, доктор передал банку Дрейку и стал наблюдать за работой Андерсона. Капитан молчал, весь поглощенный своей трагедией.

— Послушайте, капитан, — сказал Лейн, — все это происходит только из-за моей глупости. Из-за меня вы потеряли свою нефть. В качестве небольшой компенсации я подарю вам лучшую тысячаакровую апельсиновую рощу во всей Калифорнии.

Гордое искушение отказаться уступило место воспоминаниям о двадцати годах холода и вони.

— Я с глубокой благодарностью принимаю солнечный свет и цветы апельсиновых деревьев, — ответил капитан.

— И пока вы занимаетесь своей работой, — продолжал Лейн, — привяжите это к одной из динамитных шашек.

Доктор протянул капитану свою табачную коробку с паразитами, которых он соскреб с хвоста монстра.

— Я больше не буду рисковать распространением ни одной из адских болезней архейской эпохи, — сказал он.

Установив последний заряд, Андерсон пропитал свою одежду нефтью, поджег все четыре фитиля и забрался в самолет вместе с остальными. Они поспешно взлетели.

Прошло двадцать минут... двадцать пять...

Они были уже далеко за северным берегом озера, мчась к кораблю.

— Вы уверены, что фитиля были сухими? — крикнул Лейн, перекрывая рев пропеллера.

Андерсон кивнул. Они летели еще три минуты, прежде чем услышали, как один за другим прозвучали четыре глухих взрыва, возвестивших о выходе нефтяного потока.

Приближаясь к кораблю, отряд увидел Бронсона и его людей на льду возле склада с горючим. Те бездельничали, тренируя собак и окрепшего дьявольского цыпленка.

— Немедленно убирайтесь отсюда, — приказал Андерсон, когда самолет приземлился. — Пары разведены?

— Да, сэр.

— Отправьте четырех человек на склад с бензином, пусть заполнят бак самолета до отказа. Прикажите остальным подготовить сани и рюкзаки для немедленного марша к побережью. Скоро весь ад вырвется на свободу.

Бронсон бегом бросился исполнять приказ.

— Теперь вы, Эдит, — продолжал Андерсон. — Будьте готовы следовать с Хансеном за кораблем вниз по каналу. Если пойдет грязь и мы увязнем в трясине, летите как можно быстрее к ближайшей китобойной станции и пришлите помощь. Навигацией займется Оле. Мы отправимся на побережье и будем ждать помощи там.

— Могу я взять дьявольского цыпленка? — взмолилась она.

— Эту тварь? Да она большая, как корова.

— Самолет может легко поднять цыпленка.

— Не годится. Но, — добавил Андерсон, увидев слезы в ее глазах, — мы возьмем уродливое животное с собой на побережье, если нам придется идти пешком.

Бронсон присоединился к ним и сказал, что самолет заправлен и может пролететь хоть тысячу миль.

— Очень хорошо. Уводите отсюда корабль. Пусть люди будут готовы покинуть судно при первом же признаке неприятностей.

Матросы уже укладывали свои пожитки и загоняли упрямого дьявольского цыпленка на борт корабля.

Бронсон успел пройти всего четыре шага, прежде чем лед вспыхнул малиновым сиянием.

— Выводите людей на лед и бегите к побережью, — крикнул Андерсон.

Команда не нуждалась в приказах. Люди выбегали так быстро, как только могли. Ужасающее сотрясение настигло их как раз в тот момент, когда они добрались до льда. Посмотрев на юг, они увидели устремившийся ввысь скальный свод. Огромный поток красного пламени, взметнувшийся вверх, догнал черную массу, распластался по ее нижней стороне клубящимися малиновыми волнами и на мгновение прижал миллионы тонн зависших в воздухе камней и цемента к небу. Затем свод рухнул.

Самолет уже направлялся к побережью. Эдит бросила последний взгляд на корабль. Один из матросов отчаянно дергал дьявольского цыпленка за

Они увидели устремившийся ввысь скальный свод.

голову, пытаясь снова вытащить его на берег. Потерпев неудачу, матрос бросил несчастное существо и прыгнул, спасая собственную жизнь.

Падение всей массы камней и цемента вызвало на суше резкий прилив. Лед и камни вздыбились на двадцать футов. С громовым ударом стены залива встретились, разошлись и встретились снова. Корабль превратился в щепки.

Взрыв за взрывом снова и снова подбрасывали убегающую машину в воздушных водоворотах, как перышко. Но это был хорошо построенный самолет, и никаких существенных поломок не произошло.

Летчики лучше оставшихся далеко позади на вздымающемся льду людей знали, что может произойти в любой момент. Нефть, которая хлынула на равнину из озера, чтобы попасть в пылающие колодцы и произвести огромное количество газа, должно быть, все еще текла огненной рекой к подземным резервуарам под нетронутым раем. У них были веские основания полагать, что две цепочки подземных озер были соединены.

Их ожидания оправдались поздно вечером того же дня, когда они устремились на северо-восток к ближайшей китобойной станции. Они не помнили, как выдержали невообразимую бурю взрывов, сотрясшую верхние слои атмосферы от Антарктики до Рио. Нетронутый рай был разрушен.

Четыре недели спустя китобойное судно «Орион» из Бостона спасло группу оглушенных и полуголодных людей, дрожавших на льду в устье бывшей бухты. Спасенные не смогли дать сколько-нибудь вразумительного отчета о пережитом. Ни один член экипажа не погиб. Экспедиция вернулась, едва уцелев.

Обложка издания 1960 г. Худ. Э. Эмивиллер.

Роман Д. Тэйна «Самое главное приключение» («The Greatest Adventure») был впервые издан в 1929 г. Перевод выполнен по этому изданию и отдельному изданию 1960 г. Разбивка на главы и их названия соответствуют несколько сокращенной публикации в журнале «Famous Fantastic Mysteries» (июнь 1944), откуда взят также рисунок на обложке и прочие иллюстрации художника Лоуренса (Л. Стивенса). В аннотации использовано издание 1960 г.

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.